The Girl Who Circumnavigated Fairyland in a Ship of Her Own Making

Catherynne M. Valente

"A glorious balancing act between modernism and the Victorian fairy tale, done with heart and wisdom."
—Neil Gaiman

SHOUT
SHARE
IT

- Катарина М. Валенте
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - Глава 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 22

Катарина М. Валенте
Сказка о девочке, о корабле, который она смастерила, и о путешествии, опоясавшем всё Королевство Фей.

ГЛАВА 1
Удаляются, на Леопарде

в которой девочке по имени Сентябрь Леопард помогает выветриться, и в которой она узнаёт Порядки в Королевстве Фей и решает Головоломку.

Одиннадцатый день рождения оказался для девочки, которую звали Сентябрь, самым обычным днём. С недавних пор она чувствовала скуку и утомление, глядя на всё, что окружало ее в родительском доме: на желтые чайные чашки с нарисованными на них розами, которые вместе с соусником из того же сервиза нужно было мыть каждый день, на вышитую подушку, на которой она спала, и также на маленькую собачку, всегда приветливую и игривую. Но всё-таки этот день был особенным в череде дней, и поэтому поздним вечером девочка задержалась на кухне и, стоя у окна, долго смотрела, как медленно густеет, словно карамелизуясь, ночь. Зеленый Ветер долго смотрел на нее с высот и, когда уже не мог сдерживать жалость, спустился на подоконник, поближе к ней. Может дело было и не в его растроганных чувствах; может оттого, что Сентябрь родилась в мае, или оттого что у нее была родинка на левой щеке или размер ноги у нее был чересчур большой, — одним словом, покинув заоблачный город, где, как и остальным Шести Ветрам, в промерзающей лачуге ему приходилось жить, он предстал перед ней в зеленом смокинге и зеленых галифе, заправленными в зеленые унты, и зеленом извощицком плаще, накинутом сверху.

— Я погляжу, ты весьма раздражительное и вспыльчивое дитя, — прогудел Зеленый Ветер, — Что если тебе отправиться вместе со мной на Леопарде Легких Дуновений к берегу великого моря, что омывает Королевство Фей? Пусть меня туда, к сожалению, и не пустят, потому что Лютым Эфирам туда вход воспрещен, тем не менее доставить тебя к Опасному и Несговорчивому Морю я почту за честь и удовольствие.

— Конечно, я согласна! — выпалила Сентябрь, разочаровавшаяся в розовых и желтых чашках и крохотных игривых собачках.

— Тогда, садись позади меня, и я прошу тебя, не дергай сильно за мех Леопарда, а то она укусит.

Сентябрь залезла на подоконник кухонного окна.

Оставленные в раковине невымытые чашки были частично покрыты мыльной пеной, так что цветочные листья, которыми были расписаны днища чашек, выглядели очень зловеще. При виде одного ей вспомнился отец, отправившийся за море с ружьем, какой-то блестящей штукой на шляпе и кофейного цвета мундире. Другой напомнил фигуру ее матери, склонившейся над упорствующим авиадвигателем и что-то в нем подворачивавшей с такой силой, что раздувались мышцы на руках. Третий напомнил ей раздавленный кочан капусты. Схватившись за протянутую руку в зеленой перчатке обеими руками, Сентябрь почувствовала, как ее легкие, до последнего крошечного закутка, наполнились воздухом. Пока она перебиралась на спину Леопарда, одна из латунных пряжек расстегнулась и туфелька соскочила с ноги. — и в недалеком будущем это будет иметь большое значение, так что, пользуясь моментом, скажем ей вместе несколько слов на прощание. Прощай, Мэри Джейн, маленькая и чопорная! Совсем скоро Сентябрь будет тебя не хватать, — и пусть эти слова не потонут в негромких раскатах, с которыми туфелька ударилась о паркет.

— Значит так, — начал Зелёный Ветер, как только девочка устроилась в изумрудном седле, обмотав запястья пятнистым леопардовым ворсом, — В Королевстве Фей есть важные правила. И если ты пренебрежешь ими, то, боюсь, что я не смогу тебе помочь ничем, — потому что я в текущие времена также должен соблюдать эти же правила, пока мои бумаги находятся в рассмотрении и мне еще не выдали золотого кольца, означающего дипломатическую неприкосновенность. Так что тебя либо депортируют либо казнят, смотря в каком настроении будет Маркиза.

— Она несносная, да?

Зеленый Ветер ответил не сразу. Какое-то время он, нахмурившись, расчесывал свою кудрявую, похожую на ежевику, бороду.

— Все маленькие девочки несносны по сути. — Сказал он наконец. — Но у Маркизы по крайней мере восхитительная шляпка.

— Я готова выслушать правила. — решительно произнесла Сентябрь. Когда она была еще совсем крохой, мама учила её играть в шахматы, — так что теперь она думала, что, если уж она смогла запомнить как движется слон, то и правила Королевства Фей она тоже запомнит.

— Во-первых, никаких железных штук. Таможня тут глядит в оба. Всякие ножички, гильзы, монеты или булавки будут изъяты и переплавлены. Во-вторых, алхимические опыты запрещены всем,

кроме юных особ, рожденных во вторник.

— О! Это как раз я!

— Допустим, я это знал. — подмигнул ей Зеленый Ветер. — Третье правило запрещает любое передвижение по воздуху без лицензирования Следопытами Крестоцвета. Если у тебя, конечно, нет Леопарда. Тем, кто не обладает ни тем, ни другим благоразумно предписаны дороги. Четвертым правилом запрещено двигаться по часовой стрелке. Пятое — выделяет каждую вторую пятницу под вывоз мусора и другого барахла. По шестому правилу все подменыши обязаны носить одинаковую обувь, унифицирующую их. Ну и седьмое правило, самое главное, предостерегает об опасности Пряденного Леса, — ни под каким видом не стоит пересекать его границы. Иначе тебя ждет мучительная погибель или неизбегаемая утомительная чайная церемония в компании нескольких сгадючившихся вязальщиц. Все эти правила беспрекословны к исполнению; небольшие поблажки допускаются только на встречах с высокопоставленными особами или черешидами. Тебе всё понятно?

— В общем, да, — пробормотала она, хотя при таком сильном боковом ветре ей удавалось расслышать не больше половины слов, даже стараясь изо всех сил; к тому же ветер постоянно развевал ее каштановые волосы, набрасывая в глаза и щекоча губы, чем отвлекал еще больше.

— Нет смысла объяснять, что употребление еды или напитков, приготовленных Феями, юридически обязует тебя возвращаться по крайней мере раз в год, в соответствии с мифологическим циклом.

— Как это? — удивилась Сентябрь. — Я не понимаю.

— Я хочу сказать, — улыбаясь и оглаживая бороду, начал Зеленый Ветер, — что всё, что тебе понравится, дорогое дитя, можешь спокойно есть. — Тут его разобрал смех, похожий на пересвист тонких, самых высоких ветвей дерева. — Тебе, сиянию моего лунного неба, — яркому, как облепиха и сладкому, как вишня.

Леопард Легких Дуновений оттолкнулся от крыши и во мгновение их и крохотную Омаху, штат Небраска, разделила воздушная пучина. Сентябрь даже не задумалась взмахнуть родному дому на прощание, — однако не стоит судить ее за это строго: все дети Бессердечны. Они еще не взрастили его, — и поэтому с легкостью могут вскарабкиваться на самые большие деревья, или могут ляпнуть что-нибудь шокирующее, или могут спрыгнуть с такой высоты, при виде которой от ужаса сердце любого взрослого уйдет в пятки. Тяжеловесность — вот что

главное в сердце. Поэтому, чтобы вырастить его уходит много времени. И у каждого ребенка получается по-своему, — как и с арифметикой, или чтением, или рисованием. (Чтение, как известно, способствует набору сердцем веса, как ничто иное). Одни малыши бывают как не от мира сего, только и мучают, Полностью Бессердечные. Другие, наоборот милые и дорогие, Даже Не Скажешь Что Бессердечные. В Сентябрь были черты и тех и других. Зеленый Ветер прилетел за ней, когда её Сердце Чуть Налилось, и она была Не Совсем Бессердечная.

Одним Словом Сентябрь не взмахнула на прощание ни дому, ни маминой мастерской, из трубы которой к ним ластился дым. Она не взмахнула, прощаясь, отцу, — когда они пролетали над Европой. Нам это покажется бестактным, — но только не Сентябрь: она читала много книжек и была твердо уверена, что гнев и злоба родителей куда-то пропадает сама по себе, когда они узнают, какие приключения ожидали их чадо в Королевстве фей, а вовсе не в баре за углом. Сентябрь привлекали облака, — и она вглядывались в них, пока глаза не стали слезиться от ветра. Она прижалась к Леопарду Легких Дуновений и сквозь жесткую и сверкающую шкуру слушала, как колотится её необъемное сердце.

— Сэр Ветер, позвольте спросить Вас, — прокричала Сентябрь, когда предполагаемое ею на полет время истекло, — А как вообще можно попасть в Королевство Фей? Мы летим уже долго, уже миновали Индию, Японию и Калифорнию и вот-вот вернемся к моему дому.

— Будь Земля круглой, это бы оказалось абсолютно верным замечанием.

— Но я стопроцентно уверена в этом.

— Тебе бы лучше заняться отучением себя мыслить вчерашним днём. Консерватизм — черта далеко не привлекательная, в то время как Королевство Фей всегда была Науко-Сменчивым местом. Мы выписываем все лучшие журналы.

Тут раздался громкий, но не воинственный рык: Леопард Легких Дуновений согнал со своего пути маленькое стадо клубящихся облаков.

— Земля, дорогая моя, в общих чертах имеет форму трапезоида: не сколько склонного к ромбоиду, сколько к тессеракту; но как бы не выходило, ворчит она всё равно, если её гладить не так, как она рассчитывает. В двух словах, — это головоломка. Именно такая, моя знакомица по осени, — похожая на разборное серебрянное кольцо, которое твоя тетя Маргарет привезла на память из Турции, когда тебе было девять.

— Откуда Вы знаете тетю Маргарет? — воскликнула

Сентябрь, придерживая одной рукой волосы на затылке.

— В те дни, по обыкновению ближе к полудню, я устраивал небольшие пыльные бури. На тебе тогда было желтое платье с обезьянками, а на ней черная юбка. Так уж совпадает, что вещи, которые удаётся Растрепать, всем Лютым Эфирам глубоко врезаются в память.

Сентябрь принялась разглаживать, натягивая на коленки, складки своего оранжевого платья. Вообще, всё оранжевое было ей по душе: листья, летние луны, хризантемы и ноготки, мармелад, сыр, тыква и апельсиновый сок. Оранжевый цвет был ярким и требовательным; игнорировать оранжевые вещи было невозможно. Однажды в зоомагазине она увидела оранжевого попугая и захотела его так сильно, что ни о чем постороннем думать не могла. Она придумала ему имя Хеллоуин и готова была кормить его одними ирисками, однако мама сказала ей, что от ирисок птица скоро издохнет, а если и нет, то собака скорее всего её съест. С тех пор из принципа Сентябрь не разговаривала с собакой.

— Да, головоломка очень похожа на обручи, — сказал Зеленый Ветер, глядя поверх зеленых очков, словно подсказывая, — Нужно будет расковать землю, а затем сковать ее снова, и как только это удастся, мы окажемся уже на другом обруче. Фактически в Королевстве Фей. Много времени это занять не должно.

И на самом деле высоко над миром сквозь ледяной оттенок синих облаков стали пробиваться гребешки крыш. Их оказалось так много, что они вскоре затопили собой обозримую поверхность. Здания, которые они покрывали, в основном были высокими и шаткими. Башни и часовни, сколоченные из досок, с проржавевшими куполами и шпилями, украшенными вычеканенными листьями, (а точнее, уже обрывками листьев), огромные соборы, (похожие на те, что Сентябрь видела в альбомах об Италии) с вывалившимися из стен кирпичами, кое-где с отколотыми кусками, кое-где украшенные во всю высь широкой трещиной, — во всех этих постройках ветрам обычно громче всего завывается, звонче всего голосится. Верхушки и кончики всего, промерзшие до единого, были подернуты инеем; не уберегались от этого даже местные жители, несшиеся или порхавшие через город, так же как и Зеленый Ветер закутанные в галифе, китель и плащ, — черные или розовые или желтые — раздувавшие зардевшие щёки, подобно херувимам из уголков старинных карт.

— Добро пожаловать, Сентябрь, в город Запада: мой дом, где гармония — единственный порядок, в котором живут здесь все

Шесть Ветров.

— Тут очень… мило. И очень холодно. И я кажется туфельку потеряла.

Зеленый Ветер посмотрел вниз на пальчики девочки. Их еле различимый фиолетовый оттенок заставил содрогнуться его сердце, и — так как в нем было многое от джентльмена, — он сбросил с себя свой сюртук и помог Сентябрь влезть в него. Рукава были чересчур велики для нее, но сюртук, за время множественных разъездов и путешествий обучился парочке трюков, как следовало бы себя вести, и съежился до размеров девочкиного тела.

— Я наверное выгляжу, как тыковка, — пробормотала Сентябрь, когда трансформация, сопровождавшаяся пыхтением и скрипом утягивания, наконец закончилась, — Снаружи зеленая, а внутри оранжевая.

Она опустила глаза и увидела, что на широком бархатном отвороте сюртук приладил маленькую оранжевую брошку. Это был ключик, сверкавший на изумрудном фоне так, будто был выплавлен из самого солнца. Трюк и эффект, который он произвел на девочку, заставили сюртук польщено засмущаться, отчего он немного нагрелся.

— Потеря туфельки невосполнима, обманывать не стану, — заклокотал Зеленый Ветер — Но жертвенность должна быть свойственна тем, кто собирается в Королевство фей. Город Запада — это пограничная застава, — продолжил он, понизив голос, словно рассказывая тайну, — а Красный Ветер ужасно жадный. К сожалению, как бы не развились события, твою туфельку всё равно бы украли, это здесь обычное дело.

Приземление в Город Запада прошло для Зеленого Ветра и Сентябрь очень гладко и мягко, — ведь Леопарда Легких Дуновений всегда отличала грациозность и осторожность. Они отправились вниз по Проспекту Скуомиш, обходя или встречаясь с Голубыми или Золотыми Ветрами, летавшими здесь, раздув щеки, в поисках продуктов и охапками таскавшими с собой шарики перекати-поля, из которых получался сытный, хоть и колючий салат. То и дело облака, словно обрывки старых газет, перелетали вдоль и поперек улицы. Проспект упирался в две тонюсенькие колонны, заканчивавшимися много выше самой большой городской колокольни, и Сентябрь пришлось пройти немалое расстояние, прежде чем она распознала в такой невероятной вышине два вытянутых лица. Она не смогла определить, мужские они или женские. Глаза на обоих лицах прикрывали сильно затемненные очки. Длинные и тонкие, словно карандаши, два тела ногами глубоко уходили в белесый ил

кучевых облаков,

— Кто они? — прошептала Септемба.

— Который с желтым поясом, это Широта. А в галстуке с турецкими огурцам — это Долгота. Мягко говоря, без них мы далеко не уйдем.

— А я всегда думала, что широта и долгота это лишь линии на карте.

— Они не любят светиться в популярных изданиях, вот в чем дело. Все знаменитости такие. Устают от бесконечных вспышек и щелканья спуском. А эти двое несколько столетий назад заключили с Гильдией Картографов сделку, — и теперь их упоминают исключительно в виде символов, ни в коем случае не по именам.

Присутствие Широты и Долготы вызвало у Сентябрь замешательство. Превосходство в росте большинства людей, было связано у девочки лишь с разницей в возрасте, но в данном случае это не имело абсолютно никакого значения. Плюс ко всему она не ела ничего с самого утра. И её очень вымотало путешествие Леопардом. Потом старомодность реверанса, которым она хотела поприветствовать их, не давала ей покоя. В конце концов, она поклонилась им в пояс. Этот жест очаровал Зеленого Ветра и он повторил его за ней.

Широта зевнул. Нёбо в его рту было синим, как океан в школьных атласах. Долгота скучающе вздохнула.

— Ты что правда ожидаешь, что они заговорят с тобой? — спросил Зеленый Ветер, слегка смущенно, — Они же знаменитости. Частности и Обособленности.

— Но ведь Вы же предупреждали, что появится головоломка, — ответила Сентябрь, не отводя глаз от раскрытого рта Широты. Ее слова, в которых не слышно было восторженного впечатления, задели Зеленого Ветра, и он обиженным жестом потрепал за рукав свой сюртук.

— Вот когда ты собираешь паззл, — произнес он, — как ты это делаешь?

— Ну, — неуверенно принялась отвечать Сентябрь, параллельно разминая замерзшие ноги о каменную мостовую Проспекта, — сначала отыскиваю уголки, потом собираю все края, ну а дальше пристраиваю к рамочке новые детали, пока вся внутренность не заполнится.

— Теперь, сколько ветров существует согласно исторической традиции?

— Кажется, четыре, — ответила Сентябрь, вспомнив один из мифов в ее любимом сборнике, который был таковым, потому что обложка книги была оранжевой.

Зеленый Ветер ухмыльнулся.

— Так и есть. Зеленый, Красный, Черный и Золотой. Разумеется, эти обозначения охватывают целые семейства, наподобие Смитов или Бушей. Но на самом деле есть еще Серебряный и Синий, — но они натворили бед однажды на побережье Туниса, так что, как говорится, отправились спать без ужина. Получается, без них граней действительно четыре. Они, — он указал на Широту и Долготу, — оси. А ты, — он аккуратно поправил прядь волос Сентябрь, зацепившуюся за брошь, — Сентябрь, ты — внутренность, ты вся внутри: невероятно-очертанная и неподатливая.

— Я не понимаю, Сэр.

— Это потому что слишком много пустых слов. На самом деле, слова такие. Одно: «девочка, скачущая на одной ноге против часов стрелки». Другое: «Разодетая в разноцветные вещи». Еще одно «одним глазом смотрящая вокруг». Еще одно «что-то отдавшее от себя». Еще одно «с кошкой в качестве прислужницы».

— Но это ведь просто!

— Да, пожалуй что. Вот только Королевство Фей место очень старое. А чем старее становишься, тем страннее аппетит. У головоломки остались два кусочка. Первый «должна пролиться кровь». Второй «соври».

Сентябрь прикусила губу. Особой любви к паззлам у неё не было; такой, какая была у её бабушки, — которая собирала из 1000 кусочков полотна и обклеивала ими комнату, как обоями. Нерешительно, медленно вспоминая все указанные составляющие, она приступила к действию: сначала прикрыла один глаз рукой, затем, поджав одну ногу, запрыгала вокруг Леопарда Легких Дуновений. Её оранжевое платье сверкало на солнце и взметалось невысоко вверх, сдерживаемое сверху изумрудным сюртуком, (который для надежности обзавелся поясом, и стал похож на жакет); ей оставалось надеяться, что выбранное направление движения действительно против часовой стрелки. Наконец остановившись, она отстегнула от лацкана брошь-ключик и булавкой кольнула себя в палец. Выступившая капелька крови скатилась с пальца на голубые камни мостовой. Она положила ключик к ногам Широты и Долготы, набрала побольше воздуха и сказала:

— Я хочу домой!

Широта и Долгота плавно повернулись друг к другу, синхронно, словно стояли на постаментах и принялись исполнять какой-то странный цирковой номер. Их движения были отточены и казались даже механическими. Они протягивали навстречу конечности и сцеплялись друг с другом, — ладонь с ладонью,

ступня становилось на колено, а затем руки упирались в бока. Казалось, что они пытаются изобразить лестницу. Внезапно улица слегка содрогнулась, но быстро всё встало на свои места. Широта и Долгота разыграли короткий поцелуй, но когда их губы разъединились, оказалось, что между ними возникла брешь, достаточная по размеру для того, чтобы Леопард Легких Дуновений перенес на своей спине Лютого Эфира и маленькую девочку. Всё, что Сентябрь могла различить в ней, было лишь облаками. Зелёный Ветер торжественно протянул девочке руку в зеленой перчатке.

— Молодец, Сентябрь. — сказал он и водрузил ее в изумрудное седло на спине Леопарда.

Никто никогда не увидит, ибо таковы правила театра, что происходит на сцене, когда на ней хозяйничает ремарка «удаляются». И поскольку мы собираемся проследовать за героями в обитель фей, — которые во все времена слыли специалистами по надувательству, — нам следует соблюдать их порядки.

Но дело в том, что самое последнее действие совершил позолоченный ключик. Неслышно, он прошмыгнул в брешь, которую открыли, разгадав головоломку мира, и в которой мгновение назад скрылись Сентябрь и Зеленый Ветер вдвоем верхом на огромной кошке.

ГЛАВА 2
Чулан между мирами

в которой Сентябрь пробирается между мирами, задает четыре вопроса и получает двенадцать ответов, а также обыскивается офицером таможни.

Всякая преклонного возраста леди, проводящая золотой вечер своей жизни, не мыслима без невероятного количества скопившихся за долгую жизнь предметов. Столкнуться с этим приходилось каждому: стоит приехать погостить к своей бабушке летом на озеро, как голова распухает от удивления, кто все эти люди, чьими портретами увешаны стены. И к чему все эти керамические уточки, медные ковшики и сковородки, столовые сервизы, старые зеркала, книги, незаконченное вязание, щепки и просто деревяшки, кочерги и настольные игры, — одним словом, всё, чем заставлены углы в доме, и что доживает свой век, тускнея на солнце и заворачиваясь в толстой кокон коричневатой пыли. Невольно приходит мысль, особенно при виде обширной коллекции стеклянных совушек или фарфоровых сахарниц, что бабушка сошла с ума.

Но именно так выглядит пространство между Королевством фей и нашим миром. Как большой и темный бабушкин чулан, или её сарай на заднем дворе, или её подпол, — куда беспорядочно сваливается всякое барахло. А где еще в мире отыщется более подходящее место?! Земле свойственна бережливость, и она ни за что не выбросит еще не протершийся бронзовый шлем, или еще рабочую катушку для спиннинга, или водяные часы, — однажды это всё может понадобиться. А портреты, так в первую очередь: прожив с её, вы уже без посторонней помощи вряд ли вспомните своих правнуков.

Чулан между мирами привел Сентябрь в изумление. Низко нависающий потолок, испещренный древесными корнями, накладывал оттенок странного благородства на все, чем было заставлено пространство: посеревшие кружева и старинные дешифраторы, якоря, массивные картинные рамы, кости динозавра и механические модели вселенной. Приглушенный свет не мешал Леопарду продвигаться вперед; Сентябрь же вглядывалась в нарисованные глаза фараонов, слепых поэтов, алхимиков и умиротворенных философов (если бы, не одежды,

похожие на занавески, то она вряд ли бы догадалась, что смотрит на философа). И всё-таки чаще всего встречались портреты обычных людей, носивших то, что им нравилось, что не мешало им печь хлеб, косить траву или писать дневники.

— Сэр Ветер, — спросила Сентябрь, немножко пообвыкнув к странному месту, — Ответьте мне пожалуйста на один вопрос, только серьезно и без этих милых имен, с которыми Вы ко мне обращаетесь.

— Я слушаю тебя, моя сла… Сентябрь. Тогда и ты называй меня просто Грин.

— Зачем Вы забрали меня из Омахи? Для Вас это обычное дело, и я — не первая? Вы только по Небраске рыщите? Зачем эта любезность по отношению ко мне?

Непонятный шум, который вызвали её слова, Сентябрь решила определить, как смех Леопарда; хотя возможно, она просто чихнула.

— Вообще-то это далеко не один вопрос. И я думаю будет справедливо, если я не ограничусь одним ответом. — Он прокашлялся весьма драматично. Первый: ну что за жизнь в Омахе. Второй: Нет, у меня весьма загруженный распорядок дня. Третий: смотри предыдущий ответ. Четвертый: Чтобы развеять твой возможный страх передо мною.

Впереди показалась вереница народу, еле-еле продвигающаяся вперед. Люди в ней торопливо поглядывали на часы, поправляли прически под шляпами или взволнованно стряхивали пыль с разноцветных одежд. Леопард пошла медленнее.

— Я же просила серьезно, — прокомментировала Сентябрь.

— Первый: мне одиноко. Второй: не буду скрывать, одного или двоих мне случилось прежде воодушевить. В этом натура ветра, — схватить что-то и унести далеко. Третий: за Небраской не водится привычка воспитывать девочек, кому дорога только в Королевство Фей. Четвертый: если бы не мое обхождение, моё знание маршрута и моя восхитительная кошка, ты бы вообще не улыбнулась и не наговорила мне забавных вещей. Вместо этого ты бы попросила меня ступать своей дорогой и оставить тебя с любимым чайным сервизом и любимой собачкой.

Они подошли вплотную к веренице и пристроились за спиной последнего стоящего. Как и все люди в очереди, он оказался довольно высок, так что Сентябрь не смогла понять, длинная она или нет. Она слезла с Леопарда и угодила ногами в плотную сухую грязь, покрывавшую чулан между мирами. Зеленый Ветер соскочил грациозно вслед за ней.

— Вы сказали, что я раздражительная! Значит, на самом деле

поэтому, да?

— В Собрании Королевства организован особый отдел, единственной задачей которого является воодушевлять юных мальчиков и девочек, (в основном, сирот, хотя в последнее время мы более не предвзято подходим к выбору) и таким образом заготавливать на зимний период интересные и милые истории, чтобы скрашивать унылое существование иначе, нежели фенхельным пивом или созерцанием огня в камине. Это первый ответ. Второй ответ содержится в первом. Третий: чем суше и серее место, тем пригоднее оно для воспитания детей, которые хотят вырваться из него. Найти никчемного ребенка в Нью-Йорке гораздо сложнее, а тем более уговорить его улететь на Леопарде. Нет, у них там для этих целей Музей Метрополитан создан. Четвертый: Отнюдь я не вел себя чересчур обходительно. Мне приходилось обманывать, чтобы ты сделала то, что нужно мне. Но это приучит тебя к реалиям жизни В Королевстве Фей, где подобное обхождение является самыми изысканными манерами.

— Грин! — закричала Сентябрь, крепко сжав кулачки и едва сдерживаясь, чтобы не разреветься. — Перестань! Скажи просто…

— Первый ответ: потому что ты родилась…

— Что я особенная! — закончила Сентябрь, резко понизив голос до шепота. — В книжках, если возникшее перед девочкой зеленое облачко уговаривает ее отправиться на поиски приключений, то других причин для этого не бывает. Потому что она сильная и умная, умеет драться на мечах, произносить напыщенные речи и разгадывать загадки. В общем, много всего, — того, в чем я на самом-то деле совсем не сильна. Я даже не уверена, что моя раздражительность уравновешивает всё это. Хотя я вовсе и не глупая, — я умею играть в шахматы, знаю много по географии, и умею запускать нагреватель воды, если мамы не оказалось дома. Но я говорю о другом, — может вы перепутали меня с какой-то другой девочкой. Может в этом отделе произошла какая-то ошибка, — потому что ну какая я героиня?! Мала ростом, и отца моего призвали в армию воевать, и даже защитить птичку от собаки я и то не способна.

Леопард повернула свою пятнистую большущую голову, взглянула на Сентябрь своими желтыми спокойными глазами и по-кошачьи пропела

— За тобой мы пришли. За тобою. И точка.

Она лизнула шершавым языком щеку девочки. Сентябрь едва заметно улыбнулась и вытерла глаза рукавом зеленого жакета.

— СЛЕДУЮЩИЙ! — пророкотал глубокий суровый голос, эхом разнесшийся по всему чулану. Звуковой волной их даже отбросило на занявшего за ними очередь человека. Веселая

компания, находящаяся в тот момент перед ними на высоком подиуме, мгновенно детонировала и исчезла из виду; трепетавший еще воздушный вихрь последними заглотил бумаги и багаж.

Высоко над подиумом проступали очертания огромных размеров горгульи. Каменные массивные брови шевелились на черном лице, бронзовая челюсть чуть выступала вперед. В усталых глазах трепыхалось багровое пламя. Внутри тяжеленных рук стрекотали и клацали поршни. Посеребренная кольчуга, прикрывавшая грудь твари, от горла до середины разошлась широкой трещиной, и сквозь неё ярко мерцало бело-фиалковое сердце.

— ДОКУМЕНТЫ! — прогремел голос. Портреты на стенах закачались. Изо рта горгулью валил горячий дым, отчего Сентябрь испуганно прижалась к Леопарду.

— БЕТСИ БАЗИСТЕБЛИК, СИЮ СЕКУНДУ ВЫЛАЗЬ ОТТУДА! — прикрикнул Зеленый Ветер в ответ по-своему громко.

— НЕТ! — после небольшой паузы вырвался из мехов-легких зловещий рокот.

— Ну кого ты этим впечатлишь, — раздосадовано вздохнул Зелёный Ветер.

— ЕЁ! НЕ ВИДИШЬ ОНА ВСЯ СЪЁЖИЛАСЬ И ТОГО ГЛЯДИ ОПИСАЕТСЯ!

— Бетси, если не прекратишь, я тебя хорошенько выпорю! И ты знаешь, что я слов на ветер не бросаю, ибо именно я отхлестал Лорда Лифглена и гнал его через весь город как собаку. Бетси, ты же знаешь, что я не турист, и не потерплю, чтобы со мной обращались как с туристом.

— Ты не турист, это точно, — ответил густой, вялый и не такой громкий голос. Пламя в глазах горгульи погасло, плечи поникли, и изнутри выпрыгнула женщина, такая же маленькая, как и Сентябрь, возможно даже еще меньше. Ее мускулистый торс, державшийся на коротких ногах с крупными шишками коленей, был похож на медвежий, а короткие волосы, намазанные какой-то грязью, словно лезвия ножей, устремленных в одну цель, торчком стояли над головою. В зубах она держала самокрутку, от которой исходил сладкий дым, напоминавший ваниль, ром, кленовый сироп и что-то еще, сладостно-запретное.

— Ты не турист, — повторила она ворчливым скрипучим голосом, — Ты — Опалот. Другими словами, Прохвост и Мерзавец, и это значит В Доступе Отказать Повелением Маркизы!

— Я проштамповал свое эмиграционную анкету у Четырех Тайных Советников несколько недель назад. Я приложил к этому прошение, написанное членом Парламента По Отводу Глаз; ну

пусть он так себе, мелкая сошка, но бланк-то официальный, с шапочкой. Не криви душой, и ты и я понимаем, что всему виной волокита.

Напоследок окинув взглядом Зеленого Ветра, Бетси вновь запрыгнула в свою куклу-горгулью. Во мгновение ока, глаза ее снова свирепо запылали, а руки заскрежетали.

— УБИРАЙСЯ ВОН! А ТО ЕЩЕ ПОСМОТРИМ КТО КОГО ВЫПОРЕТ!

— Грин! — прошептала Сентябрь. — Она что — гном?

— А кто же еще, — ворчливо ответила Бетси, снова выпрыгнув наружу. Горгулья, как кукла чревовещателя, сморщилась и оползла. — А ты наблюдательна. Что же меня выдало?

Сердце Сентябрь продолжало учащенно биться, видимо вспоминая вопли горгульи. Она подняла трясущуюся руку и тронула себя за макушку.

— Колпаки, — еле выдавила она, — Их обычно носят гномы. И я подумала, что ваша штыко-прическа ничем не хуже колпака.

— Грини, взгляни, она же типичный логик. Моя бабушка носит колпак, деточка. И моя прабабушка. Но для меня колпак это то же самое, что для тебя капот, обшитый оборками. Ты ведь ни за что его не оденешь, так? Гномы сейчас современнее. И даже гораздо прогрессивнее, я скажу. — С этими словами, Бетси напрягла бицепс, округлившийся весьма внушительно, размером с жестянку от масла. — Все это копошение в саду, это благословенное перелопачивание мусора теперь не по мне. Я окончила училище. Теперь я таможенный служащий, и у меня за плечами немыслимая в своих размерах пирамида из ящиков и контейнеров переправленного груза. А что у тебя?

— Леопард, — быстро ответила Сентябрь.

— Вижу, — согласилась Бетси. — Но у тебя ни документов нет, ни даже пары туфель. А это непорядок.

— А почему Вы так это требуете? — спросила Сентябрь. — Там где я живу, в аэропортах на это не обращают внимания.

— Обращают, ты просто этого не видишь, — ухмыльнулась Бетси Базистеблик. — Все таможенные службы соблюдают установленный режим, но там, где ты живешь, этот жуткий механизм просто во много раз миниатюрнее, его труднее разглядеть. По-твоему, зачем люди выстраиваются в очереди, если не показывать себя? Зачем позволяют себя обыскивать? Мы все здесь шестеренки в громоздком двигателе авторитета; он визжит, скрежещет, горит, но работает, — и поэтому никто не скажет никогда: «сетка на карте только мешает». Ох, Руперт, куда же ты подевался? Вот он прямо-таки насквозь видит, я скажу.

Действует так, как и написано на коробке.

— Но тогда к чему Вам все эти рассказы про двигатели и марионетки? Если бы я позволила себя досмотреть, вам было бы проще, разве не так? — спросила Сентябрь.

Бетси подозвала её ближе к себе. Сентябрь могла чувствовать как сладкий запах ванили рома и кленового сиропа исходит не только от ее дыхания, но от всей кожи.

— Потому что при виде кого-нибудь из человеческого рода, направляющегося в Королевство Фей, нами движет обязательство надурить его, украсть у него что-нибудь, обстучать его барабанные перепонки, — но нам также предписано расколдовать пелену на его глазах, чтобы он смог видеть вещи, которые действуют в мире. Все не обязательно, это — правда. Пусть он бывает сбит с толку чем угодно, хоть грибами, однако одурачивать его своим золотом феям мы не позволим. Вот где простор для настоящих научных исследований. Хотя раньше мазь могла всё решить.

— И вы теперь мне намажете какой-то дрянью глаза?

— Детка, я же говорила уже, — гномы идут в ногу со временем. Мне аптеки не по нраву, я всегда участвую в пикетах против них. Ведь есть средство лучше, чтобы вылечить твою узколобость. Руперт. Просто спец в этом деле. Большинство людей, на ком я использовала его, тотчас начинали видеть то, что я им указывала. Итак, давайте документы.

Зеленый Ветер искоса взглянул на Сентябрь, а затем поник головой и смущенно уставился на свои унты. Казалось, кожа его лица принимает странный красноватый оттенок.

— Ты ведь прекрасно знаешь, Бетси, — пробормотал он, — что Зачарованным документы не нужны. Параграф 6 страница 764 Приложения. Дело Персефоны. — закончил он и вежливо прокашлялся.

Бетси долго и внимательно смотрела на него, затем прямо в лицо ему выдохнула сигаретный дым и вздохнула, словно говоря «вот оно в чем дело, старая ты воздушная лапша».

Сентябрь давно догадывалась, что она была не единственная.

— Ладно, великан, это твои дела. Девочка пусть идет. А ты ни шагу вперед! — Бетси снова затянулась сигаретой, — И кошка твоя тоже. Я не собираюсь делать исключения в Опаловом Списке, даже ради таких симпатяшек.

Зеленый Ветер потрепал Сентябрь по волосам.

— Вот, моя желудевая прелесть, пришло время нам расстаться. Не увижу я больше твоей чашечки, — если ты, конечно, не замолвишь обо мне словечко в посольстве, и мою визу всё-таки утвердят. Теперь же не забывай правила. Не плавай

на сытый желудок. И никому не говори своего настоящего имени.

— Настоящего имени?

— Сентябрь, я привел тебя сюда. Именно тебя, поэтому желаю тебе наилучшего, на что можно надеяться, и пусть обойдет тебя наихудшее, что можно ожидать.

Он наклонился и поцеловал её в щечку, нежно осторожно и сухо, как пустынный ветер. Леопард лизнула ей руку.

— Закрой глаза, — прошептал Зеленый Ветер.

Сентябрь послушалась, и тотчас её захлестнул теплый солнечный ветер, пахнувший всем зеленым, что было на свете: мятой, травой, розмарином, родниковой водой, лягушками и сеном. Он разметал её черные волосы, отбросив их назад, но когда она открыла глаза, ни Зеленого Ветра ни Леопарда Легких Дуновений уже рядом не было. Лишь в ушах звенело его последнее напоминание «проверь карманы, моя кроха-фасолинка».

Бетси размахивала в воздухе руками, словно пыталась разогнать облако неприятного парфюма.

— Сколько же от него проблем! Все эти драматические существа по сути просто подборка монологов да перебор с беспокойством. Держись от него подальше.

Гном достала откуда-то из-за подиума маленькую книжицу, обернутую зеленой кожей, и печать с отполированной рубиновой ручкой. Открыв книгу, она принялась штамповать странички с ехидным восторгом.

— Временная Виза, Гранатовая. Адрес Пребывания: Нет. Регистрация Чужеземца: Человек, Зачарованная, Не-Подменыш. Рост: Средний. Возраст: Одиннадцать. Привилегии: Никаких, или Скольких Добьёшься. Что-нибудь будете декларировать?

Сентябрь отрицательно покачала головой. Бетси неодобрительно закатила покрасневшие глаза.

— Таможенная Декларация. Одна туфелька, Черная. Одно Платье, Оранжевое. Жакет, С чужого Плеча. — Гном всмотрелась внимательно, склонившись вниз с подиума. — Поцелуй, Насыщенно Зеленый, Один, — после этих выразительных слов печать опустилась на страницу, как молот на наковальню, и Гном передала книжицу Сентябрь. — Всё, иди. Не задерживай очередь.

Бетси Базистеблик схватила Сентябрь за лацканы жакета, и чуть ли не отрывая от земли, поволокла мимо подиума к заплесневелой, со слипшимися корнями и скользкими червяками дыре в задней стене чулана между мирами. В двух шагах от нее она остановилась и процедила сквозь зубы какое-то Заклятие, сплюнув его, как пережеванный табак. После этого она вытащила из кармана маленькую черную коробочку, потянула за крохотный

красный язычок, и крышка резко слетела. Внутри было мутное золотистое желе.

— Леший Бодун, старые привычки без боя не сдаются, — выругалась Бетси. — Так то, детка. — Она зачерпнула своими сальными пальцами немного желе и швырнула его в глаза Сентябрь. Подобно желтку, оно сползло по лицу вниз.

— Ой, — смутившись, пробормотала Бетси, разглядывая свои пальцы. — А представь, если бы Руперт выдохся на работе, и тебе пришлось бы переправиться в Королевство Фей, чтобы видеть одних кузнечиков и необозримую пустыню. Да, пустыню без труда не пройдешь. В конце концов, я не обязана оправдываться. Всё, иди же!

Бетси Базистеблик подтолкнула девочку к задней стене чулана между мирами, которая теперь выглядела как живая, увитая плющом изгородь. Сжавшись в комочек, извиваясь, чтобы поломать меньше веточек, Сентябрь проскользнула на другую сторону.

ГЛАВА 3
Привет, До Скорого и Радбыл

в которой Сентябрь едва не утонула, встретила трех Ведьм, (в том числе ободотень) и ей поручают поиски одной важной Ложки.

Наткнуться на толщу соленой воды оказалось больнее, чем наткнуться на бетонную стену. Вспенившись, она прыснула ей в глаза, вцепилась крепко в волосы, схватила за ноги холодными зеленовато-фиалковыми руками.

После нескольких попыток, Сентябрь, наконец, вынырнула и закрепилась на поверхности. А, успокоившись, поплыла в свою силу. Плавала она хорошо и один раз даже заняла второе место на соревнованиях в Линкольне; вместо серебряной медали ей вручили тогда памятную статуэтку, — крылатую леди на постаменте, — чем предоставили пищу для долгих размышлений на тему, каким же образом крылья могут пригодиться пловчихе. Вот если бы у леди были перепонки между пальцами на ногах, думала Сентябрь, это оказалось бы верным подспорьем. А теперь её поражало, что ни на одной из многочисленных тренировок её преподаватели не уделяли внимания технике плавания баттерфляем, — единственной, позволяющей удержаться на плаву, когда тебе спихивают с большой высоты прямо в океан без всяких церемоний. С одним глазом, залепленным волшебной мазью. Неужели можно было упустить такое из виду, — недоумевала она.

Неуклюже барахтаясь, она то и дело уходила под воду; выныривала, жадно хватая обжигающий воздух, — лишь для того, чтобы оказаться снова накрытой накатывающей волной. Конечно она сопротивлялась и пыталась сделать так, как учили тренеры: расположить тело целиком на поверхности и сориентировать его по направлению к земле, — была ли только она где-то? — чтобы волны сами несли его на берег — был ли только он? — а не в обратную сторону.

Сильно переживая, что её может стошнить, Сентябрь позволила огромной волне поднять себя вверх. Оказавшись на гребне, она резко описала головой практически замкнувшийся круг, пристально вглядываясь в горизонт сквозь остатки мази. Где-то в районе 150 градусов мелькнула размытая оранжевая

полоска. Больших усилий стоило ей развернуть в этом направлении тело, но зато потом волны стали подталкивать вперед, пропихивать и перебрасывать, — иногда помогая, а иногда мешая ее энергичному кролю. Усталость наваливалась на Сентябрь с каждым проплытым метром, она страшно задыхалась, но не опускала рук (в смысле, опускала, загребала, снова поднимала, загребала и снова и снова) — пока неожиданно ее колени не уткнулись в песок. Обессилевшая, она распласталась на берегу лицом вниз, даже не обратив внимания, какого удивительного розоватого оттенка был он.

Когда шок начал проходить, на Сентябрь навалился судорожный кашель. На коленях и локтях она поползла вперед прочь из Опасного и Несговорчивого Моря на берег. Сердце не прекращало бешено колотиться и требовало больше времени на отдых. Сентябрь зажмурилась и уступила. Когда она открыла глаза снова, то почувствовала, как выровнялось ее дыхание, и еще как пляж подступил почти к самому её подбородку. На самом деле она провалилась сквозь толстый слой собранного волнами мусора: лепестки красных роз, ветки, колючие листья, желтоватую шелуху каштанов, сосновые шишки, проржавевшие оловянные колокольчики и кусочки скорлупы яиц малиновки. Сентябрь поднялась и, тяжело переступая, стала продираться сквозь эту странную, сладко пахнущую топь, надеясь отыскать твердую почву. Земля, недавно столь желанная, оказалась не тверже моря; зато здесь она могла спокойно и глубоко дышать, не взирая на то, что поломанные ежевичные кусты больно царапали в кожу и приходилось часто спотыкаться.

«Не так уж и долго я в Королевстве Фей, а уже готова расплакаться» — подумала Сентябрь и больно прикусила язык. — «всё равно, лучше это, чем барахтаться в холодной воде». И действительно, по мере того, как она удалялась от моря, мусорная топь ощутимо мельчала. Наконец, ноги проваливались уже ниже коленей, и с облегчением Сентябрь подумала, что идти теперь также просто, как и по глубокому снегу. Она подняла голову и увидела вдалеке высокие серебристые скалы, испещренные маленькими деревцами, только смелостью и большим упрямством добывавшими себе среди камней воду. Они прорастали вбок, но, сильно искривившись, вытягивались вверх. Крупные, длинношеие птицы, сверкая в послеполуденном солнце сапфировыми перьями, копошились и кричали в листве. Устало и часто дыша от изнурительной ходьбы, Сентябрь решилась стереть остатки гномьей мази с глаз, чтобы хоть как-нибудь пережить собственное одиночество. Сделав это, она повернулась назад, чтобы взглянуть на извилистый, оставленный ею след, — но к

удивлению обнаружила, что ни розовых лепестков, ни скорлупы, ни ветвей на взморье не было вовсе. Пляж сверкал золотом. Настоящим золотом вплоть до самой кромки фиалково-зеленой воды: тут были дублоны и пиастры, ожерелья, короны и длинные блестящие скипетры, слитки и блюда: все это блестело так, что Сентябрь невольно прикрыла глаза рукой. Теперь выбирать направление движения было бессмысленно, — во все стороны берег был сплошь золотым.

Сентябрь почувствовала, сколь же сильно она хочет есть. И что вода, насквозь пропитавшая одежду, причиняла не меньше страдания. Немного уняв дрожь, Сентябрь скрутила волосы и выжала их прямо на большущую корону; затем то же проделала с подолом своего оранжевого платья. Пришел в себя и жакет: с досады на своё безвольное бездействие, связанное с недолгим утоплением, он спешно раздувался и развевался на морском бризе до тех пор, пока полностью не просох. «Странно здесь всё, — подумала Сентябрь, — хотя Зелёный Ветер наверное смог бы объяснить мне. Но его нет рядом. И не будет, так что незачем оставаться дольше на берегу. У девочек за неимением Леопарда всё-таки всегда были ноги; и я же не загорать сюда пришла». Последний раз она взглянула на фиалково-зеленые волны прибоя. Какое-то странное неведомое чувство затрепыхалось в груди; она не могла определить точно, но чувствовала, что и море и небо имеют к нему отношение. Тем не менее еще глубже, затуманивая эту сверкающую и сияющую рябь, урчал ее желудок. Необходимость отыскать каких-нибудь ягод, или кого-то, кто мог продать мяса или свежего хлеба была важней, поэтому таинственный трепет Сентябрь аккуратно сложила и пристроила в глубине своего сознания так, чтобы он ни в коем случае не перегнулся или истерся. Итак она отвернулась от моря и зашагала вперед.

Пройдя совсем немного, она увидела инкрустированный камнями скипетр и благоразумно решила забрать его с собой. «А вдруг мне придется кого-то подкупить или закупить что-нибудь в дорогу. Да и не то может случиться. Не воровать же мне тогда». Довольная своей предусмотрительностью Сентябрь отправилась дальше, опираясь на скипетр, как на походную трость.

Но идти было не так уж легко. Оттолкнуться и сделать шаг мешала отполированность и сыпучесть золотых монет, расползавшихся в разные стороны; Сентябрь заметила, что подобное происходит только с ее единственной обутой ногой. Пальцы же босой ноги легко проминали поверхность и не скользили вообще, — но как бы то ни было, каждый шаг порождал перезвон отброшенных назад монеток, и к полудню, по

грубым подсчетам Сентябрь, это количество приблизилось к национальному золотому фонду Финляндии. Взрослость этой мысли отвлекла внимание девочки, поэтому длинная своеобразная тень разверзлась на ее пути совершенно незаметно.

В Омахе указатели пишутся либо белыми буквами на ярко-зеленом фоне, либо черными — на белом. Сентябрь понимала всю их значимость. Но указатель, возникший перед нею, возвысившийся над нею, смотрел на неё отбеленными ветром глазами с искусно-вырезанного из дерева женского лица, тронутого выражением спокойствия и незначительной эрозией. Золотистый глубокий солнечный свет Королевства фей, играя тенями в ее волосах, подчеркивал скрупулезность и мастерство резчиков. За спиной женщины развевались широкие крылья (совсем как на трофее по плаванию); рук у нее было четыре и вытянуты они были в различных направлениях. На ладони руки, указывающей за спину, приблизительно на восток, как раз как и шла Сентябрь, было выгравировано очень изысканным шрифтом:

ПОТЕРЯЕШЬ ДОРОГУ.

Рука, задранная вверх в северном направлении к верхушкам скал, предупреждала:

ПОТЕРЯЕШЬ ЖИЗНЬ.

Южное направление еще рука указывала на море, и на ней можно было прочесть

ПОТЕРЯЕШЬ РАССУДОК.

Рука, указывавшая на запад, в сторону некрупного мыса, где вроде обрывалась золотая пашня пляжа, была украшена надписью

ПОТЕРЯЕШЬ СЕРДЦЕ.

Сентябрь прикусила губу и задумалась. Расстаться с жизнью в ее планы точно не входило, так что к скалам она не пойдет. Потерять рассудок ей хотелось чуточку меньше; тем более, если по скалам подниматься она умеет без какой-то помощи, для сооружения более-менее непотопляемого судна Сентябрь не замечала ничего подходящего, а на плоту из золота она пошла бы прямиком ко дну. Потерять дорогу ей и так уже однажды пришлось, так что за многие мили ей этот путь уже наскучил. И кроме того, заблудившийся не может знать куда он придет, а это категорически отличалось от ее планов прийти куда-нибудь, пусть она и не знала куда нужно было идти. Куда-нибудь где

точно есть пища, а еще кровать и камин; и что так не похоже на Здесь: где только холодное бушующее море и золото.

Выбор падал на сердце.

«О нет, деточка, только не туда!» — крикнула бы ей я, или ты или любой другой взрослый, не раз и не два сталкивавшийся с сердечной растерянностью. Но напоминаю, что Сентябрь была Скорее Бессердечной и не чувствовала перед собой никакой опасности. Обычное чувство для ребёнка.

И не столько рассуждения сформировали её решение, сколько клубящийся тоненькой струйкой дымок, который она заметила далеко впереди на этом направлении. Через мгновение ее уже не было на перекрестке; а четырехрукая красавица, вырезанная из вишневого дерева, поглядела Сентябрь вослед, печально потрясла головой и закрыла глаза.

Более или менее удачно перепрыгивая золотые слитки, которых оставалось уже немного, Сентябрь бежала к месту, откуда вился дым, и то и дело громко выкрикивала слова приветствия, или междометия, привлекающие внимание. «Привет!». «Привет!»

Она увидела большой и широкий горшок (котел, разумеется), вокруг которого стояли, нависая, три сгорбившиеся фигуры. Одеты они были не изыскано, но со вкусом; платья, — старомодные, с высоким воротом и турнюром — выделяли среди собравшихся двух женщин, а мужчина, еще довольно молодой на вид, носил красивый черный костюм с фалдами. Только эти наблюдения случились чуть позже, — потому что первым, что действительно увидела Сентябрь, были их шляпы.

Любому ребенку известно, как выглядит обычная ведьма. Нос крючком, бородавки, жестокая улыбка, — куда уж без всего этого. Но на самом деле *никуда* только без шляпы. Шляпа определяет всё, — черная, заостренная кверху, с широкими полями; а крючковатый нос или бородавки или жестокая улыбка встречаются и у обычных людей, не умеющих колдовать вообще. Именно шляпами утверждаются различия. Сентябрь это было хорошо известно все те годы, что она прожила в том месте, где знала свое имя, и где ждет ее любящая мама, пусть даже она и не попрощалась с нею. И откуда ушел её отец, однажды одев шляпу с какой-то золотой штукой и тотчас же перестав быть её отцом, — ушел воевать, сделавшись солдатом. Шляпы обладают силой и властью. И они могут обратить тебя в кого-то другого.

Шляпы, которые Сентябрь увидела сейчас, она и раньше видела: во время Хэллоуина таких шляп вокруг было много, но все они были картонные, обшитые сатином и украшенные наклеенными блестками, — совсем не чета этим: из настоящей

кожи, видавшим виды и сморщившимся от тяжести, так что самая верхушка уже обвисала вбок, внушая величественность и массивность (от которых никто и не ожидает строгой выправки). Старинные серебряные пряжки украшали стороны, недоброжелательно сверкая, а полы чуть топорщились вверх, почти по-ковбойски. В их виде не было и толики показухи; лишь надежность и практичность, с которой они служили хозяевам, уберегая их от солнца, ветра и дождя. Возможно, ведьмы и горбились потому, что их шляпы были очень тяжелы.

— Привет, — негромко и с едва различимой вопросительной интонацией сказала Сентябрь.

— Чего тебе, — прервавшись, буркнула одна из женщин. В руке у нее была черная, потрепанная книга со множеством загнутых уголков и, негромко бормоча, она читала из нее

— Так. Говорю «Привет».

— Разумеется. Это я и есть.

— Что? — удивленно спросила Сентябрь.

— Ты что слов не понимаешь? Или глухая? — сказала другая женщина, которая держала над котлом руку и готовилась бросить туда ящерицу.

— Ух ты! — воскликнул мужчина, — Глухая малютка, какая прелесть! Давайте удочерим ее и научим сочинять симфонии. На ярмарках в городе с ней мы сорвем большой куш. Я лично куплю ее напудренный парик. И еще треуголку!

— Какая я вам глухая! — раздраженно сказала Сентябрь. Когда она сильно хотела есть, то не умела держать себя в руках. — И говорить тоже умею. Я сказала «привет», а вы в ответ начали морочить мне голову.

— Соблюдай этикет, деточка, — демонстрируя свою жестокую улыбку, произнесла женщина с книгой в руках. — Отсутствие оного означает минимум усилий для нас, чтобы сделать тебя ведьмою. — Она повернулась к котлу и после долгого внимательного изучения плюнула в него. — Привет — это моё имя. В этом была морока, да? Вот моя сестра, До Скорого. А это наш муж, Радбыл.

— Ваш муж? Он женат на Вас обеих? Странно как, — не задумываясь, выпалила Сентябрь. Троица укоризненно глядела на нее, выпрямившись и осанясь, так что девочке пришлось срочно менять тон разговора. — То есть я хотела сказать, что меня зовут Сентябрь. Как Ваши дела?

— Дела у нас движутся. — холодно ответила До Скорого. Она вцепилась в черную перламутровую пуговку на вороте, оторвала ее и швырнула в варево. — На самом деле, всё идеально гладко. У меня с моей сестрой очень тесная связь. Когда мы были

помоложе, нам приходилось заглушать это, подслушивая за портьерами, готовя любовные зелья, и еще многое какой несуразицей, характерной для светских интриг и ухаживаний. Два года назад мы это одним махом отринули. Впустую потраченного времени конечно, не вернешь, но зато сейчас мы по-настоящему признательны друг другу за ту полноту жизни, которой можем жить. К тому же, все ведьмы должны придерживаться довольно высокого уровня неправильности своей жизни. А иначе нас исключат из альянса.

— Радбыл стал нашим избранным, потому что он очень способный, — застенчиво, как только способна, улыбаясь сказала Привет. — и он не только отлично готовит и умеет извлекать квадратные корни, он еще и ободотень.

— Правда что ли? Настоящий оборотень? — ошеломленно переспросила Сентябрь, — Который превращается в волка во время полнолуния? — вероятно она решила, что ведьма страдала от постоянного насморка.

— Нет, дорогуша, — ответила Привет, дождавшись, когда Радбыл отсмеется. — Ободотень это совсем другое. Двадцать семь дней месяца, пока луна занята своей жизнью и своей формой, мой любимый — настоящий волк, с сильными и острыми челюстями и виляющим в разные стороны хвостом. А в оставшиеся три дня, когда луна бывает полной, он становится человеком. Таким как сейчас. И за ним замужем моя сестра.

— Но, по-моему, это не совсем честно, — сказала Сентябрь, — потому что муж с Вами бывает дольше.

— Ну этот вопрос мы давно утрясли. Мужчин, с их привычкой постоянно что-то говорить, я не могу выносить долго. А мужчины, долго находящиеся возле моей сестры, начинают путаться у нее под ногами. — улыбаясь, ответила Привет. До Скорого с нежностью и радостью взглянула на мужа.

— И вы… совсем не боитесь волка? — спросила Сентябрь, догадываясь, что если бы волк любил её, защищал и не пачкал лапами ковры, то и сама она не помнила бы о страхе.

— Я между прочим вполне цивилизованный, — беззлобно сказал Радбыл. — Ободотени тоже имеют свою культуру. Мы организовываем хоры. Устраиваем благотворительные бега. У нас даже есть Ротари Клуб. Но вот в облике людей, мы и впрямь опасны.

— Теперь, что тебе от нас нужно, девочка? — спросила До Скорого и принюхалась к вареву в котле. — Как видишь, мы сильно заняты.

«Не робей» — подумала Сентябрь. — «невоспитанному ребенку полагается быть смелым».

— Я надеялась, что у Вас найдется для меня чего-нибудь съестного. Я здесь совсем недавно. И я вовсе не сбилась с пути, потому что ни малейшего понятия пока не имею, куда мне идти, поэтому и пути у меня нету как такового. — однако, произнесенные слова показались Сентябрь не совсем справедливыми. — Наверное, я бы рада оказаться заблудившейся. Ну понимаете, тогда я бы могла знать с какого пути я сбилась, куда я шла. Ужасной оплошностью было предупреждать меня о том, что не надо делать, и лучше бы Зеленый Ветер, переправляя меня сюда, сказал бы что делать. Вот заблудиться, я так полагаю, могло бы быть одним из первых дел. В общем, я не знаю, где я теперь. Этот мусор на пляже, который на самом деле вовсе не…

— Золото Фей. — перебил ее Радбыл. — Они берут его понемногу, когда выбираются в мир людей. Оно там постоянно лежит. Если ты его увидела, то скорее всего гномы намазали тебя одной из своих мазей. Некоторые вещи здесь способен видеть только зачарованный ребенок. Но есть и вещи, предназначенные только для местных.

— Так и было. Бетси. Она показала мне Руперта, но потом еще и швырнула в меня этой гадостью.

Сентябрь чуть крепче ухватилась за свой скипетр.

— Не иначе ты её охмурила чем-то. Я правильно понял, что Руперт — это что-то ужасное и пугающее? Некоторые, когда их глаза вылезают из орбит от страха, бывает, видят домовых; но чтобы увидеть золото Фей этого средства явно недостаточно. Так или иначе это фокусы для туристов, и они нужны пограничникам лишь для их собственного развлечения. — Ободотень тяжело вздохнул, и в уголках его глаз выступили морщинки. — К тому же в наши дни за всем ведется строгий учет, и гномьи средства очень высоко ценятся. У тебя случайно не осталось, — с этими словами Радбыл пристально всмотрелся в ее глаза, но вскоре вздохнул с разочарованием. Сентябрь совсем не понравилось быть объектом чьего-то повышенного внимания.

— Сэр Волк, мне так хочется есть. — прошептала она, — У вас там не суп варится?

— И даже не зарься! — отрезала До Скорого. — От нашей чары тебе не положено ни капельки.

Чары. «Ведьмы и чары и ободотени» — приободрившись, подумала Сентябрь, — «разве не за этим я сюда шла»

— А что за чара? — закончила она вслух.

Все трое посмотрели на неё, словно вопрос прозвучал «а какого цвета морковка?»

— Мы — ведьмы. — произнесла Привет, а Радбыл с важностью показал на свою шляпу.

— Но ведьмы же делают много всяких чар…
— Чародейки делают.
— Волшебство…
— Волшебницы.
— И они превращают людей в …
— Маги.
— Или внушают людям дела, которые они…
— Заклинательницы.
— А проклятия или сглаз…
— Колдуньи, — в унисон прогудели сестры.
— И сами превращаются в сову или кошку..
— Элюрантропы.

— Ну…чем же тогда занимаются ведьмы? — Вопрос мог показаться глупым, но Сентябрь без труда отогнала это ощущение. Пребывание в Королевстве Фей дается всякому человеку не легко. То, что случается по-настоящему, чаще всего практически невозможно описать словами.

— Мы заглядываем в будущее, — осклабившись, сказала До Скорого. — И помогаем ему сбываться.

— Но для чего тогда ящерицы и пуговицы? Или такие изысканные одежды?

— Я смотрю, здесь еще ведьма появилась, — ехидно ответила Привет, с хлопком закрыв книгу. — Как ты можешь судить вообще?! Будущее довольно неряшливо и пестро, и вообще морока, дитя мое.

— А одеваться мы должны прилично, — поддержала До Скорого, — чтобы оно считалось с нами, принимало нас всерьез.

— Давайте будем дружелюбны, — вмешался Радбыл, обнимая порхающим движением обеих своих жен. — Она же всего лишь ребенок. И мы тоже когда-то были детьми. И не знали ничего о будущем. Тем более по отношению к ней, мы можем себе это позволить. Она ведь может нам очень пригодиться.

Он залез в один из карманов пиджака, вытащил объемистый сверток и медленно, уголок за уголком, — словно иллюзионист, нашедший исчезнувшего на глазах голубя, — принялся разворачивать вощеную бумагу. Сентябрь увидела толстый кусок пирога из красно-сероватого теста и такого сочного, что пропиталась даже бумага. Сверху он был покрыт растаявшей глазурью кораллового цвета, блеск которой сразу смешался со слабым сиянием взморья. Ободотень наклонился к ней и, вытянув широкую ладонь с угощением, предложил его.

Единственное, что в тот момент занимало мысли девочки, — как бы удержаться от того, чтобы схватить, сцапать его. Она была столь голодна. Два раза откусив, третьим она добирала уже

остатки и крошки. Но разве Зеленый Ветер не предупреждал ее о еде Фей?

«Но на самом-то деле, — убеждала себя Сентябрь, — какое это имеет отношение? Это ведь еда ведьм».

— Я так полагаю, вы все равно мне не скажите, как я вам пригожусь, — быстро выпалила она, когда пирог улегся в желудке, — Но, если разрешите, я могу сама взглянуть.

— Привет, по-моему мы имеем дело с очень уникальным персонажем, — ребенком, который слушает. — засмеялась До Скорого. Она казалась хохотушкой.

— Деточка, для этого нужно быть прорицательницей, — покачивая головой, ответил Радбыл.

Но его тут же прервал зловещий голос Привет:

— Малышка, я с радостью покажу тебе твоё будущее.

Ведьма опустила руку в бурлящий котел и вытащила из супа крупный, во всю ладонь комок какой-то мерзости желто-фиолетово-клубничного цвета, напоминавшей одновременно и синяк и джем. Комок она бросила на землю, и он, густо клубясь, принялся дрыгаться и перекатываться. Троица ведьм не сводила с него глаз. Потом Радбыл ткнул в него своим наманикюренным пальцем и комок некоторое время вибрировал. Когда и это прошло, сестры многозначительно переглянулись. Конечно, Сентябрь в точности копировала их действия, но ее напряженный взгляд сникал, достигая поверхности.

— Мое будущее какое-то глыбное, — неуверенно пробормотала она.

Тут До Скорого откололась от своей семьи и, обходя дымящийся котел, подошла к Сентябрь. Она присела перед ней, отбросила выбеленные волосы назад и посмотрела темными блистающими глазами. Лицо ведьмы в такой непосредственной близи внезапно засияло сказочной красотой, (даже казалось, что чуть зарделись высокие аристократические скулы), и девочка поразилась, отчего же раньше не заметила этого, наблюдая, как она бросала всякие штуки в котел.

— Сентябрь, — выдохнула До Скорого. Ее голос был теплый и глубокий и пах сандалом и медом. — Тебя ведь так, кажется, зовут? У тебя такое прелестное имя; и хоть я сама предпочла бы Октябрь, твои родители дали тебе его потому, что очень сильно тебя любят. А моё имя тебе нравится? Оно ведь, как и твое, весьма необычное.

— Д-да, — смутившись, ответила девочка. Конечно, она очень хотела угодить До Скорого, но в то же время и гораздо сильнее она хотела понравиться ведьме, чтобы та даже полюбила ее и рассказала бы как же сильно они похожи. Но До Скорого снова

рассмеялась, однако в этот раз это был не просто хохот, а звонкий и мелодичный, почти как песня, смех.

— Моя сестра не стыдится того, что делает. Даже когда открывает прямо перед твоими глазами сокровенные тайны ремесла. Будущее, как ты увидела, это в некотором роде суп или рагу, такой вишисуаз на основе настоящего и прошедшего. Вот как он получается: ты смешиваешь то, что ты сделала сегодня, с тем что ты сделала вчера и вообще до этого дня, затем протираешь это с тем, что делали все, кого ты когда-либо встречала, а после заправляешь тем, что сделали все, кого и они когда-либо встречали. Только тогда добавляешь соль, и ящериц, и перламутр, и зонтик, и печатную машинку, — и вообще много всего, о чем мешает рассказать тебе данная мною клятва ведьмы. В этом всё веселье магии, — в нелинейности мышления. Зато в итоге, когда, повинуясь твоему колдовскому мастерству, все между собой соединится, и если котел окажется достаточно большим, чтобы вместить в себя это, пред твоим взором окажется завтра. Так что этот ком, жирный и грязный, который сестра бросила перед тобой, это твой жребий. Это пророчество.

— И о чем оно?

— О, если ты умеешь заглянуть, Сентябрь, ты прочтешь внутри о многом. Хочешь обучиться этому? Хочешь уметь читать сакральный смысл в этом самом шмате, цвета картофельного пюре и венозного желе. Хочешь стать ведьмой?

— Ведьмовство — удивительная стезя. — добавила Привет. — Движение звезд подчинено твоим распоряжениям! Все дни будущего лежат перед тобой как солдатики в бронзовых доспехах!

— Ну и конечно у тебя будет настоящая величественная шляпа, — подвел итог Радбыл.

— У Маркизы тоже замечательная шляпа. — сказала Сентябрь, растрясая головой внезапный парфюм До Скорого, овеявший её. — Мне так говорили.

Лица всех троих слегка осунулись.

— Я ничуть не сомневаюсь, что к осени нас всех оденут в твидовые брюки. — саркастически заметила До Скорого. Она зажмурилась крепко и нервно вздрогнула, — но когда вновь открыла глаза, они как раньше разлились глубокими фиалковыми озерами, наполненными обещаниями. — Но мы сейчас обсуждаем твои перспективы, дорогая моя. И сколь бы сильно не было мое желание посвятить тебя сегодня же в члены моего шабаша, столь же велико и препятствие, мешающее мне взять под свою опеку такую очаровательную, вежливую, образованную молодую особу. Ибо ведьма — ничто без своей Ложки; а мою много лет назад украла Маркиза, эта капризная и завистливая и эгоистичная и,

вообще, в каждой бочке затычка! — услышав это, Привет и Радбыл отодвинулись от нее назад, словно испуганные тем, что Маркиза внезапно может появиться и крепко наказать нахалку. Но До Скорого не унималась, — Но если найдется неустрашимый и смелый прелестный ребенок, то он мог бы отправиться в Город и забрать ее и вернуть мне и узнать, что значит ведьмина благодарность. Мою Ложку ни с какой другой не спутаешь; она — большая, деревянная, вся в прожилках от кабачков, вина, сахара, йогурта, позавчера, скорби, страсти, ревности и завтра. Я уверена, что Маркиза положила на неё глаз; все красивые вещи в итоге оказываются у неё. Зато когда ты вернешься, мы сделаем тебе маленький черный турнюр и черную шляпу, научим отваживать лунных чаек и танцевать с Гигантскими Улитками, охраняющими Кладовую Времени.

Желудок Сентябрь внезапно скрутило, так что она даже звука произнести не могла.

— Мисс До Скорого, я ведь здесь совсем недавно. Мне пока не хочется становиться никем, кроме себя. По-моему, если бы я была дома, то мое решение было бы похоже на сиюминутное решение стать геологом: а вдруг мне разонравятся горы и породы, когда я повзрослею? Стать ведьмою звучит заманчиво, но, я уверена, мне надо тщательнее взвесить мои… мои перспективы.

— Но на кону будущее! Только представь, дитя мое! Стоит тебе увидеть что-то тебе неприятное, — бац! Добавляешь немного лакрицы и резанца и меняешь это. Что может быть лучше?

— И это впрямь действует? Серьезно, можно менять будущее?

— За пару удачных попыток в прошлом я тебе ручаюсь, — пожимая плечами, ответил Радбыл.

Гипнотическая красота До Скорого, Сентябрь внезапно почувствовала это, действовала на неё, как благодатная почва на пустоцвет. Она резко отвела глаза от ведьмы, словно выкорчевала сорняк, и тотчас же в голове прояснилось, мысли больше не тревожили своей угловатостью.

— Но, мисс, если Вам действительно так хочется заполучить обратно свою Ложку, что же тогда мешает?

До Скорого резко выпрямилась в полный рост, (который почему-то оказался чуть меньше, чем был до этого), и отряхнула черное платье от пыли. От нее больше не разило парфюмом, и ее сияющие, совершенные краски скул и губ вновь померкли, — но она по-прежнему производила впечатление красивой женщины.

— Да, — произнесла она сухо. — Мне мешают львы Маркизы.

— Ну, я хочу сказать, что меня вовсе не надо охмурять или обещать мне турнюр. Я могла бы достать ее для вас. Наверное, достала бы. По крайней мере, попыталась бы. Ведь для чего то я

попала в Королевство Фей. Не для того же, чтобы, как мой дедушка, расхаживать вдоль побережья и высматривать в песке обручальные кольца. — Сентябрь впервые, как покинула Омаху, рассмеялась, представив дедушку в куртке с заплатанными локтями и размахивающим металлодетектором над слоем золотой обманки. — «Квест» — пронеслась в голове мысль. Волнение захлестнуло ее, как поднявшаяся дрожжевая опара. — «Настоящий квест, как у настоящего рыцаря! А ведь она даже не обратила внимания, что я маленькая, и у меня нету меча».

— Что ж, очень отважно с твоей стороны, дитя моё, — сказала Привет. — Не обижайся, что моя сестра коснулась тебя сиянием; она сделала это без злого умысла, только чтобы показать, сколь свирепа и опасна Маркиза. Давным-давно, она охотилась на ведьм. Её огромная пантера помогала ей преследовать нас, а ее лук разил без пощады. Она отобрала Ложку у нашей матери и расколола её поперек её спины. Прощай и Ещё Увидимся, двое наших братьев, пали под ее стрелами, — они были отличными, талантливыми ведьмаками. А всё потому, что мы отказывались дать ей то, что она хотела.

— И что же она хотела?

— Единственный день. — ответила До Скорого брезгливо. — Она приказала нам вскипятить для нее будущее, в котором появилась бы дата ее смерти. Она хотела спрятаться от нее. Но мы ничем не могли услужить.

Слушавшая, затаив дыхание, Сентябрь тяжело вздохнула. Мысли роились в ее голове, не спеша складываться в какое-либо решение. Она смотрела на бурлящий котел с темно-фиолетовым супом и пыталась догадаться, в какую же историю она попала. В забавную или серьезную? Как ей следует поступать? Если бы история задумывалась забавной, то в омут за Ложкой можно было бы бросаться смело: это обернулось бы всякими приключениями, смешными стишками, головокружительным кувырканием и веселой пирушкой в конце под розовыми фонариками. Но вдруг это была серьезная повесть, былина, — где ей предстояло совершить нечто важное, где были бы снег и стрелы и настоящие враги. Но никто не вправе знать суть той повести, которую он сам шаг за шагом развивает. Конечно, мы хотели бы подсказать Сентябрь; но ведь и мы можем заблуждаться о характере чудовища, что движет историей. Всем известно, как она может менять обличие от события к событию. Истории — это невоспитанные и непокорные создания, склонные к упущениям и искушаемые ластиками. Поэтому лучшим для них местом, откуда они никогда не выберутся и не устроят беспорядка, являются толстые книги.

Конечно, определенные подозрения о сути истории, в которую звал её появившийся в кухонном окне Зелёный Ветер, у девочки были. Знаки, указывающие на это, были недвусмысленные. Но вот теперь она совсем одна, бедняжка, и вокруг вовсе не вьются роем феи. И вместо плясок и хороводов с ожившими боровиками она втянута в противоборство на сторону очень строгих ведьм и их погибших братьев. Мне самой ее очень жалко, и я могла бы помочь ей, — всего — то одним верно выбранным существительным и несколькими глаголами: и проблемы как не бывало! Но Сентябрь сама должна сделать выбор, совершить поступок, — и не мне говорить о том, какая суровая задача предстоит ей.

Но ведь дочери машиниста естественно быть практичной и сообразительной. И разве не совместимы снег и настоящие враги с розовыми фонариками и головокружительными кульбитами? И хотя бы одним грибным хороводом? Вот это будет история, если у нее действительно всё получится!

«Кровь прольется. — подумала девочка. — Я помню, Зеленый Ветер говорил об этом. Значит, так тому и быть, без крови — никуда. Но ведь и чудеса тоже случатся, — иначе, зачем он привел меня сюда? Ради чудес я согласна на ранения».

Сентябрь подошла ближе к До Скорого и, как будто посторонняя рука подтолкнула её, опустилась перед ведьмой но одно колено.

— Я всего лишь девочка из Омахи, — произнесла она, опустив голову и скрывая невероятное волнение, — Я не так много умею. Читать книжки, плавать, могу починить бойлер, если поломка не серьезная. Мне свойственно принимать поспешные решения вместо того чтобы промолчать и вести себя как хорошая девочка. Если по-вашему это неплохой арсенал, я согласно использовать его, как оружие, и отправиться добывать Вашу Ложку. Если я вернусь, — Сентябрь судорожно сглотнула, — вы поможете мне пробраться обратно в чулан между мирами, а там уж я доберусь до дома и лягу спать в свою постель. А еще я прошу Вас об одолжении.

— Каком? — обеспокоенно спросила До Скорого.

— Я пока не придумала что-либо стоящего. Но я обязательно придумаю. — смущенно ответила девочка.

В этот момент из-за облаков выглянула луна. Привет и До Скорого, поплевав на ладони, торжественно скрепили сделку.

— А как ты разберешься со львами? — спросила боязливо До Скорого.

— Ну, мне уже довелось обращаться с большими кошками. По-моему львы не страшнее леопардов. — ответила Сентябрь,

хотя слова не показались ей таким решительными. — Скажите мне лучше, где живет Маркиза и как туда добраться.

В едином порыве все трое вытянули руки в сторону севера, где высились скалы.

— Где же еще? В столице. В Пандемониуме.

— А далеко до нее?

Не найдя что ответить, троица смущенно уставилась в землю.

— До скорого, — сказала Привет.

— Рада была, — сказала До Скорого.

— Прощай, — сказал Радбыл и нежно поцеловал её в щеку. Теперь у нее стало два поцелуя. И надо сказать, что поцелуй ободотени и поцелуй Зеленого Ветра сразу же сдружились.

Сентябрь шла по дюнам, облитым радостным лунным сиянием, вглубь Королевства. Сладкий ведьмин пирог согревал девочку изнутри. Иногда, откуда-то издалека ночь прорезал крик охотившейся совы. И вдруг, словно в голове полыхнула молния, она вспомнила слова «проверь свои карманы». Положив скипетр на траву, Сентябрь залезла в карман зеленого жакета и вытащила оттуда крохотный стеклянный шар, сразу же засверкавший в лунном свете. Внутри, плавая на каком-то далеком ветре, покачиваясь и переворачиваясь под неощутимым дыханием, сиял изумрудом ольховый листок.

ГЛАВА 4
Вивертека

в которой Сентябрь привлекает внимание Виверна, заучивает Наиболее Огорчительный Закон, а также вкратце размышляет о доме.

Сентябрь проснулась и увидела, что вокруг есть только маленькие красные цветы. Ночь она провела на ногах, смахивая за спину километры пройденных лугов; звезды кружили над ней подобно серебристой карусели, в то время как лунный свет, слабея, истиралась о линию горизонта. «Вокруг столько всего, что не приспособлено к сосуществованию, — убеждала себя девочка, — что страшно ложиться спать, когда положено. Того гляди, украдут». И хотя ноги очень устали и даже ныли, она дожидалась рассвета, не переставая идти, и грезила о солнце, под теплыми лучами которого будет спать, как под одеялом. И так и случилось: взошло солнце, застелило землю теплым покрывалом, и заодно укрыла маленький комочек посреди луга. Оранжевое платье смялось, но высохло, правда стало немного жестким, видимо от морской соли. Зевая спросонья, Сентябрь сладко потянулась.

— Что случилось с твоей второй туфелькой? — грохоча совсем близко, произнес низкий глубокий голос, заставив Сентябрь замереть от неожиданности (как была, с вытянутыми вверх руками). Инстинктивно широко раскрыв глаза, девочка увидела перед собой два непоседливых пламени, два сверкающих желтых глаза, — с нескрываемым интересом на неё смотрел дракон, лежавший, свернувшись, в высокой траве, словно кот. У него были маленькие рожки (по которым Сентябрь определила, что перед нею самец), похожие на телячьи; длинный хвост, вилявший лениво из стороны в сторону; и массивные бронзовые цепи, скованные внушительного вида замком, опоясывавшие его тело несколько раз так, чтобы крыльям не было никакой возможности расправиться. Его чешуйчатая кожа мерцала красным, словно дотлевающие угольки костра.

— Я …её…потеряла, — пробормотала Сентябрь, не опуская рук, и вообще, стараясь не совершить резких движений, чтобы не напугать ни дракона ни себя. — Она зацепилась за подоконник, когда я вскарабкивалась на Леопарда.

— Это вовсе не означает «потерять» — прогремело нравоучительно чудище, — это означает «забыть где-то»

— Ну…

— Обувь я лично вообще не ношу, — помотав головой резко и презрительно, рявкнул дракон, — Меня пытались приучить, когда я был еще крохой, но потом сапожник махнул на меня рукой. — Он встал на мускулистые лапы, а затем, балансируя виртуозно на одной, вытянул вперед другую. Пальцев на лапе было три, и все они были невероятно длинные и алые. Спустя секунду, он щелкнул со звоном черными челюстями, прозвучав так, будто перевел в начало строки каретку пишущей машинки.

— Что ты молчаливая такая? Скажи что-нибудь. Ты умеешь показывать фокусы? Мне правда понравится, я обещаю. Вот, например, твое имя, — это самый легкий и простейший из всех.

Сентябрь опустила руки и сложила их на коленях. Дракон в предвкушении действа, подобрался поближе и, раздувая крупные красные ноздри и выпуская сладковатый дым, взбудоражено дышал.

— Сентябрь, — начала нерешительно девочка. — И честно говоря, я не знаю никаких фокусов; а если бы и знала, то не смогла бы их показать, потому что очень сложно делать что-то, когда очень напуган и возможно проживаешь свои последние минуты. Но прежде чем Вы возможно меня съедите, как это обычно происходит в сказках, которые мне рассказывали дома, я хочу сказать, что по мне, раз уж дело касается употребления в пищу, лучше кушать самой. Здесь так тяжело с пропитанием, я последний раз кушала вчера вечером. Вот и у Вас наверняка нету пирога. Хотя если бы он был, я бы его съела, потому что он был бы драконьим пирогом, — а мне только пищу Фей не рекомендуется кушать.

— Какая же ты смешная! — взревело чудовище. — Но начнем по порядку. Я вовсе не дракон, и не понимаю, почему ты так решила. Я же тебе дал рассмотреть свою лапу, — так долго, что ты могла даже под лупой воспользоваться. Я — Виверн; видишь, у меня нет передних лап. — Гордо выпятив широкую грудь, отливавшую на солнце цветом переспевших персиков, поддерживая равновесие мощными мышцами задней части тела, он выгнулся большущей буквой «S». Голова Виверна была огромна, под стать телу, с массивными челюстями со множеством зубов, и пробивающимися над ними огненно-красными усиками. — И сдается мне, там, откуда ты родом, водятся драконы посвирепее, о которых я даже не слышал. Людям свойственно приходить в драконьи горы и взывать о несправедливости жертвоприношений, как то «СГИНЬ, О

НЕНАСЫТНОЕ ЧУДОВИЩЕ ИЗ НАШЕЙ ДЕРЕВНИ», или так «ПАСТЬ ТЕБЕ ОТ МЕЧА МОЕГО, ВЕЛИКИЙ ДРАКОН», — но по большому счету, никто же их за язык не тянет. Так что осуждать тех драконов, всё равно, что осуждать леди за то, что умяла порцию свежего хрустящего салата, принесенного ей официантом в ресторане. А вот насчет пирога, — у меня его действительно нет.

— О, я вовсе не хотела Вас оскорбить.

— Да я даже не обратил внимания. Я просто знаю всё о драконах: они чуть отдаленнее двоюродных братьев и гораздо ближе сестер. Потому что они начинаются на Д.

— Виверн, а у тебя имя есть? Надо было вообще-то сразу тебя спросить.

— Я — Почтенный Виверн От-А-До-Лэ, маленькая фея. Полагается, конечно добавить «к твоим услугам», но вся эта вычурность не по мне, как ты наверное заметила.

— Смешное какое имя для… — Сентябрь задумалась над подходящим словом. — для такого деликатного чудовища.

— Дань семье. — Отадолэ произнес надменно. — Библиотека приходится мне отцом. Так что дословно, я должен зваться Библерн. Хотя может и Вивертека? Я до сих не могу определиться.

— По-моему они оба не годятся, — сказала Сентябрь, хотя Вивертека ей понравилось больше.

— Пусть оно и не соответствует мне, оно — истинное. А поэтому на все сто процентов пригодное. Моя благословенная матушка была духом-хранителем одного влиятельного Ученого. Он любил её, даже раз в неделю протирал ей чешуйки пчелиным воском и трюфельным маслом. А кормил только горькой редиской, гораздо крупнее и горше обычной, которую выращивал в собственной лаборатории, и давал подслащенную воду. Он заботился о ней, звал ее всегда «хорошая Виверна», постель ей устроил из осоки, подбивного шелка и старых костей, кому принадлежавших неизвестно, но точно не кому-то из его знакомых. (Гнездо дракона обязательно должно иметь кости, иначе оно не станет домом) Маму такое обхождение целиком устраивало, пусть даже она и недолюбливала ученого, считая его слишком умным. Потому что он носил самые большие в мире очки. А чем больше очки, тем мудрее тот, кто их носит, — это каждой рептилии известно. Но даже мудрейшие не властны над смертью, и истина эта особо витает над теми из мудрейших, кто имеет привязанность к химическим опытам. И она настигла его в виде невероятного научного открытия.

— Как это печально, — вздохнула Сентябрь.

— Невероятно печально! Но закалившимся в пламени скорбь

не ведома. Когда покровительствовать стало некому, моя мама поселилась среди руин огромной Библиотеки, называвшейся *Досконб*, и стала жить там одна, читая и мечтая. Каждый день она позволяла себе привязаться к *Досконб* еще крепче, — а ведь это была в самом деле очень сильная и страстная бибилотека, — обнаруживая какими изящными прямыми и крепкими оставались полки, не смотря на невероятную тяжесть расставленных на них книг. В наши дни подобная моральная стойкость уже редкость. Время шло, появился я и мои братья и сестры, и галереи наполнились смехом и топотом. Мы бегали по винтовым, полуразрушенным лестницам вверх-вниз, отыскивая новые энциклопедии или приключенческие романы и напитываясь ими. Я знаю всё обо всём — правда в пределах первых страниц. Несколько лет назад агент по недвижимости оформил маме вдовство, а к тому времени я успел прочитать только до буквы «Лэ». Так или иначе, пока мы были младенцами, мама рассказала нам всё про нашего отца. «Почему у нас нет Папы?» — пища, спрашивали мы, а она отвечала — Библиотека ваш Папа. Любящий вас. Заботящийся о вас. А если будете ждать, что однажды появится симпатичный и дородный Виверн и научит вас изрыгать пламя, — напрасно потеряете время. Потому что некому. *Досконб* подсобит вам книгами по теории возгорания, и какими бы странными они не показались вам, знайте, что вы любимы двумя родителями, — и ничем не отличаетесь от других чудовищ.

Сентябрь растерянно прикусила губу. Слова готовы были вырваться из ее рта, но она боялась, что снова невзначай обидит.

— Дома у меня есть подружка, — медленно начала она. — Её зовут Анна-Мари. Её отец продавал газонокосилки всей Небраске и некоторым даже из Канзаса. Анна-Мари была еще младенцем, когда однажды в Топеке ее папочка встретил даму, у которой был самый большой в округе газон, и остался у нее навсегда. Анна-Мари даже не помнит, как он выглядел, и когда ей становится печально от этого, мама рассказывает ей, что папочки у неё не было вовсе, поскольку она дочь ангела, и забота о ней уж точно не дело для гнусного коммивояжера. Как ты думаешь, а вдруг… с твоей мамой произошло что-то подобное?

Отадолэ жалостливо поглядел на нее. Сомнение слабой, но устойчивой тенью легко на его блестящее красное лицо.

— Сентябрь, а по-твоему, какой из вариантов реально имел место? Что какой-нибудь быкообразный мужлан оставил мою маму высиживать яйца, а сам сбежал торговать *газо*накосками, или всё-таки что она сблизилась с Библиотекой и вывела много любимых и любящих детей? Я хочу сказать, давай взглянем, как

реалисты! Кроме того, все говорят, что я просто копия отца. Видишь какие у меня крылья, — разве не из пергаметных страниц они созданы? При определенном ракурсе тебе, наверное, удастся прочитать на них историю зарождения воздухоплавания!

Отадолэ напряг крылья, пытаясь раскрыть их показать, как они просвечивают и трепещут на ветру, но тяжелая бронзовая цепь свела на нет все усилия. Получилось, что он потер ими себя по бокам.

— Ах, точно! А так сразу и не скажешь. Вот глупышка. Просто я не привыкла еще к Королевству Фей, надеюсь ты понимаешь, — принялась заверять его Сентябрь, — хотя на самом деле крылья были костлявые, обтянуты кожей, практически такие же как у птеродактилей: они не выглядели как пергамент и несомненно не имели никакого текста поверх. «Наверняка он печален, — подумала она, — и, конечно, он мил».

— За что тебе заковали крылья? — спросила она, намереваясь перевести разговор в другое русло.

— Потому что таков закон. Ты же знаешь, ты ведь не новорожденная. Передвижение по воздуху возможно только на Леопарде или с одобрения Следопытов Крестоцвета. Следовательно, мне нельзя.

— Почему это?

Отадолэ пожал плечами.

— Маркиза постановила, что по отношению к Любви и к Внедорожным Гонкам возможность лететь является Нечестным Преимуществом. Тем более она без ума от кошек, но поскольку Следопытам никто не вправе указывать, она внесла в декрет соответствующие разрешения.

— Но ведь ты куда крупнее Маркизы, — неужели ты не мог сопротивляться? Затоптал бы ее, или зажарил бы, или что-нибудь придумал бы.

От удивления у Отадолэ даже открылся рот.

— Ну и кровожадная же ты, хоть и мелюзга! Естественно, я крупнее и, само собой, я могу сказать «нет», но, справедливости ради, во времена правления Доброй Королевы Мэллоу такое вообще бы не случилось, — и всех нас это очень расстраивает. Но Маркиза есть Маркиза. У нее есть шляпа. А кроме этого у нее есть веская магия. Никто не говорит ей «нет». Ты же своей Королеве не говоришь «нет»?

— Там, где я живу нет Королев.

— Тогда мне тебя жаль. Королевы олицетворяют роскошь и великолепие, даже если они выбирают себе имя Маркиза или заковывают в цепи несчастных Виверн. Так и есть, роскошны и великолепны и — куда без этого — столь же устрашающи. Я

иногда думаю, что именно внушаемый страх делает их роскошными. Но что же это за место, где нет Королев, где плохие отцы и Анны-Мари? Откуда ты пришла?

— Всего одна Анна-Мари. Я из Небраски. — Сентябрь смолкла и задумалась. Она оказалась так далеко от дома, но ничуть по нему не скучала. Она готова была согласиться, что она — плохая дочь, но эти мысли легко отлетали при виде необъятных просторов Королевства Фей и всего интересного, что она уже увидела и что ей предстояло увидеть. — Там сплошь равнина, хоть и золотистого цвета, и там живет моя мама. Она каждый день ходит на фабрику и собирает двигатели для самолетов, — потому что все мужья и отцы отправились на войну, и некому стало собирать самолеты. Она очень умная. И красивая. Однако мне не удается видеть её часто и долго; а отец, я уже говорила, ушел вместе с остальными. Он сказал, что с ним ничего не случится, потому что он в основном будет собирать информацию о других армиях и записывать ее, а стрелять ни в кого он не будет. Но мне всё равно за него страшно. Думаю, что маме не меньше. А ночами вокруг дома в прериях кто-то воет, а в доме темно-претемно. Зато днем я навожу кругом чистоту и порядок, чтобы порадовать маму, когда она вернется с работы. Тогда она расскажет мне перед сном какую-нибудь историю, или подскажет, как обращаться с бойлером, или о том, что было на заводе. — Внезапно, опрокидывая чашечки красных цветов в разные стороны, по лугу пронесся прохладный ветер, и Сентябрь какое-то время растирала ладошки, чтобы согреть их. — На самом деле друзей там у меня почти нет. Я люблю читать, совсем не как другие дети, которые играют в бейсбол, катаются на осликах или завивают кудри. Так что, когда в моем окне появился Зеленый Ветер, я сразу догадалась, что он предложит, — потому что в книжках такое часто описывается. И я, не раздумывая, решилась, потому что, кроме мамы, мне собственно и терять-то некого. — Сентябрь быстрым движением утерла нос. — Но когда мы улетали, я даже не помахала ей на прощание. Я знаю, что некрасиво поступила. Правда, когда я просыпаюсь, её тоже не бывает дома. Она уходит на фабрику и оставляет мне на кухонном столе бисквиты и стакан апельсинового сока, — так что я подумала, раз уж она обычно не прощается со мной по утрам, то и мне не так важно помахать ей на прощание. Ох, я такая гадкая! Но ничего не могу с этим поделать. А ведь на самом деле, мама всегда оставляла на кухне разные записки или, случалось, смешные рисунки, — а я ей ничего не оставила. Но домой меня правда не тянет, — потому что там нету гномов и ведьм и вивертеки: одни лишь противные кудрявые дети и чайные чашки,

которые надо всегда мыть. Так что лучше я извинюсь, по возвращении, хоть мне здесь гораздо приятнее находиться.

Отадолэ осторожно обнял ее за плечи двумя когтистыми пальцами. По сравнению с ними, она показалась себе карликом. Когда она обвила обе руки вокруг длинного когтя и облокотилась на него, ей вспомнился дубовый ствол, по которому она часто карабкалась.

— Другое дело, что не всё так чудесно в Королевстве Фей, да? У ведьм убили братьев. Ложку отняли. Твои крылья сковали цепями и они одрябли, — и даже не спорь, Дол, я же вижу, как истерлась на них кожа. Можно я буду называть тебя Дол? Отадолэ какое-то излишне многосложное имя. Что-то тут не то творится. Я даже не увидела еще ни одной настоящей Феи, их мерцающих крылышек и маленьких платьиц. Все кругом печалятся, и ни у кого нет ничего поесть. Ох, я столько слов за один раз никогда раньше не высказывала, даже Зеленому Ветру. Всё-таки жалко, что его не пустили сюда вместе со мной. И вообще, кажется меня скоро стошнит от всех этих местных запретов! Какой тогда смысл в Королевстве, если всё привлекательное противозаконно? Чем она отличается от обычного мира?

— Бедняжечка, Сентябрь. Слушая тебя, мое сердце стонет. Я знаю, как бывает когда *защемит*. Начинается с буквы «З». Ну и какие у тебя планы?

Шмыгнув еще раз носом, Сентябрь выпрямилась. Не из тех она была девочек, кого нужно продолжительно жалеть.

— Я иду в Пандемониум и собираюсь украсть там Ложку, — это в двух словах. Ну а вообще, надо вернуть её хозяйке, ведьме До Скорого, чтобы она вновь смогла приступить к варке будущего и больше не печалиться.

— Но это же Маркизина Ложка, — прошептал Отадолэ, что потребовало от него каких-то свистящих, засасывающих воздух трюков.

— Да ну и что!? Судя по ее мерзким цепям и ее луку и ее дурацкой шляпе, эта Маркиза — отвратительная личность. Красть у неё, по-моему, не такой уж и плохой поступок.

Вивертека, разжав дружеские объятия, встал на обе ноги, а затем присел на корточки с по-настоящему кошачьей грацией. Его лицо поравнялось с девочкиным — и в них Сентябрь не увидела угрозы, а только дружелюбность: переливавшуюся на солнце красивым оранжевым оттенком.

— Мне самому надо в Город, девочка из человеческого рода. После того как мама стала вдовой, наши пути с братом и сестрой разошлись: Мэ-Тире-Сэ устроилась гувернанткой, С-Тэ-До-Я подался в солдаты, ну а я отправился искать нашего дедушку, —

Муниципальную Библиотеку Королевства, в которой собраны все-все книжки со всего мира. Я надеюсь, он признает во мне своего внука, полюбит и обучит библиотечному делу. Конечно, у меня есть недостатки, которые могут помешать получить эту работу, (главное, конечно, что я изрыгаю пламя), но в-целом, я примерное чудовище, и мне нравится каталогизировать, — так что шансы наследовать семейный бизнес у меня есть. — Он помолчал, проделывая очередной трюк с дыханием. — Мы вполне можем путешествовать в компании друг друга, по крайней мере, первое время. В конце концов, чудовища, у которых горе-отцы, должны держаться вместе. Тем более тебе может понадобиться помощь на поприще Обнаружений Ужина, — а кто, как не я, лучший спец в этой сфере.

— Я согласна, Дол, — радостно ответила Сентябрь. Путешествовать одной ей не нравилось, и к тому же, она сильно тосковала по Леопарду и Зеленому Ветру. — Пойдем прямо сейчас, пока солнце еще в небе. А то ночи здесь холодные.

Так вдвоем они направились на запад, бряцая при каждом шаге цепью, которая сковывала красные крылья Вивертеки. Сентябрь не могла сравниться с ним в скорости ходьбы, потому что едва доставала макушкой его колена, — так что совсем скоро он позволил ей забраться по цепям себе на спину. Сентябрь не могла знать, что Передвижение Верхом на Удивительных Существах Внушительных Размеров людям в Королевстве Фей так же запрещено. Отадолэ знал. Но ему до этого не было никакого дела.

— Давай, я скрашу твою долгую поездку перечислением всего, что мне известно, — предложил он раскатисто. — Аардварк, Аббатство, Авторитет, Ажадио, Аллигатор, Аргумент…

ГЛАВА 5
Дом, свалившийся с неба

в которой Сентябрь измеряет расстояние до Пандемониума, выслушивает краткую лекцию по истории, встречает мыльного голема и тщательно отмывается.

Завтракала Сентябрь хурмой. Мясистый и сочный плод на самом деле был намного крупнее и зеленее, а по вкусу напоминал черничный крем, — но с первого взгляда Сентябрь поняла, что это хурма, и больше не тревожила себя лишними вопросами. «Раз уж дракон, — то есть виверн — принес мне ее, — думала девочка, — то это Драконья Еда, и вовсе не Еда Фей, так что я могу себе это позволить». Отадолэ всё еще стоял под деревом и добивался от него даров: дерево было чересчур высоким, а ствол его слишком толстым (и ни одной девочке не пришла бы в голову мысль забраться вверх, где в серебристо-желтых ветвях, густо покрытых листвой, были, а может и не были вовсе, плоды), — Вивертека же сначала увещевал крону залихватским рычанием, а затем бросался на ствол всем своим массивным телом. После каждого такого удара, он приходил в себя несколько секунд, — усевшись на корточки и тряся головой так, что его усы вычерчивали в воздухе красивые дуги: однако не мог отказать себе в очередной попытке. Не меньше удовольствия эта смешная процедура доставляла и Сентябрь. Она хохотала безостановочно, а ее юбка до самого подола оказалась покрыта зеленовато-оранжевыми каплями сока черничной хурмы.

До этого засматривавшееся на них солнце вдруг вспомнило о своей службе и поползло вверх. «Интересно, здешнее солнце чем-то отличается от того, что светит над Небраской?» — подумала Сентябрь, искоса взглянув вверх. На первый взгляд оно казалось золотистее, насыщеннее и мягче, а тени казались глубже. Только верить этому девочка не спешила. Потому что в путешествиях всё выглядит приятнее и ярче, хотя в действительности может и не быть ярким и приятным. Любые сравнения в путешествиях всегда не в пользу милого, родного дома.

— Далеко до Пандемониума, Дол, не знаешь? — зевая, спросила Сентябрь.

— Не знаю, малютка, — он поглядел на девочку, разминавшую пальчики необутой левой ноги, и затем снова

шарахнулся об дерево. — Пандемониум начинается с «П», так что мне нечего тебе об этом рассказать.

Сентябрь призадумалась.

— А попробуй полистай до Королевства. Оно начинается с «К». Потом до Главный, а потом до Город: они оба на букву «Г». Ну, сложи это вместе и может что-нибудь получится.

Отадолэ подошел к девочке и уселся поблизости, склонив голову на бок, словно любопытная немецкая овчарка.

— Главный Город Королевства окружен широкой, смыкающейся в кольцо рекою, которая называется Ячметлица, — словно медленно вычитывая из книги, заговорил Вивертека. — В нем четыре квартала: Леннолиль, Серенай, Галаграмд и Мэллоудиш. Население в основном служащие ведомств, но в летние месяцы их число достигает примерно десяти тысяч демониев — духов, другими словами-..

— А *пан* означает «много», — прошептала Сентябрь просто для себя, поскольку Вивертека всё равно не мог ни подтвердить, ни опровергнуть. Многие слова из своего мира она хотела бы обсудить с ним, но Пандемия, Панацея, Паноптикум так и останутся неразгаданными. Впрочем такие слова, когда встречала их в книжках, она, хоть и не понимала, но очень любила, — потому что они отличались от простых слов и выглядели в ее глазах большими и облаченными в доспехи, как рыцари, с развивавшимися на ветру флагами.

— Самая высокая точка — Башня Гроангир, резеданция общества Благородных Изобретателей (Их Сумасбродное Вдохновение). Самая низкая — Жунглиевы Поймы, где в белые времена проходило множество сражений русалок с водорослями. Импортируется чаще всего: зерно, золотые рыбки, запчасти от велосипедов, дети, сэндвичи, наливки, серебряные пули…

— Сразу переходи к части, где говорится «от меня до девочки, которую зовут Сентябрь, столько-то миль».

Отадолэ встретил это предложение ухмылкой:

— Всем бы книгам быть такими же любезными, — фыркнул он, — Наверняка, ты этого опасалась, но географические координаты главного города волшебной страны не закреплены на карте. И по-моему он как есть перебирается с места на место, подстраиваясь к исторической интриге.

— Как мне по-твоему понимать это? — удивленно спросила Сентябрь, откладывая хурму в сторону.

— Ну… мне представляется, что при условии, что мы будем как бродяги, направляющиеся в Волшебный город, то и дело попадать в различные передряги: например, нас обманут, или у нас будут несносные туфельки, или мы похулиганичаем

немного, — то он сам появится перед нами.

— И что, здесь так со всем?

— А в твоем мире разве по-другому?

Сентябрь надолго призадумалась. А как же дети, которые вежливы при взрослых, завоевывают их благосклонность и доверие, — а когда предоставлены сами себе, норовят потаскать кого-нибудь за волосы или исковеркать чье-то имя? А как же её отец, который всегда был строгим, организованным и прямым, — оказался солдатом, когда за ним пришла армия? А как же ее мама, сильная и жизнерадостная, — даже загрызаемая невыносимой тоской, — никогда и ни от кого не ждала предложения разделить с нею ее заботы: помыть сковородки или приютить у себя Сентябрь после уроков или пригласить на чашку чая? И в то же время, как сама она вела себя, подобно героине из книжек про Волшебные Страны, вечно жалуясь и ни в чем не находя радости, — и Зеленый Ветер прилетел за ней.

— Нет, так же. Но здесь это так ясно видно, что даже больно.

— Вот для этого и нужны гномьи притирки, — подмигнул Виверн.

— Что ж тогда, раз поделать ничего нельзя, давай хотя бы не будем терять времени. Я, кстати, думаю, что проблемы с туфельками меня уже не коснутся. И того легче дорога.

Сентябрь оставила на ланч две штучки черничной хурмы, распихав их по карманам жакета, — казалось бы карманы должны были шишковато округлиться, но жакет очень ценил свой покрой и фасон и потому прибег к очередному волшебному трюку. Она взобралась по бронзовой цепи любезно присевшего на корточки Отадолэ, и схватившись за жесткие красные патлы меха на загривке Вивертеки, почувствовала себя наездницей. Видневшиеся примерно в конце их пути горы сверкали, словно крупные куски сапфира.

— Вперед, благороднейший росинант! — прокричала она задорно, вытащив из-за пояса скипетр, как будто это был меч, и указывая им дорогу.

Вокруг свистели и перекликались птицы. И ничего больше не происходило.

Итак, пока их путешествие сопряжено со сказочным бездействием, я позволю себе приостановить повествование и уделить внимание Вивертеке. Бывают случаи, когда в напарники набивается какой-нибудь монстр; но всё-таки виверны, как компаньоны, — это идеальнейший вариант. Во-первых, они практически не устают, сохраняя долго весьма высокую скорость шага и, благодаря похожему на страусиное расположение конечностей, его ширину. Во-вторых, если уж они действительно

устали, то он храпят так, что никакому бандиту и в голову не придет подобраться к ним близко. В-третьих, ведя свою родословную от французских прародителей, они обладают изысканным вкусом, и такие вещи как желчный пузырь погибшего рыцаря или кости его лошади никогда не составляют их рациона. Они предпочитают корытце-другое трюфелей, стайку гусей и озеро вина; и конечно же они всегда делятся. Ну и наконец, их сезонное влечение к противоположному полу настолько краткосрочно и непредсказуемо, что об этом не упоминают даже в зоологических справочниках, — так что шансов у всякой невинной маленькой девочки с каштановыми волосами застать их в этот период настолько малы, что об этом не стоит даже заводить речи.

Конечно, всего этого Сентябрь не знала. Для неё Отадолэ был всего-навсего огромным теплым и очаровательным всезнайкой, от которого к тому же пахло печеными каштанами и корицей. А то что вторая половина алфавита была для него дремучим лесом, с лихвой компенсировал вид, который открывался для девочки с загривка чудовища.

Отадолэ шел до позднего вечера. Постепенно от маленьких красных цветочков в зеленой траве не осталось и следа, а их место заняли радужные, крупные, похожие на пижму соцветия. Местность становилась всё заболоченнее, а стебли цветов кое-где даже вырастали выше Сентябрь. Девочке очень хотелось выглядеть бесстрашной, восседая на своем Доле; а он старательно строил из себя решительное и немного мрачное чудовище. Только этими стараниями Пандемониум не становился ближе. Долгое время Сентябрь руководяще размахивала скипетром, — но в итоге, он оказался продетым между звеньями цепи, а сама девочка удобно улеглась на спине Дола, положив щеку на скрученные в косичку красные волосы. «Город вполне вероятно не поднимется рано поутру, — подумала она, — а будет дожидаться, пока приготовят завтрак. Если, конечно, не другие юные девушки у него на уме».

И вдруг неожиданно, словно прятавшийся и выскочивший из засады, прямо перед ними возник дом. С торчащими в разные стороны угловыми башенками, он выглядел словно испанская мечеть, примятая сапогом какого-нибудь великана. Мозаика и завитушки, украшавшие дверные косяки, были расколоты. Аквамаринового оттенка стены покосились и подпирали друг друга. Мох и маленькие лужицы черной просочившейся грязи облепили колонны и пол. Тем не менее в крохотном внутреннем дворике мужественно журчал фонтанчик, и просторная сводчатая арка, изысканно украшенная резьбой, указывала к нему путь.

— «Дом, свалившийся с неба», ничего себе — прочитала Сентябрь надпись на арке и проворно сползла вниз. — Как ты думаешь, что это такое?

— Не знаю, — пожал плечами Отадолэ. — Вот если бы моя сестра была с нами, она бы ответила. «с» и «н» ее буквы.

— Это дом моей госпожи, — прохрипел кто-то сзади.

Сентябрь обернулась и буквально изумилась увиденным. В самом центре нарисованной большой лазурной розы, украшавшей напольные плиты, стояла женщина. Словно окутанная розоватой дымкой, она источала нежный и сильный аромат, — ведь она вся, до последнего пальчика, была вырезана из мыла. Скуластое кастильское лицо имело насыщенный оливковый тон, а маслянистые волосы, уложенные в объемное каре, с тончайшими известковыми прожилками, были марсельскими. Множеству всевозможных сортов были подысканы формы ее тела; разноцветная, словно лоскутное одеяло, она была изваяна из клубничного мыла, в котором кусочки ягоды выглядели словно родинки, из шафранового и апельсинового, из медового и сандалового. Сальный, жесткий шнур стягивал ее корсет. Из обычного голубоватого банного мыла были вылеплены ее руки с крупными миндалевидными ноготками, которые пахли ромашкой и лимоном. Две щепы мыльного камня были ее глазами. Над бровями чьей-то рукой были выгравированы ровные округлые буквы, составлявшие слово «истина».

— Меня зовут Лия, — произнесла женщина, выпуская крохотные мыльные пузырики изо рта. Она держалась спокойно и неподвижно. — Моя служба встретить вас и проводить в ванные комнаты. Заботиться о вас. Да и вообще обо всех уставших странниках, пока моя госпожа еще не вернулась, и до чего, я уверена, осталось теперь не так много времени.

— А почему у Вас на лбу написано «истина», — не стесняясь, спросила Сентябрь. Присутствие рядом Вивертеки с одной стороны вселяло в нее смелость, но с другой стороны в обществе милых и высоких дам, пусть даже слепленных из мыла, она всегда смущалась.

— Дитя мое, я — голем. — невозмутимо ответила Лия. — Это слово написала моя госпожа. Она была чрезвычайно умная и знала много всего о потайных сторонах вещей. Благодаря своим знаниям ей удалось собрать достаточно различных обмылков, которые владельцы других бань за ненадобностью бы выбрасывали, и перемешать их и переформовать в девушку. Написав слово «истина» на ее лбу, она разбудила ее к жизни и дала ей имя. Она сказала ей: «Стань мне другом. Люби меня. Этот мир так одинок и мне грустно в нем».

— И кто же был твоей госпожой, Лия? — спросил Отадолэ, усаживаясь аккуратно в полуразрушенном дворике и стараясь не сломать его больше. — По ее словам я могу сказать, что она много времени провела в библиотеках, что я считаю самой лучшей и достойной чертой в людях.

Лия тяжко вздохнула. Сложилось впечатление, что делать этого её не учили, — потому что, плавно поднявшись, ее плечи цвета лаврового мыла неожиданно задергались в стороны и резко упали.

— Эта девушка была молода и прекрасна. Её волосы были гладкими, как новый кусок мыла. У нее на левой щеке была родинка, а глаза были большими и зелеными. Она родилась под знаком Девы и любила сначала посидеть в горячей ванной, а потом сразу же в ледяной, и всегда ходила босиком, и я так по ней скучаю. Что касается библиотек, то я уверена, так оно и было, потому что она очень постоянно что-то читала: то маленькую книжечку, которую удобно было носить за поясом, то обыкновенную, с яркой броской и жесткой обложкой, а то и совсем большую, которую удобно было читать, только улегшись на живот. Её звали Мэллоу, и вот уже несколько лет прошло с тех пор как она исчезла, оставив меня здесь, — и всё это время я продолжаю свою службу и не собираюсь бросать ее, потому что не знаю, как это сделать, так как моя госпожа сказала мне тогда, что мне вовсе не нужно останавливаться.

— Неужели Мэллоу?! — воскликнул Вивертека, удивленно подняв свои чешуйчатые красные брови, — Сама Королева Мэллоу?

— Я уверена, что она могла быть Королевой, если бы очень захотела этого. Как я уже говорила, она была чрезвычайно умной.

— А кто такая эта Королева Мэллоу, — спросила Сентябрь, огорченная немного тем, что не понимает общего возбуждения. — Недавно ты о ней тоже говорил. И почему раньше была Королева, а теперь — Маркиза? Мне кажется, раз уж вам охота возиться с монархией, то в первую очередь, вам следовало бы держаться традиций.

— Сентябрь, ты просто не понимаешь, — обвив свой длинный хвост вокруг девочки, ответил Дол, — До восшествия на престол Маркизы, в Королевстве не было этих львов и этой пантеры с его белоснежным ошейником, и все наслаждались мудрым правлением Доброй Королевы Мэллоу, которое было похоже на нескончаемое лето. Каждое воскресенье она раздавала вишни. А каждый указ был словно песня. Она любила нас и мы отвечали ей взаимностью. Роаны подарили ей корону украшенную крупным красным жемчугом, а все пугала устраивали для нее

гимнастические представления, когда она выезжала по праздникам на улицы. Все столы ломились от молока, хлеба, сахара и горячего шоколада. Лошади были тучны. Маслобойки не стояли без работы. Она приносила нам весну, — танцуя в хороводе серебристых волнушек. Ну а во времена когда она еще не была Королевой, она заведовала этим банным домиком.

— Но ведь Мэллоу начинается с буквы «м», — откуда ты столько про нее можешь знать? — спросила Сентябрь.

— Какой была Добрая Королева Мэллоу знает каждый, — ответил Вивертека, с едва скрываемым удивлением, что Сентябрь оказывалась исключением.

— Господин Виверн, вы не могли бы ответить мне, куда исчезла моя госпожа? Прошло столько лет уже, и столько ванн я уже сменила и наполнила, а она ко мне так и не вернулась, — и я не знаю покоя и радости, ни есть не могу, ни спать, потому что она не научила меня всему этому, а темные ночи так страшны для меня, и дожди понемногу стачивают мое тело.

— О любезная Лия! — надрывно ответил Вивертека, — Как бы мне хотелось принести тебе хорошие вести, — но золотым годам правления Королевы Маркизой положен конец. Она свергла ее и уничтожила. Хотя существует и другая версия, будто Маркиза заставила ее сидеть в углу. Вообще, кто чего только не рассказывает об этом. И еще все кругом пишут сложные прокламации, а количество умоляющих и слёзных прошений скоро превысит даже горы, и крылья мне сковали цепями и прижали к телу, и никому теперь не позволено пить какао. Многие всё же надеются, что Королева еще жива, что подземелья Бриария не сломили ее доброго духа, — и она всё так же раскладывает солитеры один за другим в ожидании храброго рыцаря, который освободит ее и отменит все указы Маркизы и вернет в чайники Королевства какао.

Щека мыльного голема оползла маленькой слезинкой.

— А ведь я догадывалась, — хрипло и тихо проговорила она. — Не спроста ведь дом стал разваливаться и истекать крупными мутными слезами. Я догадывалась, что ей было скучно со мной, — глупым големом, — когда она могла стать Королевой. Пусть она и повторяла, что я ее друг.

— А мне всё-таки кажется, что она вернется к тебе, — сказала Сентябрь чтобы немного приободрить сердечного и отзывчивого голема. — А нам надо идти в Пандемониум, чтобы выкрасть у Маркизы частичку того, что она бессовестно отобрала.

— Неужели девочку с зелеными глазами?

— Вообще-то нет. Ложку. — Озвучивание цели своего квеста, внезапно превратило его из милого и рыцарского в крохотный и

ничтожный. Но всё равно она ощущала его своим. — Вы не знаете, отсюда до Пандемониума далеко?

— Странный вопрос, милое дитя, — ответила Лия.

— Понимаете, я вообще-то не из этих мест, — попыталась оправдаться Сентябрь. «Неплохо бы нашить себе табличку на жакет с этими словами», подумала она следом.

— Где бы ты не оказалась, Дом, Свалившийся С Неба располагается между тобой и Пандемониумом. Сворачивай куда хочешь, но попасть в Город ты сможешь, только пройдя сквозь двери Дома: только отмывшись и подготовившись, только смыв с себя пыль дороги, попарив уставшие ноги, размягчив пяточки и взбодрив дух отменным скрабом. Так, по-моему, заведено в любом городе. Иначе как они бы справлялись со всякими перепачканным и обессилившими проходимцами? Грязным, ворчливым и нервозным не место на их улицах и в их домах, — Мыльный голем вытянула свою длинную жесткую и маслянистую руку. Сентябрь взялась за нее. — Покинув этот дом, человеческое дитя, ты обнаружишь Пандемониум. Ибо как корабль и пристань, они связаны воедино. Как когда то давным-давно были я и моя госпожа.

Мыльный голем отвела их в одну из комнат в середине Дома, Свалившегося с Неба. На самом деле Домом он только назывался, потому что комнат было невероятно большое количество, и дверями они выходили в продолговатые кафельные залы или внутренние дворики, которые теперь покрывала плесень и слизь, но которые в лучшие свои времена были уютными и очаровательными. Лия предусмотрительно оставила Отадолэ рядом с большим водопадом, чьё озеро как раз подходило ему по размерам, а Сентябрь повела дальше вглубь Дома. Широкие каблуки ее мыльных сандалий мягко и приятно и убаюкивающе шлепали по кафелю. Никого в доме больше не было, и тишина висела плотная и совсем не гнетущая. Создавалось впечатление, будто Дом дремал. Наконец, они попали во внутренний дворик, который оказался самым большим из увиденных. Тут, среди медных статуй и фонтанов, которые сплошь были покрыты пятнами мутновато-голубого окисла, стояли три вместительные ванны. Мозаика из кобальтовых и изумрудных кусочков, изображавшая поединок двух морских коньков, покрывала пол. Короткие медные ножки ванн были стилизованы под лошадиные копыта.

Лия взялась за плечи жакета, потянула на себя, и Сентябрь легко вывалилась из него, — однако когда голем принялась снимать с девочки оранжевое платье, Сентябрь струсилась и сжалась в комочек.

— Что с тобой?

— Мне бы не хотелось раздеваться. Перед незнакомыми.

На несколько секунд Лия задумалась.

— Моя госпожа раньше говорила, что только захотев по-настоящему быть обнаженным, можно полностью раздеться. «Даже когда ты сняла с себя всё до последней маечки», говорила моя госпожа, «с тобой остаются твои секреты, твоя история, твоё подлинное имя». Так что быть действительно обнаженным не так-то просто. И сил для этого потратить придется очень много. А для того чтобы залезть в ванну, ты лишь раздеваешься догола. Всего-навсего до кожи. И нечего этого стесняться. Медведи и лисицы, у которых ведь тоже есть кожа, не стесняются же.

— А Мэллоу сказала Вам своё подлинное имя?

Лия медленно кивнула головой.

— Но я тебе его не скажу, — продолжила она, — Это ведь тайна. Она поделилась ею со мной, а потом уколола себя в палец и меня тоже, и из ее пальца выступила кровь, а из моего — жидкое мыло, и когда они смешались, то обрели золотистый оттенок, после чего она запечатала мою ранку поцелуем и сказала никому никогда не выдавать ее тайного имени. Так что и тебе я не скажу. Ну а моё подлинное имя ей итак известно, — Мыльный голем показала на слово, выгравированное на своем лбу.

— Зеленый Ветер меня предупреждал, чтобы я никому не говорила своего подлинного имени. Но подлиннее Сентябрь я больше имен не знаю, и если я откажусь сообщать его людям, то как же они тогда смогут ко мне обратиться? Или позвать меня?

— Это имя не может быть твоим подлинным, — иначе бы ты накликала на себя огромнейшие неприятности. Ведь любым, чьё подлинное имя тебе известно, ты можешь управлять, как куклой. И то же самое, когда твоё имя кому-нибудь известно. — Лия запнулась, как будто тема разговора была связана у нее с чем-то плохим и болезненным. — Это всегда неприятно.

— Но разве ты не можешь просто позвать Мэллоу по её подлинному имени?

Лия всхлипнула, и звук, родившийся в горле мыльного голема, был похож на треск разломленного пополам куска мыла.

— Я пыталась! Да, пыталась! Звала ее! Звала — но она всё не возвращалась, и это может значить только одно: что она мертва! А я, кроме как наполнять ванны, не могу найти себе занятия.

Скорбь и горе мыльного голема были столь сильны, что Сентябрь отошла от нее чуть назад и медленно сняла своё оранжевое платье а затем и единственную милую сердцу туфельку. Вечер был прохладным, но девочка безропотно стояла нагишом перед безучастным големом.

— А ванны пахнут очень приятно, — прошептала она, желая хоть как-то утешить Лию.

Несильный, подвывающий ветерок пронесся по двору, вцепился в девочкины одежды и, встряхнув, опустил прямо в фонтан. Он скручивал их, растягивал и трепыхал, давая струям воды смыть разводы морской соли и грязь, — что очень сильно расстраивало зеленый жакет.

Неожиданно Лия опомнилась и, схватив Сентябрь крепкими руками, подняла и поставила девочку в первую ванну, высокую и вместительную, как винная бочка. Она сразу ушла с головой под сверкающую золотистую воду. Когда руки потянули ее вверх и она вынырнула на поверхность, запах воды окутал ее голову словно шелковый тюрбан. От нее пахло натопленным камином, корицей, пожухшими листьями, шуршащими под ногами, немного сидром, и надвигающимся дождем. Золотистая вода прилипала к коже струйками и крупными каплями, похожими на ириски, отчего Сентябрь громко смеялась.

— В этой ванной отмывается твоё мужество и храбрость, — вновь спокойным и тягучим голосом проговорила Лия. Исполнение служебных обязанностей затмевало скорбь на время.

— Никогда бы не подумала, что храбрость необходимо мыть! — удивленно сказала Сентябрь, хватая ртом воздух под струями, которые Лия выливала ей на макушку. «а тем более что надо раздеваться догола для подобной ванны» — подумала она еще.

— Когда ты рождаешься, — продолжала рассказывать голем, ведро за ведром поливая девочку золотистой водой, — твоя храбрость чиста. Тебя не пугают ни карабканье по лестницам, ни твои первые слова, которые ты произносишь, совершенно не думая, что тебя могут не понять или подумать что ты глупая, ни странные предметы, которые ты обязательно тащишь в рот. Но, становясь старше, твоя храбрость покрывается ржавчиной и грязью, страхом и предчувствием, что всё может пойти наперекосяк и опытом всяких болей. Повзрослев наполовину, твоя храбрость уже практически заношена и истерта жизнью, она медлительна и вяла. Поэтому периодически ее надо оттирать и делать это добросовестно, — а иначе никогда тебе не быть больше смелым. К сожалению, в твоем мире таких служб, как наша, практически нет. А те, что есть, вовлекают людей в мрачную волокиту, когда всего-то, что действительно требуется, это поплевать немного и отполировать, — и дух паладинов, рыцарское бесстрашие и правда оживет в них вновь.

Лия отломала от голубоватой кисти руки один палец и бросила его в ванну, отчего вода немедленно вспенилась и много

пузырей взлетело в воздух.

— Твой палец! — вскрикнула Сентябрь.

— Не пугайся, малютка, это не больно. Моя госпожа говорила: «отдавай от себя что бы то ни было, — и это вернется к тебя новым, каким только может быть новое». Так и происходит с моими пальцами.

Сентябрь зажмурилась и попыталась разглядеть внутри себя сияние ее отчищенной храбрости. Но кроме приятных ощущений от теплой воды и чистой кожи ничего другого она не чувствовала. Возможно, появилась какая-то легкость, — но это могло просто показаться.

— Следующая ванна! — Предупредила Лия, снова подняла девочку, всё еще покрытую золотистыми пузырьками пены, вверх и перенесла в ванную, которую в фильмах обычно использовали знатные леди: она была мелкая, покатая и бронзовая. Сентябрь любила кино, хотя ее семья не могла позволить водить ее туда часто; когда ей случалось думать восторженно о своей маме, она считала ее красивее всех экранных женщин.

Вода в бронзовой ванне была зеленой и сверкала, будто подернутая льдом. Она благоухала мелиссой, ночным лесом, сладкими бисквитами, горячим чаем и пронизывающе-холодным звездным светом.

— В этой ванне отмоются твои желания, Сентябрь, — сказала Лия, снова отломив от руки один из пальцев. — Долгая жизнь заставляет желания чахнуть и увядать, словно старые листья. И когда меняется мир, необходимо, чтобы новые желания заменяли старые. А мир меняется постоянно. И желания блекнут и превращаются в слизь, такую же, что и вся грязь вокруг. Они уже не желания, а раскаяния, извинения. Но тут есть загвоздка, поскольку не каждому дано определить момент, когда желания нужно доверить прачкам. Даже когда кому-нибудь посчастливится оказаться в Волшебной Стране, не так уж и просто понять ту ситуацию, в которой пребывает мир, подстроиться под нее и начать меняться заодно с ним.

Голем бросила в ванную палец, но в этот раз он не вспенил воду, а распустился по поверхности, словно масло на горячей сковороде. Сентябрь набрала в легкие воздух и нырнула под воду. (Дома она часто так делала, когда готовилась к соревнованиям по плаванию).

«Раньше я хотела, чтобы папа вернулся домой, а мама позволила мне спать рядом с нею, как это было, когда я была маленькой. Раньше я хотела, чтобы в школе у меня был друг, который читал бы со мной книжки и мы бы вместе их обсуждали или играли бы во что-нибудь. Но теперь они словно померкли…

Теперь я хочу…чтобы Маркиза оставила всех в покое. И чтобы я смогла быть …паладином, как сказала Лия. Правдивой и рыцарски бесстрашной. И чтобы не реветь больше. И чтобы Дол действительно оказался потомком библиотеки, хотя я знаю, что это скорее всего не так. И чтобы моя мама меня не ругала, когда я вернусь домой».

Причудливо извиваясь, каштановые волосы Сентябрь плавали в воде над ее головой. Лия терла ее довольно жесткой кисточкой, и даже под водой кожа начала немного зудеть. И снова неожиданно голем вытащила девочку из ванны и перенесла в следующую: серебряную клафути, наполненную горячим молоком и пахнувшим, совсем как сигареты Бетси Базистеблик, — ванилью, ромом и кленовым сиропом. Лия расчесала девочке волосы, и зачерпывая из ванной, вылила на голову ей несколько кувшинов. Отломив от руки большой палец, она не стала бросать его, а трижды, против часовой стрелки провела им по поверхности, закрутив маленькую воронку. «Всякое движение осуществляется только против часовой стрелки» — хихихнув, заметила про себя Сентябрь. Воронка вскоре успокоилась, а по поверхность рассыпались лазурные искорки.

— Ну и последняя, — сказала Лия, — отмоет твою удачу. Когда приходит пора душе войти в мир, всегда в последний момент она подпрыгивает, притрагиваясь к притолоке мира на удачу. Души некоторых подпрыгивают высоко, и удача им выпадает целой охапкой, а некоторые могут лишь едва коснуться, лишь чуточку зацепить коготком. Каждая душа сколько-нибудь да прихватывает с собой удачи. Потому что вообще без удачи, человек не переживет даже грудной возраст. Но удача транжирится, словно деньги, или теряется, словно память, или растрачивается, как жизнь. Если в тебе есть дар видеть, ты можешь определить, сколько удачи осталось в человеке в его коленных чашечках. Только никакая из ванн не восполнит запас удачи, пущенной на избежание преждевременной смерти в автомобильной аварии или слишком частые выигрыши в лотерею. Никакая из ванн не подымет уровень удачи, сбитый безрассудством или перестраховкой. Но удачу, отощавшую от консерватизма и отсутствию риска или усталости, можно раскормить снова, — да она и сама изголодалась по какому-либо делу, на самом-то деле.

Лия взяла Сентябрь за плечо и снова затолкала под толщу молока. Девочка зажмурилась, погружаясь в теплую кремовую жидкость с наслаждением, и чувствуя как, подрагивают на ногах затекшие пальчики. Она не могла определить, окрепла ли ее удача, но отчетливо понимала, что ей никакого дела до этого нет.

«Ванны сами по себе это удовольствие, — думала Сентябрь, — а ванны Фей вообще самые грандиозные». Наконец, мыльный голем вытащила девочку из ванны и принялась вытирать ее длинными жесткими банановыми листьями. Когда Сентябрь почувствовала себя вполне сухой и достаточно счастливой, тряся чешуйками, словно возмущенный кот, во дворике появился Вивертека. Он хотел стрясти воду и с крыльев, но раскрыться им не дала цепь, коротко звякнув замком, ударившимся об скипетр Сентябрь.

— Бррр! — раскатисто рявкнул Вивертека. — Что ж, полагаю я чист, если вопрос поставлен так. Книгам, которые много путешествуют не дано быть ценителями прикосновений.

— Теперь Город готов вас принять. — произнесла мыльный голем.

Тот же подвывающий ветерок вернул Сентябрь одежду — чистую и высушенную, пропитанную запахами всех трех ванн. На мгновение девочке показалась, что она различает в движениях ветерка какое-то слабое мурлыканье, отдаленно напоминавшее леопардовое.

— Если вы ее увидите, — нежно пробормотала Лия, — мою госпожу, передайте ей, что я всё еще её друг, и что мы можем поиграть еще вместе, и я знаю много новых игр.

— Обязательно, Лия. Я обещаю. — сказала Сентябрь и неожиданно для себя вытянула руку и обняла голем. Лия в ответ обвила девочку своими голубоватыми мыльными руками. Сентябрь уже готова была поцеловать ее, но как только губы коснулись щеки, Лия отпрянула назад.

— Осторожно, — сказала она. — Я хрупкая.

— Извини, — сказала Сентябрь, вдруг почувствовав прилив смелости, такой яркий и свежий и пахший корицей, как ее первая ванна, — Я-то нет.

Ни с того ни с сего, непосредственно в стене, которую загораживала статуя Пана, игравшего на флейте, обнаружилась маленькая дверка. Впрочем, Дом, Свалившийся С Неба, не нарушил этим правил своего существования. Какие-либо предупреждения или наставления теперь были ни к чему, и Дом весьма галантно отворил эту дверку для Вивертеки и девочки. Где-то вдалеке кричали чайки, и слышались, хоть и не вполне различимо, множество других голосов, — но тьма словно занавешивала обзор. Путешественники подошли к проему и, замедлившись, шагнули в безтканевую черноту под невысокий свод порога.

— Дол, — спросила Сентябрь, — а в каких ваннах тебя купали?

Но Вивертека лишь потряс огромной головой и не проронил

ни слова.

ГЛАВА 6
Тени в воде

в которой Сентябрь перебирается на другой берег реки, берет урок по Эволюции, утрачивает кое-что драгоценное, зато спасает Пуку.

За дверью банного домика расстилалась влажная густая зеленая трава, подходившая практически вплотную к шумным водам плещущейся Ячметлицы; Сентябрь предположила, что это именно она, и больше не задумывалась на эту тему. Ее внимание привлек довольно яркий объект, который плыл посредине реки, окруженный плотным кольцом вспенившейся воды. По очертаниям трудно было разобрать, что это такое, так что следующее мгновение девочка уже неслась со всех ног ближе к берегу.

Среди толпившегося с гомоном и смехом сброда ей хотелось выглядеть столь же непринужденно, таким же аборигеном. Она не смотрела по сторонам, расправила плечи и держала высоко голову. Правда у нее не было ни саквояжа, ни рюкзака, ни даже кулёчка, нацепленного на крепкую палку, только это никого не заботило: все хотели пробраться на причал первыми и потому постоянно переходили с места на место, намереваясь обогнать соседа. Кентавры, сатиры и домовые. Болотные светлячки. Девочки с птичьими лапками и птицы с ногами девы. Тролли в расшитых эполетами кителях; гномы в бархатных брюках и жилетках; страшилы, на ходу пиликавшие на скрипках; мыши ростом намного выше Сентябрь. Ну и конечно подавляющее большинство выглядело, как люди: дамы, лорды, много детей. С одним из них, — маленькой девочкой, одетой в аккуратное платье, цвета ореховой скорлупы, и с заплетенными в светлые волосы цветками аквилегии, — Сентябрь встретилась глазами. До этого игриво вившаяся вокруг своей мамы, то и дело дергая ее за юбку, девочка, поймав посторонний взгляд на себе, растерянно моргнула, ее плечи вздрогнули, — и в ту же секунду Сентябрь увидела крошечного щеночка с шакальей мордочкой и золотистой полоской, тянущейся по всей черной спине. Совсем не такого, которым пугают детей безответственные современные фольклористы, — наоборот, милого и покладистого. С крупными ушками, умеющими слушать, и ничуть не изменившимися

голубыми глазами, теперь смотревшими в узкие щелочки. Она продолжала носиться вокруг матери, хватая зубами подол юбки.

— А ты знаешь, — надышавшись свежего речного воздуха, радостно заговорил Вивертека, — ведь раньше в Ячметлице тек чай. Сильный и крепкий настой вливался в нее с одним из притоков, — и от этого она имела цвет брэнди, а кувшинки выглядели в ней, словно кусочки лимона.

— Но сейчас в ней не чай. Либо меня не поили никогда чаем цвета индиго.

— Маркиза посчитала это глупостью и велела навести порядок. «Все знают, что представляют из себя реки», говорила она отряду Голошатаев, отправляя их перекрыть плотиной приток, сетью выловить все листочки настоя и до единой съесть все лимонные кувшинки. Ты бы слышала, как они рыдали. Зато теперь вода нормального голубого цвета, как видишь, — Вивертека жалобно вздохнул, — Наверное, выглядит подходяще.

— Дол, а что это за девочка, — Сентябрь указала ему на шакаленка, теперь ловившего себя за хвост.

— Нууу, — растерянно протянул он, не зная что ответить. — Может, обычная пука. Начинается с «п», так что я тут не сведущ.

В конце концов, когда к берегу, к связанным лозою корявым бревнам пришвартовалась большущая баржа, весь народ, словно веером, выстроился вокруг самодельного причала.

— Ячметлицын Паром! — воскликнул Вивертека. — Пусть раньше мне не взбрело в голову им пользоваться, имея возможность долететь до Пандемониума, но я вижу в нем прогресс, и лишь деяния благонравных душ обеспечивают его.

Паром состоял, как черный бисквитный торт, из нескольких ярусов, на каждом из которых, над входами и возле боковых перил, были развешены зеленые бумажные фонари. Деревянные конструкции были украшены резьбой, имитировавшей пятна леопардовой шкуры. На верхнем ярусе по всему периметру стояли, оперевшись на исполинские шесты, угрюмые старики. Верхушки шестов украшали ленты и ожерелья из лилий, — хотя парадный вид, которого хотели этим добиться, всё равно имел чудной и неприятный оттенок, потому как старики сплошь были вспотевшими и изможденными.

Очередь потихоньку продвигалась вперед, и всё это время, открыв рот, Сентябрь не сводила глаз с трапа. Рядом с ним она впервые видела Фею. Мужчина, собиравший пошлину за проезд, весь сгорбившийся и настолько древний, что его глаза за толстыми, похожими на днища пивных кружек, очками слезились, носил свободного покроя морские брюки и Флотский темно синий плащ в крупный белый горошек, — и вокруг него словно

фиолетовый ореол порхали искорки. Его деликатные крылышки были скованы за спиной серебряной цепочкой, — достаточно крепкой, чтобы не давать двигаться, — однако для солнца, игравшего на их затейливой окантовке, они были живыми и отнюдь не бесполезными. В одном из ушей паромщика были продеты три золотых серьги. Волосы, собранные в несколько пучков, были уложены между небольших кривеньких козлиных рожек.

— Платите! — рыкнул он прямо на ухо.

Вивертека начал было откашливаться, чтобы показать, что умеет не хуже, но Сентябрь прервала его:

— О, я полагаю, кошелёк в нашей компании находится именно у меня.

Она дотянулась до цепи, сковывавшей крылья виверна, и вытащила свой скипетр. С помощью когтей Дола Сентябрь выковыряла два некрупных рубина и протянула Фее. «до чего же я предусмотрительна» — радовалась и гордилась девочка.

— Этот слишком большой, — фыркнул паромщик, — за перевес багажа двойной тариф.

— Какой я багаж?! — недоуменно выдохнул Вивертека.

— Понятия не имею. Свою блестящую штукенцию она хранит на тебе. Выходит, ты — Багаж. А то, что слишком большой, вообще неоспоримо. Вывод такой же — двойной тариф.

— Нет проблем! — тихо сказала Сентябрь и выковыряла третий красный камешек из скипетра, — Как нажито, так и прожито. — Она смотрела на ладонь, словно на ней выступили три капли крови. — Без тебя я всё равно никуда не пойду!

— На борт! — рявкнул паромщик, сграбастав драгоценные камешки.

В один прыжок Вивертека очутился на самом верхнем уровне парома. Через какое-то время к нему присоединилась и Сентябрь, — которой для этого потребовалось взойти по трапу, а потом по винтовой лестнице. Как самому обыкновенному аборигену. Возможно, уже начинало сказываться действие ванн, но ничего вокруг ее больше не пугало; к тому же она ощущала себя вполне взрослой, заплатив за себя. Но такие чувства неизбежно способствуют принятию катастрофических решений, — однако откуда об этом было знать Сентябрь? А тем более в те мгновения, в окружении ярких солнечных блесток и синей воды. Что ж, у нее есть время насладится ими, и не будет мешать ей.

Нет?

Я просто хочу быть великодушным рассказчиком; хочу заботиться о своей маленькой героине. Но читатели требуют

приключений, — и с этим ничего не поделаешь. Но ведь случается горевать, не имея приключений. Хотя иметь приключения, что б не было горя и скорби, не получается никогда.

С лязганьем и скрипом, сопровождавшимися радостным подвыванием Отадолэ, паром отчалил от пристани. Многие пассажиры сразу же расположились на главной палубе, на залитых солнцем сине-золотых шезлонгах.

— Неужели это не чудесно, что путь наш продолжился, — вздохнул Вивертека, — что мы вот-вот окажемся в Городе, — где и у нас появится надежда стать воистину удивительными!

Сентябрь ничего не отвечала. Ее мысли подернулись рябью под воспоминаниями о том, как часто ей приходилось слышать в школьной душевой от старших девочек похожие мечтательные рассуждения: что однажды они доберутся до Лос-Анжелеса, станут звездами, богатыми и прекрасными, и выйдут замуж за киноартистов; или о том, что на Калифорнии свет клином не сошелся, и есть ведь еще Нью-Йорк, где можно так же стать богатой и красивой, сделать карьеру танцовщицы или фотомодели, а в мужья выбрать популярного писателя. Сентябрь всегда с сомнениями относилась к этим мечтам. Помимо того, что они были набиты женящимися мужчинами, были чересчур громоздки и несуразны, — она еще и никуда не собиралась уезжать из своего города. И о Пандемониуме в подобном ключе ей думать не хотелось. Мысль о том, что Столица Королевства окажется заселена девочками, рвущимися в звезды, была ей невыносима.

— Девочка, следи за собой, — пробубнил паромщик, проходя мимо. Он шел к своему шесту. — Все замечтавшиеся малютки склонны перевалиться через перила. Прямиком в воду.

— Я умею плавать, — ответила Сентябрь, не без удовлетворения вспомнив свое приключение в океане.

— Нисколечки не сомневаюсь. Однако воды Ячметлицы гонят голошатаи, — а плавают они куда лучше.

Снова услышав о голошатаях, Сентябрь хотела расспросить о них, но язык ее, оказывается ждал момента совсем для другого:

— Вы ведь действительно Фея?

Паромщик испепеляющим взглядом окинул девочку.

— Ну в смысле, мне так кажется, и я прошу вас развеять мои сомнения. Вот если бы мне пришлось сомневаться в том, что я не та, кем являюсь, я бы предпочла, чтобы это кто-то подтвердил. На самом деле я прошу Вас, если вы действительно Фея, просветить меня, какого Вы рода, семейства, языком таксономии, одним словом, — произнеся без запинки это самое «одно слово»,

Сентябрь очень за себя порадовалась, потому что еще недавно мучилась над ним с логопедом. — И еще почему Вы единственный из Фей, кого мне довелось увидеть?

— Говоря ученым языком Феи, и я в том числе, такого же рода существа, что и люди. Вы эволюционировали от обезьян. А мы… — честно признаться, об это не вежливо говорить в порядочных обществах, но раз уж в обществе находится человек, ни о какой порядочности речи идти не может, — так вот мы ведем свой род от лягушек. Амфибиеобразных, понятно? Но в лягушачьем существовании не много прелести. Так что мы прикарманили некоторые полезные фигуры: у драконов — крылышки, у людей — лица, у птиц — сердца, у антилоп и козлов — рожки, у джинов и ифритов — души, у коров — хвосты, — и спустя миллионы миллионов минут эволюции мы стали Феями. То есть точно так же как и вы — людьми.

— По-моему, таким образом эволюция не протекает, — вежливо проговорила Сентябрь.

— Вот скажи-ка! Твоё имя — Чарли Дарвин?

— Ну нет, я хочу сказать моё…

— Выжившая-Меж-Мастеров-Попадать-Пальцем-В-небо, готов спорить!

— Вообще-то я говорила, что моё мнение об эволюции людей правильнее вашего…

— Это твои проблемы, и точка. И не смей скособочивать мои факты своим пустословием. Я говорил: относись к фактам так же, как к ним относится эволюция, а всё оставшееся пусть решается само. Вот поэтому мы не обрюзгли и не влачим свои тела по земле, — что не получилось у вас. Так что не суй свой нос в чужой семейный бизнес. — Паромщик вытащил из кармана трубку и, щелкнув пальцами, раскурил её. Поднялся густой но не едкий дым, пахнувший росистым кукурузным полем, — наверное потому, что трубка имела форму кукурузного початка. — Вот, скажем, если вопрос дальнейшей эволюции тебе интересен, то я бы порекомендовал освоить невзрачность и неприметность, или заныкаться где-нибудь в самом низу.

— Не поняла. Зачем?

— Не могу тебе всего рассказать, но тезис таков: за податью могут явиться в любой момент. — Паромщик подмигнул девочке; в его глазах слабо сияло восторженное веселье: такими Сентябрь и представляла себе взгляды Фей. — Так что, смотри сама. Мне сказать больше нечего.

Фея усмехнулся и ушел к своему месту, среди стариков. Разумеется, Сентябрь могла тотчас же убежать в трюм, но составлять компанию своему красному чешуйчатому другу было

для нее куда важней. Правда и он бы не смог сказать ей, что означает загадочное слово «подать». Нелегкий поиск ответа не давал покоя мыслям, (и выражение ее лица при этом нельзя было назвать «замечтавшимся») — и когда паром с громким всплеском наскочил на мель примерно посредине бурлящей реки, Сентябрь лишь шире открыла рот, негромко крикнув.

— Коровьи твои уши, не говори потом, что я не предупреждал, — вздохнул паромщик, бросив шест, и намереваясь предстать пред лицом шестерых высоких парней пиратского вида, карабкавшихся по веревкам на верхнюю палубу. Все они были голы, (если не считать серебряных перчаток и поножей) и были на одно лицо, — так как вместо подходящих мальчишеских голов, на плечах были каурые лошадиные морды. Большая золотая серьга в носу, как у быка, выделяла только одного из них. Он и заговорил, точнее заорал:

— Чарли Крабодав! Голошатаи требуют у тебя причитающуюся им по Праву Справедливого Бизнеса подать!

— Да слышу, старая ты кляча! — прохрипел паромщик. — Но сегодня не густо с выручкой. С утра уже отдал много на сбор и еще на что-то. Так что брось свои формальности.

Народ Королевства сгрудился на верхней палубе в кучку и все как один, оцепенев от ужаса, опустили головы, дабы не встретить свирепый взгляд мериноглавца. Где-то за спинами был и Дол, — тщетно пытавшийся согнуть свою шею так, чтобы обрести невидимость.

— Давай, выведи-ка детишек! — проревел мериноглавец.

Грубые сильные руки схватили Сентябрь и подтащили к голошатаю. Сверкающими, словно сосновые иголки, глазами он оглядел ее, даже больно ущипнул ее за подбородок, желая разглядеть ее зубы, — но после перевел взгляд на стоящего рядом ребенка. Сентябрь скосила глаза и незаметно повернула голову; малютка Пука, разволновавшаяся до такой степени, что ее шакальи уши то появлялись, то пропадали из виду, стояла слева от нее. Она взяла ее за руку и ободряюще и успокаивающе сжала.

— Только не меня, — дрожащим голосом прошептала малютка, — пожалуйста, только не меня.

Голошатай отвел взгляд и от нее и пошел осматривать всех детей, выстроенных в ряд перед ним. Через несколько минут он вернулся к остальным мериноглавцам и они начали тихо обсуждать выбор.

— Вот эту! — выкрикнул, наконец вожак. Толпа громко и облегченно выдохнула. Сердца всех, кроме одного, забились спокойнее. Сентябрь услышала, как грохочет у неё в груди, — потому что была уверена, что палец голошатая указывает именно

на неё. Но через мгновение выбранный ребенок испустил вопль отчаяния и ужаса: «Нет! Нет!» и Сентябрь узнала голос Пуки, которая, обратившись в шакаленка, спряталась за ее ноги.

— Что здесь происходит? — немного еще задыхаясь, спросила Сентябрь.

— Она — десятина, — ответил Чарли Крабодав, — и ничего не поделаешь. На ее месте я бы встретил жребий с честью. По закону владельцы территорий, по которым движется паром, имеют право требовать оплату за проследование. Голошатаи требуют за свою. Но это происходит не всегда, — так что нельзя ни уберечься вообще, ни предупредить какого-нибудь конкретного пассажира. Всем Вам по большому счету нужно в Город, разве так важно, каким путем это совершится.

— Но я не хочу уходить! Нет! Мама, помоги! Где моя мама!?

Сентябрь смогла увидеть маму Пуки: шакалиха лежала под одним из шезлонгов, закрыв от горя лапами морду.

— Ничего омерзительнее я никогда раньше не слышала! — ответила Сентябрь, прижимая к себе щеночка.

— Милая, такова эволюция. Тебе не выбирать, как отнестись к этому.

— И что они с нею сделают?

— Твоё какое дело, — вмешался вожак голошатаев.

— Они меня съедят! — взвизгнула Пука, — Утопят! Запрягут, чтобы я таскала паром туда-сюда по реке!

— Да, она нам вполне подходит, — проревел один из голошатаев и постучал рукояткой тяжелой широкой плетки по бедру.

— Ну пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! — захлебывался рыданиями ребенок. Она постоянно меняла тело, испуг и дрожь не давали ей возможности быть кем-то одним, либо девочкой либо щеночком. Сентябрь пыталась приласкать ее, взяла на ручки, — хоть это было совсем неудобно, потому что девочка была довольно большой, — и раскачивала убаюкивающими движениями. Широко открывая рот девочка плакала; сверкая острыми зубами — подвывала.

— Неужели нельзя забрать что-нибудь другое, — возмутилась Сентябрь. — Обязательно, ребёнка?

— Должна быть кровь, — тихо ответил вожак. — Мы можем забрать тебя в принципе. Если ты, естественно, предложишь.

Сентябрь решилась быстро, к ее чести. Будучи хорошим пловцом, она не допустила бы, чтобы ее утопили. О съедении разговоров вообще не было. Бессердечия в ней было не столько, чтобы укачивать испуганного ребенка и нисколечки не жалеть его, (или чтобы разрешить выбросить его за борт). Но быть

десятиной она не хотела. Не хотела и умирать, — вообще не хотела взваливать на свои плечи даже грамма такого груза.

— Нет. — она прошептала. — Не предложу. Но у меня есть рубины…

— Мертвые камни. — фыркнул мериноглавец.

— А жакет? А туфелька? — лошадиные морды удивленно уставились на неё. — Но у меня больше нет ничего! А забрать девочку я Вам не позволю, — Бедняжка, она ведь всего лишь дитя. Как Вы вообще посмели так ее напугать?

Взгляд вожака буравил Сентябрь, не моргая. Мерцающие изумрудным огнем глаза, казалось что-то просчитывали.

— У тебя есть голос. — медленно сказал он. — А еще тень. Выбери что-нибудь, и тогда я оставлю с тобой этого вывертыша.

Тебе такой выбор показался бы чересчур сложным. Но Сентябрь заподозрила в нем что-то заковыристое, — ведь не могла же сделка в Волшебной стране пройти так легко. Естественно, она не собиралась отдавать голос, — иначе как же она сможет говорить с Долом? А петь? А рассказать маме, где она пропадала? А уберечь девочку, столь жалобно обвившую дрожащими руками ее шею, всё-таки надо было. Даже если они не собирались ее ни есть, ни топить, они забирали ее против ее воли: а в таких вопросах Сентябрь была категорична.

— Тень. — ответила она. — Забирайте ее. Хотя зачем, в ней же нет ни капли крови.

Сентябрь опустила Пуку на палубу, и тотчас девочка молнией понеслась к своей маме, на полпути превратившись в щеночка. Встретившись, шакалиха и ее дитя, радостно завиляли хвостами и принялись лизать друг другу мордочки. Вожак голошатаев подошел к Чарли Крабодаву и в ожидающем жесте протянул вперед руку. Фея отстегнул от пояса ужасного вида, ржавый и зазубренный нож и вложил в руку голошатая. Прежде чем Вожак обхватил Сентябрь за плечи и развернул, как ему было удобно, она успела подумать «ох, больно, наверное, будет» Но поначалу ощущались только слабость и немного холод, — пока голошатай распиливающими движениями водил ножом вдоль спины, едва прикасаясь к коже. Тем не менее беззвучным процесс не был: казалось что раскраивают шелк или толкут в ступе кость. Сентябрь думала что вот-вот упадет в обморок от этой ужасной боли, то поднимавшейся к шее то опускавшейся к пояснице; упадет, но не заплачет. Наконец с болезненным треском процесс закончился и Вожак направился прочь, сжимая в руке что-то, похожее на обрезки. Одинокая капелька крови с его ножа упала на деревянную палубу парома.

Вожак положил на палубу прямо перед собой то, что было в

его руке. Заиграв в складках темными глубокими искрами, обрезки и лоскутки внезапно превратились в плотную сероватую дымку и обрели форму девочки, — такого же роста, что и Сентябрь, с такими же волосами и глазами, что и у Сентябрь. Медленно Сентябрь-тень растянула губы в улыбке и сделала пируэт на одной ноге. Ни доброй ни нежной эта улыбка не была.

— Мы забираем ее с собой вниз, — точно так же улыбаясь, и, ухватив тень за протянутую к нему руку, произнес вожак, — Мы будем любить ее, и она отныне будет возглавлять наши парады, ведь она не просто отобранная, а отданная. Она — единственное, чем мы по-настоящему владеем.

Тень сделала присутствующим реверанс, — лично Сентябрь он показался чем-то злобным и жестоким, (даже несмотря на то, что подобное трудно представить вместе), и вместе с этим в неё закралось сомнение в том, что она поступила правильно. Несомненно, она будет скучать по своей тени. И несомненно голошатаи с её помощью будут творить дела еще бедственнее и еще вреднее. Пассажиры парома изумленно смотрели на Сентябрь, — в то время как мериноглавцы, усадив ее тень на плечи Вожака, один за одним попрыгали за борт парома. Никто не отважился проронить хотя бы слово. Наконец Отадолэ подобрался к ней и позволил девочке обнять себя за колено. Он был такой теплый, родной, и от него приятно пахло.

— Чарли, я ведь ничего плохого не сделала?

— Что толку классифицировать то, что сделано. — качая седой безумной головой, ответил паромщик. — Пыль она и есть пыль.

Впереди за рекой поднимались сверкающие башни города. Сентябрь опустила взгляд вниз на Ячметлицу и увидела впереди парома шестерку лошадиных голов, легко рассекающих водную гладь, держа в зубах уздцы парома. И над их спинами прыгала и выписывала пируэта девочка-тень; она смеялась, — а волны реки уминали всё до последнего звука.

Интерлюдия, в которой наше внимание приковано к позабытому и исстрадавшемуся позолоченному ключику.

Вероятно, Вам, мой умный и внимательный читатель, я кажусь сейчас рассеянным, витающим в облаках рассказчиком: за то, что совсем потеряла из виду позолоченный ключик и не беспокоюсь его судьбой на просторах Королевства Фей, где он

оказался, преданно следуя за Сентябрь. Но я помню, будьте уверены! Дело в том, что специфичность позолоченного ключика, как персонажа повествования, определяет для него приключение, совсем не такое, как у его хозяйки: гораздо тише, абсолютно без собеседников и от этого отягощенное чувством одиночества.

Проскользнув между Широтой и Долготой в усыпанную звездами тьму, он камнем, — ну, не действительно камнем, — обрушился вниз и бесцеремонно приземлился на увешанном значками и медальками кителе страшилы, который транзитом следовал из Бросалианда в Атлантис. Ни Бетси Базистеблик ни Горгулья Руперт не обратили на него внимания, поскольку он просто затерялся в этом обилии мерцавшего, начищенного барахла. В Университетах Атлантиса, в его синих стеклянных шатрах пользы от него было мало, поскольку, Ключик, хоть и был добродушным, был еще и неграмотным. Так что он вовремя отцепился от кителя еще в грязном, кишащем червями проходе между мирами, и, провалившись в Королевство фей, поймал восходящий поток океанского ветра и взлетел под облака. По пути играя в салки с пролетавшими мимо синешеими фиавлями, он миновал становище ведьм, — где с трудом избежал воронки событий будущей недели, засасывавшей его в котел. Пролетая над полем, усыпанном маленькими красными цветами, он не увидел Вивернов, — даже одного: кто бы составил ему компанию, рассказал бы, какой была жизнь в еще недавние времена.

В Доме, Свалившемся с Неба, Ключик, под присмотром Лии несколько минут отмокал во всего одной ванне. Заблестев снова, (и узнав, что Сентябрь уже давно покинула эти стены) он вновь полетел за ней следом. Но на паром он не успел. Поэтому ему пришлось хорошенько выспаться в невысокой прибрежной траве, — где его случайно нашла малышка банши. Она так обрадовалась, что нацепила его на своё зелено-золотое платьице. Она прыгала и весело визжала; но когда ее мама узнала о находке, — строго наказала не трогать странные сокровища, если они определенно не принадлежат никому из них. И как известно, визг банши невозможно игнорировать продолжительное время, — и рано или поздно всё-таки уступаешь. И вот Ключик оказался на пароме, добрался до Пандемониума, — но оказалось, что Сентябрь уже три дня как покинула город.

Ключик проклинал свою медлительность. Оранжевая слезинка выступила на поверхности. И, скатившись, оставила ржавый след.

А ведь он когда-то был частью зеленого сюртука. И как велико было желание обрадовать. И как, рождаясь из складки отворота, он почувствовал зубцами и головкой неожиданный и

приятный холод воздуха. И с тягостным сожалением он также вспомнил, что теперь он разлучен со своей матерью, — сюртуком. И еще — какова была на вкус кровь маленькой девочки на иголочке застежки; это воспоминание заставляло дрожать его ночами.

Именно это знал Ключик, — что он связан крепко с Сентябрь. Что цель его существования — просто быть с нею, спокойно держаться вблизи ее кожи. Что его единственная задача — нести девочке улыбку; и он не в силах перестать хотеть это делать, — как не в силах любой человек дышать печенью, а не легкими. Вдруг Сентябрь нуждалась в нем? Вдруг мир омрачился и пугал её, — а его не было рядом, чтобы приободрить её? Ключик понимал, что должен лететь еще быстрее.

Только именно потому, что сама девочка убегала все дальше и все быстрее, — даже не догадываясь, что Ключик изо всех сил спешит к ней, — им не удавалось обрести друг друга.

ГЛАВА 7
Волшебные бобины

в которой Сентябрь наконец проникает в Пандемониум, и, при попущении Отадолэ, наслаждавшегося лимонными ледяными кубиками, ее обнаруживает Маркиза.

— Ну же! — Вивертека своим внушительным красным носом ткнулся в оранжевое платье девочки. — Спроси!

Глядя перед собой в неподвижное латунное лицо, Сентябрь сомнительно прищурилась. Латунное лицо на самом деле покоилось на вершине башенки, изображаемой двумя латунными руками, — чьё соединение было настолько странным и неоднозначным, что можно было подумать, глядя на них, об отчаянной мольбе, молитве, упрашивании, взывании, уточнении и принуждении. Руки стремились оплести одна другую, динамично развивая своё взаимодействие от локтя к запястью, но в финале пять пальцев одной разъединяли пять пальцев другой, — и все десять, отогнувшись в стороны, подобно цветочным лепесткам, создавали удобную площадку для широкого подбородка. Раздутые округлые щеки были отполированы до блеска. Чуть утопленные внутрь глаза сонно зажмурены. Губы — плотно сжаты; рот слегка ухмылялся. Чуть ли не пылающие уши были несоразмерно огромны. А за ними — одной сплошной необъятной стеной — высился город. Он грохотал и гудел, однако по эту сторону поста разобрать характер гудения было сложно. Сама стена вовсе не внушала вид наикрепчайшей, — сшитые грубыми, толстыми нитками водянисто-тыквенного цвета, это были лоскутки: разного цвета и разной фактуры по десятку видов каждого. И шелк и сатин и атлас и капрон и многое другое.

Место, где открывался доступ в город, и где расположился Тумблер (как его звал Дол), имело вид ворот, внешне еле отличимых от пасущейся козочки. Действительно, вплоть до журчащей Ячметлицы простирались газоны, ухоженные и увитые узкими тропкам. Тут и там степенно покачивались на ветру фиалки. Растущие небольшими группками желтые пионы усеивали траву кудрявыми тенями, словно облака небо. Одним словом, назвать такое место Пандемониумом «Обителью Демонов» могло только существо, ни разу не бывавшее в Парке

Хэнском в Омахе, — ведь именно так он и выглядит. И такие же в нем кормушки для птиц и мемориальные скамейки.

Тумблер, словно для поцелуя, вытягивал к ним свои сжатые плотно губы. Сентябрь колебалась. Прилетел воробей и уселся на несоразмерное ухо, — но тотчас же улетел, словно латунь обожгла ему лапки. Дол продолжал подталкивать девочку в спину, утверждая, что вход в город именно здесь.

— Но что мне спрашивать?

— А ты куда собираешься пойти? — Дол вытянут длинную шею, зевнул, и затем снова опустил к лицу Сентябрь.

— Я так думаю, что к жилищу Маркизы.

— То есть в Бриарий.

— Но в то же время, если я собираюсь что-то украсть, то мне следует действовать, как подобает вору, то есть действовать ночью. Значит мы должны дождаться ночи, верно.

— Сентябрь, Царственная Среди Воров, таким способом тебе ни за что не проникнуть в Пандемониум. У тебя должен быть Адрес. Назначение. Дело Здесь. Праздно слоняться, околачивать груши или как-то иначе угрожать быту неплохо может получиться в других городах. На Пандемониум у таких людей аллергия; и у Пандемониума на них тоже. А если у тебя нет никакого Дела Здесь, то тебе нужно очень убедительно притвориться, что оно есть. Иначе тебе придется учиться жевать фиалки.

— Мы можем пойти в Муниципальную Библиотеку к твоему… — Сентябрь всё еще глубоко сомневалась в правдивости теории Дола о своих родителях. Тем не менее закончила, — дедушке.

От смущения Отадолэ бросило в краску, у лица появился оттенок красного дерева.

— Нет, ни в коем случае! Я еще не готов! — запинаясь, пробормотал он. — Мне надо освежить свои знания. Мне надо натереть рожки воском. Надо достоинства выложить каллиграфически ясно. Да много еще всего надо. Делов до завтра, а может и на неделю!

— Да брось ты, Дол! — уверила его Сентябрь. — Ты хорош таким, какой ты есть! И ты очень умен, — не чета другим чудовищам.

— И что, ты уже много повидала чудовищ?

— Ну, — смутилась Сентябрь. — Вот ты. Потом Леопард. А еще ободотень. Уже три. Для одиннадцатилетней девочки весьма значительный опыт.

— Набор, конечно, не для статистики, сама понимаешь. Ну да не важно. Кроме маршрута твоего квеста, другого у нас сегодня не будет. Мой не пригоден. Еще не пригоден — С этими словами

на глаза Отадолэ навернулись слезы, засверкавшие подобно бирюзе.

— Ну перестань, Дол, не плачь! Всё в порядке, — девочка похлопала дружески по крепкому колену Вивертеки и затем, набрав побольше воздуха, повернулась к Тумблеру.

— Слушай, Мистер Литавро-Ухий! Мне бы хотелось отыскать прохладное местечко недалеко от Бриария. Чтобы оно было достаточно затененное, чтобы мы смогли там отдохнуть до захода солнца, посмеяться и увидеть что-нибудь из чудес Пандемониума.

— И чтобы там были ледяные лимонные кубики, — подсказал шепотом Дол.

— И где можно разжиться ледяными лимонными кубиками, — решительно договорила Сентябрь.

Тумблер с высоким продолжительным свистом, словно проколотый воздушный шар, сдул щеки. Открылись глаза, задергались уши, руки расплелись, встрепенулись, сжались в кулаки и снова расслабились.

— Бумаги, — слабым, как старый клаксон, голосом произнес Тумблер и вперил в них блестящие латунные шарики глаз.

Сентябрь выудила из внутреннего кармана жакета крохотную зеленую книжечку, выданную Бетси Базистеблик, и поднесла ее вплотную к пухлому лицу. Пока Тумблер, напыщенно кудахтая, изучал и сверял, девочка почувствовала, как сильно обрадовался своей заботливости и щепетильности ее зеленый жакет.

— Зачарованная, стало быть. Давненько таких не видел.

Латунные шарики глаз Тумблера сверкнули неодобрительно в сторону Отадолэ, который царапал газон единственным здоровенным когтем.

— Это мой компаньон. Мой Виверн. — быстро добавила Сентябрь, надеясь, что притяжательное местоимение не обидит его.

— Для него у тебя имеется Занятие?

Вивертека вытянулся по струнке в полный, весьма значительный, рост.

— Истинное служение, — произнес он мягко, — не нуждается в распоряжениях, а признает лишь добрую волю. Кому как не Вам знать это? Как бы вы тогда заняли этот пост: захотели бы дуться на простых путников, желающих войти в город, — а не торговать перчатками или пугать детишек на праздниках?

— Солдаты мы. Всего лишь. — проворчал Тумблер.

Тут широкая козья шкура, казавшаяся воротами, принялась подниматься вверх, словно театральный занавес. Четырьмя пальцами на своем основании пост принялся что-то выколачивать настолько быстрыми движениями, что девочка не могла уловить

суть этой суетливой работы. Однако вскоре догадалась, увидев медленно появляющийся из едва раскрытого рта алый лоскуток. Становясь всё длиннее, он трепетал и извивался, и наконец, достигнув земли, потек, словно жидкий. Полоса сверкающего шелка прошелестела в траве под ногами Сентябрь, — не изменившись в цвете ни на каплю, не потемнев, — потянулась к воротам, проникла внутрь и там замерла, как будто призывая путников следовать за ней. Сентябрь шагнула вперед, — и снова пальцы принялись за свое расплывчатое дело, гоня алый путь вглубь Пандемониума.

— Я не обиделся, — сказал Дол, ступая на территорию Пандемониума, — Я знаю, что ты не всерьез сказала, что я — твой. — Чудовище вильнуло своим длинным красным хвостом. — А ведь я могу. И ты можешь быть моею! И мы вместе будем играть в самые веселые игры!

— Правда, он восхитительный! — сказал Отадолэ, видя, что его спутница зевает. — Королева Мэллоу устроила его таким, много лет назад.

Открывавшийся взгляду Пандемониум сплошь был воздвигнут из тканей. Сентябрь и Вивертека шли мимо витрин, сотканных из фиолетового кринолина и органзы свежего малинного оттенка. Башни, вкручивавшиеся ввысь спиралями, выглядели весьма шатко, хотя парча была жесткой и блестящей. Памятники выделялись фетровыми шляпами и бомбазиновыми лицами. Высокие и узкие дома, — разноцветные, но, похоже, каракулевые — распахивали свои ангорковые двери; офисы внутри, их тафтовые стены тускло светились под взглядами кружевных горгулий. Даже широкая авеню, на которой оказались путники, была лентой грогрена, — вязкой и тыквенно-оранжевой. А недалеко впереди, — невероятно! — кривой и сморщившийся высился кожаный обелиск Башни Гроангир! На верхушке был укреплен медно-красный сатиновый отрез, который теплый ветер вздымал, надувая, словно небольшой купол.

Девочка и виверн таращались по сторонам; волнистый алый путь терпеливо дожидался.

— Одна с этим она точно бы не управилась! — воскликнула Сентябрь.

Отадолэ пожал плечами и сказал:

— Игла ее была проворна и пылка; она была мечом в ее руке! В сотканных вещах, говорила она, есть теплота и обаяние дома. Но дням, утекшим с тех времен, уже потерян счет. Конечно, Маркизе хотелось бы изменить город, понастроить кирпичных домов и засадить свободные места ежевичными кустами, — но в городе не осталось ни одного пристойного каменщика: все они

переучились в ткачей и вязальщиков.

Ткань может протираться или изнашиваться; она не может хрипеть или вздыхать, — но именно такой звук вдруг поднялся от заждавшегося алого пути. Тем не менее Сентябрь не заметила ничего; ошеломляя красочным многообразием, вокруг нее тянулись и волнисто удлинялись такие же пути, — за которыми следовали горожане. Они пересекали проспекты, направлялись вдоль проулков, уворачивались от повозок и карет, огибали большими радиусами корзинки уличных аккордионистов, протискивались между торговцами печеными бананами или изысканными романтическими букетиками укропа. Кобальтовая, серебристая, розовая, охровая, и многие другие — прокладывали путь своим пешеходам. Копытным и перепончато-лапым; восьминогим и каким угодно. Перекрестки были сущим нагромождением, однако на каждом имелось уменьшенное подобие Тумблера, ни на секунду не прекращавшего свою сверх-быструю деятельность.

Личная дорожка Сентябрь и Дола, смущаясь столь продолжительного простоя, наливалась пунцом.

Но вот Сентябрь, засмеявшись, вприпрыжку побежала вперед, — и путь быстро пошуровал тоже, держась от нее в недосягаемости, но в пределах видимости, — однажды он едва не врезался в креповый лавандовый уличный фонарь, а в другой раз прошмыгнул между двумя импами, торговавшимися за пригоршню бурых водорослей. Отадолэ бежал следом, — его шаги оставляли царапины в льняном покрытии улицы, (Скуколуковая — так она называлась) и грохотали не хуже грома, невольно разгоняя по сторонам остальных прохожих.

Алый путь уводил приблизительно на север. Но даже возбуждение догонялок, которые очень любила Сентябрь, даже сгущающийся аромат жареных кленовых цветков и лимонной медовухи, не могли отвлечь девочку от мысли, что с каждой пересекаемой улицей они становятся ближе к единственному в городе низенькому домику, стены которого были увиты крупными золотыми цветами: зелеными колючими стеблями и черными шипами и яркими бутонами, — все было настоящим, а вовсе не оттиском на ткани. Единственный оплот роста и жизни во всем Пандемониуме как-то таинственно мерцал, — и это не нравилось Сентябрь. Дол же отвернуться не мог. Еще один поворот был сделан, и Алый путь внезапно резко остановился и тут же начал сворачиваться, двигаясь обратно.

Жакардовое здание розового цвета высилось над тротуаром. Его стены украшали вышитые завитушки, вместе с маленькими цветами и турецкими огурцами, а над дверью мерцала зеленым

светом вывеска

«Серебряный Челнок» «Вход всего пять центов»

— Эти огни электрические, что ли? — спросила Сентябрь, наблюдая за прерывавшимся сиянием одной из лампочек вывески.

— Разумеется, — тихо, словно завороженный, ответил Дол. — Королевство Фей Науко-Сменчивое место.

— Я так полагаю, это устроила Маркизы.

— Нет. На самом деле она на дух не переносит электричества. Это детище Гильдии Изобретателей. Несколько дней жуткий треск доносился из Гроангира; видимо, тяжело им давалось благостное расположение сильфов, повелевавших молниями. С ламповыми упырями получилось проще, — хотя тайна той сделки до сих пор не открыта. Главное — вуаля! — электричество. Прогресс всё-таки завораживающее зрелище. Только Маркиза отнеслась к этому, как к пробоине. Если вы собираетесь забыть, как положено вести себя Феям, сказала она, я не стану откладывать ваш последний путь. Так что здесь оказываются только смелые. В тени Бриария, — и в искре сопротивления.

Дол опустил голову к дверям и заглянул внутрь.

— И здесь готовят лимонные ледяные кубики, — прошептал он, разглядывая бархатные и плюшевые стены лобби и латунные поручни.

Сентябрь выбрала фильм с названием «Ифрит и Дирижабль» и отковыряла еще пару рубинов от своего скипетра. Камешки, оплачивавшие сеанс, приняла молодая дружелюбная дриада, одетая в красную униформу и маленькую шапочку-колокольчик; волосы, которые клоками торчали из под шапочки, были короткими острыми и зелеными, как сосновые иголки, — именно поэтому Сентябрь и решила, что перед нею *дриада*. Блеснул своим знанием и Дол, — так как «д» была им изучена, — и поприветствовал ее, пожелав мира далекому лесу. Глаза дриады засеребрились. Она улыбалась, принимая у Сентябрь рубины и вручая ей билеты.

— Вы ведь дриада, — застенчиво спросила девочка, — но тут не видно Вашего дерева. Вам должно быть очень одиноко здесь, вдали от родного леса?

Билетерша-дриада рассмеялась: живо, но не звонко, а словно капли дождя зашелестели по листьям.

— Что же ты милая малютка, не знаешь, что фильмы сделаны с помощью камфары? А ее происхождение древесное: одно из семейства коричных, если быть точным. Большое дерево, — прочное шумное и склонное к сплетням. Когда я запускаю

проектор, через мои пальцы пробегают все мои деревья. Так что если что-то выглядит прозрачным, серебристым и пользуется большими жестяными коробками для перемещения, — это вовсе не значит, что это не дерево.

К счастью кинотеатр оказался вместительным. Потолок нависал очень высоко, так что для Дола не составило труда удобно расположиться. Последний ряд его устроил вполне, и лимонные ледяные кубики, которые он увлеченно облизывал, тоже. Сентябрь села рядом и уплетала воздушные гранатовые зерна из маленькой полосатой коробочки. «Это ведь еда дриад, — думала она. — так что мне точно ничего не грозит». Свет медленно погас.

Дома ей нравились фильмы. Ей нравилось сидеть в темноте и предвкушать появление чего-то чудесного. Особенно ей нравились падающие в обморок дамы, (за что она любила трагедии) и монстры, ревевшие в глубокой непроницаемой тьме. (ужасы тоже были ее любимым жанром). И конечно, когда было и то и другое сразу: как в одном мультфильме, который Сентябрь еще совсем маленькой смотрела вместе с мамой, где одна черноволосая принцесса убежала в дремучий жуткий лес и на неё налетели совы, — как это было впечатляюще! Мир вдруг внезапно оказался живым, — и стал складывать историю как раз так, как и самой Сентябрь казалось, должно было складываться. Пускай даже мир хотел сложить свою историю вообще без принцессы. Сентябрь принцессы тоже особенно не нравились, а когда она реально оценила свой высокий писклявый голос, — так вообще стали раздражать. Другое дело совы! И рудники; и сверкающие из темноты глаза! А теперь выходило, что она сама в лесу, ловит на себе взоры сверкающих глаз отовсюду: но при этом смотрит кино. Интересно, о чем может быть такое Сказочное кино?

«Незатейливая Газета Общества Обнаружения Сказочных Подробностей с гордостью представляет: Новости со всего Королевства!» — сопроводил первые побежавшие по экрану пятна приятный женский голос.

«О-о-споди, — подумала Сентябрь, — кинохроника. Если взрослый берется показывать фильм, обязательно жди какого-нибудь подвоха. Неужели нельзя сразу перейти к черноволосой принцессе и всему, что её оккупировало?»

«Во вторник с большой помпой прошла церемония бракосочетания Дэва Гияза и Рагобы Мариды на берегу Арктического океана» — продолжал декламировать нежный голос. — «В подарок молодоженам ведьмы наварили буйабес, из которого стало ясно, что пару ожидает долгая и интересная жизнь, пятеро детей, (одна из которых будет русалкой),

дружественный тип неверности с той и другой стороны, а также преждевременная кончина Гияза и последующая за ней продолжительное и скандальное вдовство Рагобы».

На экране огромный мужчина с отливающей золотом, как пустынный песок, кожей страстно обнимал свою невесту: одна огненная рука его лежала на упругой, словно водная гладь, талии, а вторая держала голову чуть пониже роскошной, как будто вспенившейся, копны волос. Изображение было черно-белым, и Сентябрь раздраженно откинулась на спинку сидения: ей не терпелось перейти к ифриту и её дирижаблю.

«Выставка образцов породы, найденных на Луне, открывается в Воскресенье в Муниципальном Музее. Ученые обнаружили, что поверхность Луны на самом деле жемчужная, и по сей день выясняют, благодаря каким свойствам он не осыпается с тверди ядра. Отдельная ветвь исследования посвящена пользе, которую могут принести лунные разработки Феям».

Черешид, с гордым видом и тонким вздернутым носом демонстрировал, сколько тайн сокрыто в растворении всего одного кусочка лунной породы. Своей трехпалой клешнёю он бросил камешек в хрустальную мензурку и затем одним глотком выпил содержимое. Сюжет на этом, к сожалению, заканчивался, так что оставалось не понятно, каков же в самом деле был эффект.

«В концертном зале Дандидидан на прошлой неделе была показана большая сольная программа Оркестра Подменышей. Выступление прошло с аншлагом; музыканты исполнили знаменитую Элегию Ре-Минор «Олененок и яйцо птицы Рух» Агнессы Сосливки. Дети дважды выходили на бис, но их заключительный номер был омрачен появлением в зале полиции, — поскольку дирижер легкомысленно принял решение сыграть Оду Третьему Ноготку Королевы Мэллоу».

Сцена зала Дандидидан выглядела как дубовый листок, и на ней большая орава детей с упоением и надрывом мучила скрипки, гобои, одно фортепиано, две тубы, флейту и внушительную секцию перкуссии. Все были одеты в черные костюмы и на ногах носили одинаковые туфельки, похожие на девочкины Мэри Джейн. Полиция, в виде двух мрачных гоблинов, появилась когда оркестр заканчивал грустную и трогательную часть пьесы и плавно переходил к ободряющей и искристой мелодии.

«Кульминацией выступления стала публичное наказание нескольких музыкантов-опалотов, получивших, надо отметить, по заслугам».

Наверное те же самые гоблины выволокли на мерцавшую

сцену нескольких перепуганных Сатиров и заставили их растоптать свои пан-флейты. Руководил казнью какой-то мужчина с усами, цилиндром и хлыстом.

«Ну и в заключении» — продолжил нежный голос, когда экран снова померк, — «новости политики. На днях наша обожаемая Маркиза подписала договор о взаимном сотрудничестве и торговле с Островом Буяном. Мы, сотрудники ООСП, не устаем превозносить мудрость и дальновидность Обожаемой Маркизы».

Юная девушка и огромный медведь появились на экране. Они пожимали руки.

Девушка была довольно высокой, однако Сентябрь увидела, что она вряд ли была намного ее старше. На экране ее волосы казались серебристыми, — толстыми, как сосиски, завитыми прядями опускавшимися на плечи. На ней был богато украшенный вышивкой и бахромой пиджак, надетый поверх турнюра. На шее был повязан галстук, — практически такой же, какой носил отец Сентябрь. И шляпа, конечно же шляпа! Черная (по крайней мере, в реалиях черно-белого изображения) и немного покосившаяся под тяжестью украшений, она была похожа на торт: на плоской верхушке была закреплена шелковая лента, собранная в виде цветка, свободные концы которой были облеплены драгоценными камнями и нависали над множеством других бантов, обвязанных вокруг тульи. Помимо этого шляпа была утыкана фазаньими перьями.

Медведю происходившее явно не нравилось, он смотрел с экрана, недовольно наморщив морду. Маркиза же наоборот широко улыбалась и неслышно посмеивалась, словно реагируя на лестные слова дикторши. Она казалась больше чем изображение, — практически живой и плотной, — отчего Сентябрь невольно затрепетала.

И вдруг неожиданно Маркиза повернулась лицом к камере. Рука ее по прежнему оставалась в медвежьей лапе. Она склонила голову на бок, словно любопытная птица, моргнула и вперилась взглядом прямо в глаза Сентябрь.

— Слушай. — произнесла Маркиза голосом дикторши. — Я к тебе обращаюсь. — Все, кто был в зале, повернули голову в сторону Сентябрь. Дол оберегающее приобнял ее за плечи свою когтистой лапой. — Сентябрь, что ж ты сидишь здесь в такой замечательный погожий денек? Иди лучше поиграй во что-нибудь.

— Ну я…

— Помолчи. Меня так утомляет слушать. Если ты, Сентябрь, сию же минуту не придешь в Бриарий, то я с тобой поссорюсь. А

ведь я очень дружелюбная Маркиза, — особенно для всех, кто послушен.

Сентябрь просто оторопела. От испуга она сжала коробочку с воздушными гранатовыми зернам, отчего рассыпала несколько на юбку и пол, — ей казалось, что ее застукали за чем-то отвратительным или за какой-то подлой проделкой. Но ведь она ничего такого не сделала! По крайней мере пока! Как вообще Маркиза могла знать о ней? И ведь не спрячешься никуда.

— Я сказала, сию же минуту, — прошипела с экрана Маркиза. — Ты меня слышишь, маленькая тщедушная воришка.

Маркиза подчеркнула свои слова подманивающими движениями пальца, но в то же мгновение экран замерцал, изображение поплыло и вскоре совсем исчезло. Кинотеатр погрузился во мрак.

ГЛАВА 8
Аудиенция у Маркизы

в которой Сентябрь встречается наконец с Маркизой, оспаривает некоторые юридические вопросы, и всё равно не уворачивается от королевской службы, в качестве утешения получая Ложку и новую пару туфель.

Ну не всё же здесь только колючие кусты, — где-то внутри наверняка есть жилище.

Не исключено, что дворец. И Сентябрь, конечно, могла непринужденно разглядеть контуры башен, подъемную решетку, и даже оборонительный ров, — который был усеян цветами так плотно, что, казалось, золотые бутоны плещутся под ветром. Этот цвет в корне отличался от привычной нашему миру интерпретации, — когда «золотыми» называют волосы девушек или цветки лютика. Цветы, покрывавшие ров, были неподдельно золотыми: они сияли, отсвечивали и потрясали внутренней глубиной, — и при этом оставались натурально нежными, мягко и бесшумно их лепестки соприкасались, создавая неспешное течение. А по его берегам рос только шиповник. Спутывавшиеся, сплетавшиеся между собой лозы увили всю стену, сверху до низу. Гроздья бледно-желтых ягод бриара виднелись тут и там, словно освещенные окна: их кожица была настолько тонка, что Сентябрь могла разглядеть сочную мякоть и зернышки внутри них. И конечно, острые тонкие шипы угрожающе топорщились во все стороны. Но главное, ни она, ни Вивертека нигде не замечали даже дюйма каменной кладки. Складывалось впечатление, что кусты выросли так сами по себе, — ни на что не опираясь и ни за что не цепляясь.

Дверь, — если так можно было охарактеризовать сводчатую линию из крупных цветов, проросших сквозь заросли, — никем не охранялась. Сентябрь подошла поближе и, игнорируя предупреждающий негромкий рык Отадолэ, протянула руку к одному из цветков, чтобы просто потрогать блестящую пыльцу, словно облачко висевшее прямо в его центре. Однако цветок сам окутал этим облачком руку девочки, а лепестки, словно губы сомкнулись вокруг ее пальцев. Удовлетворив свое любопытство, бутон вновь распрямился, — а в зарослях образовалась неширокая лазейка. Проход был плохо освещен, но Сентябрь без

раздумий нырнула внутрь. Вивертека последовал было за ней, но ветки кустарника сомкнулись прямо перед его огромным красным носом. Разозлившись, он громко зарычал (а громкий рык виверна не так уж и просто перенести), а потом и попытался ударить бутон лапой, — но всё это не принесло результатов. Цветок оставался неподвижен и безразличен, словно бронзовый. Толстые лозы шиповника едва заметно заколыхались, очевидно, посмеиваясь.

Проход был устлан красивым отполированным паркетом, и Сентябрь, пробираясь внутрь, старалась ступать как можно тише. Она вошла в просторную залу, в которой, наконец, появилось достаточно света, чтобы хоть что-нибудь разглядеть подробнее. Окна были устроены весьма высоко, и к ним подводила с двух сторон, соединяясь в форму сердца, широкая лестница. Прямо у входа имелась небольшая стойка, куда можно было поставить ботинки или положить зонтик. Одну из боковых стен украшал огромный портрет в не менее грандиозной и напыщенной раме. Даже при столь тусклом освещении длинные золотые волосы женщины, изображенной на картине, ярко сияли; она была высока и мила, одной рукой царственно гладила леопарда, сидевшего у ее ног, а в другой сжимала простенький деревянный лук. Но сильнее всего завораживала её улыбка. Широкая и добрая, такая, что и одного взгляда на нее было достаточно для Сентябрь, чтобы полюбить эту женщину на всю оставшуюся жизнь. Доверять этой любви, хотя мысль о том, что такую жалкую душонку, как ее, королева даже не призрела бы при встрече, неприятно свербила в голове. Портрет словно светился, хотя подобное происходит только с особенными людьми. «Вот так выглядит человек, когда повзрослеет — подумала Сентябрь, — А в моем мире взрослые сплошь угрюмые, разочарованные, уставшие от работы и от других забот. А им бы выглядеть, как она. Как же это описание звучало в книжках?»

В расцвете сил.

— И ты дошла до меня всего в одной туфельке? — раздался мягкий любопытный голос.

Сентябрь резко повернулась и увидела, что на самой верхушке лестницы сидела, наклонившись вперед и уперев подбородок в две подставленные руки, маленькая девочка. Ее вишнево-пурпурные волосы старомодными кудрями, толстыми как сосиски, падали на плечи, а замечательная шляпа действительно походила на скособоченный кусок торта. Но в отличии от эпизода с участием этой девочки и медведя, теперь Сентябрь могла рассмотреть подробно каждый оттенок всех украшений. Перья были синее, зеленое, красное и кремовое.

Драгоценные камни сверкали темно-фиолетовыми искрами. В ногах у девочки разлеглась громадная пантера, которая томно мурлыкала и лениво наблюдала за Сентябрь, чуть приоткрыв один зеленый глаз.

— Как же это было невыносимо больно, — голос звучал искренне и поражаенно, — Ну и храбрец же ты!

Маркиза элегантно погладила пантеру вдоль позвоночника, чуть взъерошивая пальцами мех — и извлекла пару изысканных черных туфелек. Они были точь-в-точь такие, как у Сентябрь: казалось, что это ее единственная туфелька подросла, пообтерлась и разносилась на многочисленных балах и театральных праздниках, и нашла себе пару. Каблуки были невысокие, мысы украшали черные лилии, ремешок был унизан жемчужинами темно-красного и черного оттенков. Маркиза протянула их Сентябрь, но девочка не спешила принимать столь нужный подарок. Какой бы юной не выглядела Маркиза, какой бы крохотной и не способной причинить боль, — она всё равно была коварной Королевой. А принимать подарки от них — это очень опасное дело.

Так что, несмотря на ноющую и саднящую боль в ногах, Сентябрь, отказываясь, покачала головой.

— Я всего лишь хочу помочь тебе, деточка, — сказала Маркиза.

Она аккуратно поставила туфельки на пол и снова пробежалась пальцами по спине пантеры, взъерошивая мех. На этот раз она вытащила серебряный поднос, с горкой уставленный еще влажной черешней, большим клинышком черного торта с марципановой крошкой, крупными, круглобокими ягодами клубники и малины, несколькими плитками черного шоколада и высоким бокалом еще горячего, дымящегося сидра.

— Ты ведь наверняка проголодалась. Столько дней в пути!

Сентябрь болезненно сглотнула слюну. В горле совсем пересохло, и в желудке было пусто, — но угощение было явно Едой Фей. Стоило ей съесть хоть кусочек, и она ни за что не вернулась бы назад.

— А это Королева Мэллоу? — попыталась она сменить тему разговора, кивнув в сторону портрета.

Маркиза посмотрела вверх на грандиозное полотнище и ухмыльнулась. Ее кудри встрепенулись и приобрели синий цвет, какой бывает у моря. Она вздохнула, щелкнула пальцами, — и поднос с яствами исчез.

— Ты наверное думаешь, что новому руководству следует начинать со смены убранства. Но существует магия, которая не выводится и не выдергивается, хоть ты зубами ее грызи. И я

грызла, — но портрету ничего не делается. А ведь она не такая уж красивая была. Художник наверняка польстил ей. — Маркиза отвернулась от портрета и, улыбнувшись, посмотрела на Сентябрь, — Теперь же она мертва. В этом я тебя уверяю, дитя моё. Мертва, как осень. Как прошлогодний яблочный джем. Что ворошить теперь дела минувших дней, Сентябрь. Как тебе ныне Королевство Фей?

— Откуда Вы знаете, как меня зовут?

— Ты же заполняла бумаги, откуда же еще. Тебе выдали визу. Разве не ясно, что всё это делалось и делается для того, чтобы я знала *всё*. — Повисла недолгая пауза, но потом Маркиза опять заговорила. — Что ж, надеюсь, тебя везде встречали дружелюбно. И гостеприимно, насколько это свойственно природе тех, кто встречал тебя. Мне это очень важно, чтобы с тобой обходились подобающе, Сентябрь.

— Да, в общем жаловаться не на что. Ну разве что на голошатаев. А так все были чрезвычайно милы и даже помогали. Даже странно, потому что я слышала, что Феи обычно жестоки и коварны.

— Серьезно? — с удивлением в голосе произнесла Маркиза. — Но ведь это правда, Сентябрь! Они самый противный народец. Ты даже не поверишь, насколько! Они милы лишь потому, что я заставляю их быть милыми. Потому что иначе они будут наказаны. Потому что иначе они окажутся в Опаловом Списке. Раньше, до моего появления, Королевство была опаснейшим местом: домовые опрокидывали ведра с только что надоенным молоком, великаны ходили, где им вздумается, даже не глядя под ноги, а тролли загадывали свои ужасные загадки и сыпали непонятными каламбурами. Но я, Сентябрь, всё это обустроила. Способна ты хотя бы представить, насколько тяжело привить бюрократию народу, который даже не знает, что такое «гроссбух»? Или привить повиновение, пусть даже заковывая крылья? Но я справилась. И всё только ради таких как ты детишек, — чтобы они могли спокойно и безопасно путешествовать здесь и находить приключения, не рискуя попасться в лапы тому, кто отберет у них душу. Я надеюсь, что ты не тешишь себя мыслью, что тебе удалось избежать всего этого ввиду своего исключительного обаяния, дитя мое?

— Почему Вы все время называете меня «дитя»? Вы не намного старше меня!

— Сентябрь, дорогая, с такой посредственной наблюдательностью тебе придется здесь очень туго. Впрочем, твое поведение меня совсем не удивляет. Оно типичное для всех выходцев со Среднего Запада. Зачем вас только учат так грубо

смотреть на мир? — Маркиза замолчала. Кончики ее волос засверкали серебристым светом. — Скажи, тебе нравится моя Пантера? Его зовут Яго. Я его очень люблю, и он меня тоже любит. Раньше у меня был Леопард, но она сбежала. Видимо, не смогла ужиться с переменами. — Маркиза кивнула в сторону портрета Королевы Мэллоу с верным Леопардом. — Это, пожалуй, самое трагическое, что выпадает переживать, ты согласна? Поэтому я высоко ценю тех, кому удается адаптироваться.

Яго Пантера легонько зарычал, когда разговор коснулся его предшественницы.

«Неужели она имеет в виду моего Леопарда? — подумала Сентябрь. — Леопарда Легких Дуновений?» — хотя от мысли, что Маркиза также ездила верхом на нем, ей было неприятно.

— Ну, кошки животные темпераментные, — пробормотала Сентябрь. — Я слышала, у Вас и львы тоже есть.

— Есть, есть! — воскликнула Маркиза. Её волосы до корней стали серебристыми и напоминали настоящий металлический шлем. — Но только они спят всё время. Потому что из своих снов они черпают силу и мощь. Я дала им кружевные покрывала и заперла в их вотчине. А у тебя, у меня есть основания полагать, есть намерение выкрасть у меня Ложку.

Сентябрь в растерянности прикусила губу. Своё приключение она представляла по-другому. Рассекреченная, даже толком не приступив к делу, она совсем растеряла всю храбрость, в которой присягала ведьме До Скорого.

— Тебе нечего стыдиться, милая. Как бы мне удавалось тогда быть очень хорошей Маркизой, если бы я не могла распознать в маленьких Зачарованных детях их мелочных намерений и покушений на меня и мою собственность? В конце концов, если ты Зачарованный- это уже проблема. Всякий, кто управляет Королевством, должен в оба глаза следить за таким ребенком. Уж больно часто они свергают монархов и пускают на ветер десятки лет кропотливой работы.

— Но… Мисс Маркиза. Ложка ведь не Ваша собственность. Вы отобрали ее у ведьмы До Скорого. Считай, украли. Так что с моей стороны, это нисколько ни мелочно, — выкрасть ее снова. Такие намерения вообще нельзя называть воровством.

— Вот, значит, что она тебе рассказала. — Улыбаясь, произнесла Маркиза. Смотря сверху вниз, она чуть наклонила голову в сторону, и надо сказать, что улыбка её выглядела гораздо пугающе, нежели ее нахмурившиеся брови. — Что я ее украла. Это же надо, какое чудовищное недопонимание! Надо будет в самом ближайшем времени пригласить ее к чаю принять

ее извинения. Тебе тоже следует разделять мою позицию, Сентябрь. Я нисколечки не сомневаюсь, что всё имеющееся в моем королевстве принадлежит мне, в то время как До Скорого еще надеется, что Милостивая Королева Мэллоу в любой момент может прийти к ней на помощь. Видишь, как это спутано и усложнено, — но всегда можно распутать и упростить!

— Но… — прокашлявшись, заговорила Сентябрь не без волнения. — Там, откуда я пришла, твою личную Ложку не имеет права отбирать никто, даже губернатор.

— Нельзя быть такой наивной, Сентябрь. — Указательным пальцем взявшись за свой утонченный подбородок, Маркиза, видимо, обдумывала неожиданную, но очень хорошую идею — Скажи мне, чем занимается твой отец?

— Ну, он был учителем. — ответила она, краснея, — А теперь он солдат.

— Яго, ты слышал! Она говорит, что губернатор пришел и забрал ее отца, несмотря на то, что она считала, что он её и только её. Конечно, это совсем другое дело. Разве можно сравнивать ценность отца и ценность Ложки!? Зато теперь мне понятно, почему ты предпочитаешь свой логичный разумный мир.

— Но по крайней мере, никто в процессе не был убит!

— Естественно, Сентябрь. Они прежде дожидаются, когда такие маленькие девочки, как ты, уйдут по своим делам. Война всегда вершится, когда никто не видит. Иначе люди, увидев, ужаснулись и прекратили бы немедленно. — В подтверждение слов, волосы Маркизы окрасились в густой кровавый цвет.

— Но зачем ты убила братьев До Скорого и Привет! — проглатывая навернувшиеся слезы, вскрикнула Сентябрь.

— Была причина, дитя мое. Они были не милы. Они бросили мне вызов. Но я не хочу о них сейчас говорить; я вообще считаю бессмысленным говорить о ком-то, кто мертв, кто бесполезен и не пригоден. Так что, лучше не отвлекайся, и давай продолжим разговор о твоих родителях. — как-то неожиданно из ее голоса исчезли праздные интонации. Теперь он стал холоден и выражал неподдельный интерес. — Поговорим о твоей маме, Сентябрь. Чем она занимается?

— Она …копается в двигателях. — Упоминать аэропланы Сентябрь не хотелось. Мысль о том, что Маркиза может собрать флотилию бомбардировщиков не давала ей сосредоточиться.

Внезапно Маркиза вскочила и быстро сбежала вниз по лестнице. Платье черничного цвета, фиалковые колготки, черная кружевная нижняя юбка, — развеваясь, прилипая, наслаиваясь и как будто рассыпаясь на лоскутки, — совмещали фигуру маленькой девочки с приближающимся торнадо. Она подбежала к

Сентябрь, встала практически нос к носу; в ее голубых глазах, находившихся на одной высоте с девочкиными, читался неподдельный интерес. Следом за хозяйкой, не спешно по лестнице спустилась Пантера.

— Слушай, что если я скажу тебе, что отдам Ложку сама. Никакого воровства не будет, и мы сможем построить совсем другие отношения. Что ты будешь с ней делать мне не важно: отнесешь ли До Скорого, или будешь мешать свои собственные супы. — Ее губы двигались так близко от Сентябрь, что это напоминало поцелуй. А пахла она, как красивые сушеные цветы. — Сентябрь, я могу быть милой. Это справедливо вести себя так же, как и я сама хочу, чтоб вели себя мои подчиненные. Я могу помогать тебе, баловать тебя, дарить приятные подарки. Я могу быть надежным советчиком.

«Вот точно так же До Скорого убеждала меня стать ведьмой, — думала Сентябрь. — Но Маркиза не ведьма. И показухи в ней почти нет. Она действительно очень сильна и действительно очень близко».

— Но разумеется не просто так. — прошептала Сентябрь. — Просто так никогда не бывает.

— Не просто так, — Маркиза покачивалась вперед-назад, словно заклинательница змей, — Но эта вещица такая маленькая, и достается она во время такого веселого приключения, что я не сомневаюсь, ты не будешь долго раздумывать. Ты же ведь хочешь развлечься? Удивительных приключений? Ты же за этим пришла в моё Королевство, не так ли?

— Да..

— Ну конечно. Какой смысл править Королевством Фей, если детям приходится скучать здесь? Слушай, Сентябрь. Далеко от Пандемониума есть место, где царит вечная осень. Там никогда не переводится сидр и тыквенные кексы, там листья только оранжево-бурые, а свежесрубленные деревья сразу же разгораются. И там всё время Хэллоуин. Тебе нравится, Сентябрь?

— Да…

— И в этом самом месте находится вещица, которая мне очень нужна. Она спрятана в самом сердце Пряденного Леса в небольшом стеклянном ларце.

— Но Зеленый Ветер говорил, что ходить в Пряденный Лес запрещено…

— Ну, правительство может позволить себе некоторые привилегии.

— Он говорил, что там опасно…

— Пуфф! Ему-то откуда знать! Королевство закрыто для него. И будет всегда, что бы он тебе не рассказывал. Пряденный Лес —

всего лишь лес. Не больше опасный и не меньше, чем любой другой лес. Если там бродят чудовища, то мы обязаны признавать их право жить и прокармливать себя. Если он заколдован, то мы должны полагаться на благоразумие колдуний, наложивших чары. От тебя всего лищь требуется добраться туда и весело провести время с черешидами: кушать конфеты, скакать по кучам сухих листьев и танцевать в лунном свете. Когда же ты соберешься в обратный путь, — когда твой живот распухнет от угощений, и в волосах запутаются первые пересвисты метелиц, — то просто сходишь к ларцу, откроешь его, заберешь то, что окажется внутри, и принесешь это мне. Запомни, ты должна принести мне это, как бы нелепо или бесполезно или миниатюрно это не выглядело. Задача не такая уж тяжелая, не так ли? Зато в обмен получишь Ложку, предсказывающую будущее.

— А… что в этом ларце?

— Не забивай себе этим голову, милое дитя.

Сентябрь осторожно прикусила щеку. Она раздумывала, сопоставляя слова Маркизы и Зеленого Ветра. Сравнивая их запахи; она вспоминала приятный мятно-лягушачий зеленый аромат и вой ветра среди облаков Заставы Запада, — и дурманящий запах Маркизы отступал. Но отступал недалеко, — ведь она стояла так близко к ней.

— Но почему Вы сами не можете взять это? У Вас же столько полномочий…

Маркиза округлила свои сияющие голубые глаза.

— Да будет тебе известно, ларец этот довольно капризный. Так что, отправься к нему я… Скажем так, он дал бы мне совсем не то, что мог бы дать тебе. Потому что еще невинна мила и нежна душою.

— Вовсе нет… Я раздражительная и брюзгливая.

— Кто же тебе такое сказал? — нежно погладив Сентябрь по щеке, прошептала Маркиза. Ее рука была горячая, словно огонь, и Сентябрь невольно отшатнулась. — Это так бестактно с их стороны. Я никогда прежде не встречала такой прелестной девочки.

— Но я не смогу. Мне нужно знать, за чем Вы меня посылаете. Вас все боятся, а поскольку обычно боятся людей жестоких, то я смею предположить, что Вы, Мисс Маркиза, жестокая. Но, пожалуйста, не наказывайте меня за эти слова. Вы ведь сами знаете, что вы жестокая. Я даже думаю, что Вам это по душе. Так что называть Вас жестокой всё равно что называть кого-нибудь другого милым. Но главное, я не хочу быть на побегушках у жестокого человека.

— Сентябрь, с тобой я никогда не буду жестокой. Я словно

себя в тебе вижу.

— Не понимаю, почему Вы так говорите. Вы — Маркиза, а я — пустое место, и меня никто не думает бояться. — Сентябрь произнесла это, не задумываясь, сколько храбрости было в этих словах. — В общем, я не смогу.

Пытаясь стряхнуть с себя морок, Сентябрь несколько раз моргнула и крепко сжала в кармане стеклянный шарик, который подарил ей Зеленый Ветер.

— Но Вы ведь можете сказать мне правду. — не утратив твердости, сказала Сентябрь, — И еще я прошу Ложку прямо сейчас, а не когда я вернусь.

Маркиза вдохновенно посмотрела на Сентябрь. Её кроваво-красные волосы медленно начали светлеть и вскоре стали нежно розового конфетного цвета.

— Какая же ты сильная, дитя мое. Сколько же ты за свои годы съела шпината и брюссельской капусты и сколько молока выпила, даже боюсь представить. Но, что ж, давай подумаем. За чем бы достойный монарх отправил тебя в поход? Конечно, знаю! В стеклянном ларце лежит волшебный меч. Настолько могущественный, что ни одно имя не способно передать этого. Куда с ним тягаться безвкусным образцам типа Эскалибура или Дюрендала. Имя вообще делает вещь уязвимой, тем более меч. Но и ларец не менее древний, и в нем заключена мудрость древнейших. Я думаю, взглянув на меня, открывшую ее замки, он сложил бы не то мнение и не отдал бы мне истинного меча.

— Но ведь таким мечом тоже можно убивать братьев ведьм.

— Сентябрь! Перед лицом Яго и Королевы Мэллоу и в присутствии твоей единственной туфельки я клянусь тебе, что этим мечом не погублю не единой души. Предполагаю, что приятного в использовании меча тоже будет мало, — но без этого не возможно управляться с коварным хитрым народом. Такой меч заслуживает гораздо большего, чем банальные ежедневные убийства. И я уже знаю, как использую его.

Сентябрь хотела подробностей. Ее просто распирало от вопросов.

— Но, крошка моя, даже не надейся, что я расскажу тебе. Ты еще мала, чтобы понять. И к тому же безудержным языком можно разрушить гораздо больше очаровательных миров. Ведь ты еще восхищаешься моим Королевством, и разве ты поверишь мне, если я скажу, в каком запустении пребывают здесь дела. Но я могу заверить тебя, что отыщу источник этих бед, а с помощью меча, который ты мне принесешь, я уничтожу его. Так ты согласна добыть его для меня? Согласно ли ты забрать ведьмину Ложку и отправиться в Провинции Осени во имя меня?

Образы несчастных ведьм, беспомощно глядящих в свой котел, всплыли перед глазами Сентябрь. И милый, галантный тенеобр тоже. И её Вивертека со скованными, одряхлевшими крылышками.

— Нет, — пискнула она. Сразу же к темечку прилила кровь и девочка почувствовала легкое головокружение. — Во имя Вас я ничего делать не стану.

Маркиза вздрогнула. Она присела перед Пантерой, потрепала его за уши и затем поцеловала.

— Что ж, тогда твоего недомерка дракона я пущу на клей и дезодорант.

— Не надо!

Яго тихо зарычал. Маркиза схватила Сентябрь за руку и с хрустом сжала в ладони ее пальцы.

— Я так думаю, что еще одно «нет» и мое терпение лопнет, юная леди, — прошипела она. — Ты хоть представляешь, с кем ты разговариваешь?! Я что по-твоему, деревенская ведьма? Мне не нужно от тебя одолжений. И в снисхождении избалованных сопляков я тоже не нуждаюсь. Я предлагаю сделки лишь в редких случаях. И в твоем случае, это была бы достойная, честная сделка! Но если ты не хочешь играть по правилам, о и от меня того же не жди. Яго, ступай, приволоки сюда виверна.

— Нет, пожалуйста! Я пойду! Пойду! Только обещайте, что Вы им не станете никого мучить.

Волосы Маркизы прямо запылали от удовольствия, став тыквенно-оранжевыми, одним из любимых оттенков Сентябрь. Не ослабляя хватки, она поднесла руку девочки к губам и поцеловала ее.

— Я знала, что мы станем друзьями, — нараспев произнесла она, — А теперь, раз уж ты перестала упрямиться, давай снимем с тебя эту истрепавшуюся туфельку.

Не задумываясь, оцепеневшая Сентябрь позволила Маркизе стащить с себя единственную преданную и выносливую Мэри Джейн и надеть вместо неё пару черных лилейных туфель. Которые естественно подошли ей. По другому и быть не могло.

Поглаживая девочкину руку, Маркиза проводила Сентябрь до двери Бриария. С неприятной четкостью она вдруг осознала, что совсем не видела дома, и не сталкивалась с силой Маркизы, и знала не больше, чем раньше, до прихода сюда. Ею словно манипулировали, при чем довольно легко.

— Всё-таки, — прошептала она, вспомнив свое маленькое требование, — Ложку Вы отдадите мне сейчас.

— Разумеется. Когда меня слушаются, я не остаюсь в долгу. — Маркиза снова взъерошила мех на спине Яго. Пантера

выгнулась дугой, отчего рука полностью исчезла из виду, — но в следующее мгновение появилась снова, сжимая длинную деревянную ложку. Она была довольно грязная, а рукоятка была обернута кожей. Сентябрь взяла ее и заткнула за пояс зеленого смокинга.

Маркиза приподнялась на мысочках и поцеловала Сентябрь в лоб. Губы у нее были холодные. А волосы теперь были практически темного малахитового оттенка.

— Яго покажет тебе дорогу отсюда. Когда мы встретимся еще раз, я смею надеяться, наши отношения окажутся гораздо глубже и ярче.

Яго трепетно ухватил зубами болевшую руку Сентябрь и повел ее к цветочной двери.

— Легкого пути, Сентябрь, — крикнула Маркиза звонко. Она снова улыбнулась. Прямо позади нее, два лестничных пролета складывались в форму сердца. Сентябрь подумала, что никогда прежде не видела такой прелестной и открытой улыбки у ребенка. — Я буду ждать тебя семь ночей. Но если ты не принесешь мне меч за это время, я отберу у тебя Ложку обратно. А заодно и голову.

ГЛАВА 9
Что произошло с Субботой

в которой Сентябрь учиняет буйственный разгром клетки для лобстеров и встречает нового друга, а Вивертека приносит жертву.

Не выпуская руку из челюстей Яго, Сентябрь вышла из Бриария. Она была смятена, ошеломлена и даже тряслась. Едва слышно за спиной зашелестела лепестками цветочная арка. Отадолэ нигде не было видно. Конечно, он ушел, — не стал дожидаться её. Он давно понял, что она малодушная, трусливая; что она так или иначе поддастся на хитрость Маркизы, — стоит лишь той заговорить ласково и вкрадчиво. Девочка проклинала себя за то, что была не достаточно смелой и очень глупой. Зачем же еще дети попадают в Королевство фей, как не расстраивать планы коварных правителей? А Дол догадывался, что ей это не по зубам.

Сентябрь вырвала руку из кошачьей пасти и уселась в траву, словно подкошенная, едва сдерживая набухшие слезы.

— Взгляните-ка на неё! — вздохнул Яго. — Перестань жалеть себя. Ты же только время зря теряешь.

— Надо было отказаться. Девочка посмелее на моем месте сказала бы «нет!». Надо было оставаться взбалмошной.

— Скоро ты поймешь, что темперамент — штука очень изменчивая, и зависит от времени суток, погоды, продолжительности и частоты сна, а также от достаточности количества еды. Деточка, Маркиза просто добилась своего. Не стоит стыдиться того, что не можешь сопротивляться ей. — Пантера чихнул, и черной лапой потер себя по носу, — да и усматривать капельку удовольствия в том, что отказываешь ей.

— Э-ге-гей! Сентябрь! — донесся раскатистый знакомый голос.

Девочка моментально сорвалась с места и побежала в ту сторону, откуда он раздавался. Ей пришлось обежать кругом Бриарий. Яго не отставал. На берегу рва она увидела Вивертеку: он стоял, вытянувшись во весь рост, и, виляя хвостом, словно собака, нашедшая тайник с косточками, выглядел как огромный рейсфедер. Перед ним высился забор, выглядевший как кимоно, растянутое на шелковых столбах. И который, естественно, не

устоял под взмахом его лапы. Отадолэ склонился, чтоб рассмотреть клетку.

Это была деревянная, обветшалая клетка, — такой ловят лобстеоов, сразу догадалась Сентябрь. Она видела однажды такую, когда гостила у тети Маргарет и они ездили к океану. За забором таких клеток было много, — они были разбросаны кое-как, некоторые были поломаны или расколоты. Кроме одной все были пусты. Мальчишка, — скрючившийся, впервший взгляд в землю и дрожавший, — находился в ней. Его ультрамариновая кожа была покрыта узором из черных спиралей, похожих на вспенившиеся волны, а жирные волосы были связаны в пучок на самой макушке. Он поднял вытянутое, худое лицо и посмотрел на девочку полными слез большими черными глазами.

— Не освобождай меня, — прошептал он, — я знаю, ты захочешь. Любая добрая душа захотела бы. Но таких она не прощает.

Ах, Сентябрь. Сплошь одинокие, потерявшиеся существа встречаются тебе. Как было бы легче, если бы ты единственная была здесь такой. Но пропащих детей всегда притягивает к таким же, — в темноте, в холоде. Они находят друг друга. Думаешь я не желала для тебя храбрых и решительных друзей, которые защищали бы, резвились и играли вместе с тобой; думаешь я не хотела слышать, как вы поете песенки, которые не заканчиваются трагически. Ах, если бы ты только оставалась Бессердечной: не пыталась ломать клетки и держалась бы подальше от обделенных любовью вивернов. Но ты ведь такая упрямая, и никогда не слушаешься старших!

— Но ведь ты же в ней совсем затравленный, — воскликнула Сентябрь, опускаясь на колени перед клеткой.

— Совсем, — пробормотал ультрамариновый мальчик, — Но ты всё равно не должна выпускать меня. Я принадлежу ей.

— Мальчишка не врет, — предостерегающе буркнул Яго, — Хотя будь я на твоем месте, то не посмел бы даже заикнуться об этом. Впрочем, если бы я был на твоем месте, то не смог бы быть на своем, То есть не смог бы быть собой, а значит не смог бы дать тебе совет. А если я бы не давал тебе совет, значит ты бы поступила на свое усмотрение. Так что, откуда не взгляни, — поступай так, как считаешь нужным.

— Вообще-то, — медленно начала Сентябрь, пытаясь хоть как-нибудь подретушировать свое безволие во дворце Бриария, хоть из-за чего-нибудь бросить вызов Маркизе, — эта Ложка еще несколько минут назад тоже была ее собственностью.

— Я не то же самое. Я — Марид.

Слова привели девочку в растерянность. Мальчик тяжело

вздохнул, опустив татуированные плечи, — словно всегда знал, что мир напрочь лишен понимания и очарования.

— Кто такие джинны тебе хоть известно? — спросил Яго резко, словно невежество девушки оскорбляло его лично.

— Они живут в бутылках. — Сказал Вивертека, когда Сентябрь смущенно покачала головой. Он был рад оказать помощь, поскольку «джинн» начинался с «д» — Еще они исполняют желания. Могут правда, и болезнь какую-нибудь наслать. Но в основном, исполняют желания.

— Ну недалеко от истины…

— Очень далеко. — перебил мальчик. — Я — Марид. Джинны рождаются в воздухе. И живут в воздухе. Питаются облако-булками и тайфун-щербетом и пьют грозо-пиво. И умирают в воздухе. А Мариды живут в море. Они рождаются в нем, умирают в нем; и внутри них всегда клокочет море. И во мне тоже, — всегда шторм и прилив. Мы действительно исполняем желания. Поэтому Маркиза и любит нас, — мы вынуждены иногда доделывать то, с чем не справляется магия самой Маркизы. А ведь она древняя, величественная и свирепая, — и благодаря ей она может раздробить свою волю на конкретные желания.

— Но почему же ты не пожелаешь себе выбраться из этой клетки? — резонно спросила Сентябрь.

— Это бессмысленно. Я могу исполнить желание только оказавшись на лопатках в поединке, — изможденный до полусмерти. Таковы законы, — и они непреложны. Когда ей нужен один из нас, она подманивает к себе. А потом дает деревянный меч. По крайней мере, она уважает спорт.

— Какой кошмар, — взволнованно произнесла Сентябрь.

— Она посылает туда, где мы живем, на крайний север своего черного кота. Вот он пришел, сцапал мою маму и не давал ей шевельнуться, — а рыбаки тем временем поймали меня и запихнули в клетку. Я был маленький, слабым, не умел бороться — и ничем не помог. Даже кортик из замороженной соли, который я бросил в кота, рассыпался на маленькие кусочки, когда он схватил его зубами. Я владел им с рождения, а теперь он пропал. И моя мама. И мои сестры. И мое прекрасное одинокое море, — я теперь не только не увижу его, но даже и не услышу его дыхания, потому что оно очень, очень далеко отсюда.

Яго, выслушивая плач Марида, вылизывал свою лапу и мягко косился на Сентябрь. По его взгляду можно было догадаться, что он ждет, когда девочка примется обвинять его в безнравственности.

— Но я слышала, что с Рабаб всё в порядке! — неожиданно сказала Сентябрь. — Ее в кинохронике показывали! И там она

такая молодая! Только-только вышла замуж!

— Мариды, — ответил мальчик, с трудом подбирая слова, — они не как все. Наши жизни столь же глубоки, как и море. Они протекают во всех направлениях, и все случается разом, единовременно, — от дна к поверхности. Моя мама знала, что наступило время выходить замуж, — потому что ее дети стали появляться на лунных дорожках и болтаться по ним туда-сюда. Марид может встретить своего сына, которому будет двадцать четыре, даже в возрасте одиннадцати лет. И следующие годы искать в морских глубинах своего суженого, — копией которого станет сын. Этот муж по настоящему сужден ей, — уже и всегда. Моя мама узнала Гияза по моим глазам.

— Как это всё запутанно.

— Просто ты не Марид. Я узнал Рабаб, как только впервые увидел: у нее был такой же нос и черные волосы такого же оттенка, как и мои. Она бродила по берегу, а по пятам за ней, как собачка, следовало облако тумана. Я подарил ей цветок, дюнную ромашку, — и мы долго смотрели друг на друга. «Стало быть, время пришло?» — спросила она. «Теперь будем играть в прятки» — ответил я и убежал. Конечно, она всё еще должна завести меня. Это как течение: мы не можем не идти туда, куда мы должны прийти. Нас таких много, как брызг в море, — ведь все мы с начала времен вместе взрослеем и при этом все уже повзрослевшие. Правда, все мы обособленны, одиноки, — чтобы не конфузить ситуацию в нашем обществе. И здесь, в плену Маркизы, я в одно мгновение умираю на ринге, а в следующее — живой и невредимый. Мы — её пряники, и их разжёвывание. Мне кажется, я уже не вырасту, потому вся мои взрослые годы уже зарезаны.

— Я правильно поняла, что раз ты не вырастешь, то у тебя не будет детей или суженой?

— Не совсем. Я стану чьим-то суженым в нынешнем возрасте. Мне надо лишь подождать.

— Несчастный, до чего же странна твоя жизнь! Как тебя зовут?

— Суббота, — ответил мальчик. — Для тебя страннее наверно и не придумаешь, да?

— Ну, не то что бы… Меня зовут Сентябрь. И я тебе скажу, Суббота, что я тебя здесь не оставлю. Особенно после того, что случилось.

Конечно, у Сентябрь была еще возможность оставить всё таким, какое есть. Да только всё сильнее она обвиняла себя за то, что нанялась служить Маркизе. Всё больше слов она отыскивала (пытаясь не глядеть на язвы, натертые цепью на коже Вивертеки),

чтобы объявить ему о предстоящем походе за мечом для тирана. Всё масштабнее ей хотелось устроить погром напоследок. Она отошла на шаг от клетки, вытащила из-за пояса Ложку и со всего размаху (так, что чуть не задела коленку Дола, стоявшего позади) обрушила ее на замок клетки. Замок разлетелся в клочья, весьма эффектно — и утоляюще. Суббота, словно барсук от таксы, отполз в дальний угол. Сентябрь протянула руку, однако ультрамариновый мальчик не спешил ее взять.

— Мы будем драться, если я откажусь? — испуганно прошептал он.

— Ну…Ну… — Сентябрь еле сдерживалась, чтоб не разреветься. — Почему ты думаешь, что все в этом мире одинаковые? Я хочу сказать, что я не такая, как все.

Еще немного помешкав, мальчик ухватился за руку. Сентябрь показалась она чересчур тяжелой, несоразмерно тяжелой, как будто каменной.

Его темные большие глаза просто поразили Сентябрь: она словно смотрела внутрь самого темного моря и видела на дне невероятных рыбок. Мальчик смотрел на неё молча и немного дрожа.

— Ну, теперь ты себе нравишься, надо понимать? — громко мяукнул Яго. — Ты теперь рыцарь, да?

— Суббота, — Нежно обнимая мальчика за плечи и не обращая внимания на комментарий Пантеры, произнесла Сентябрь. — Вот скажи, получится ли у нас смыться отсюда, куда я пожелаю? Где был бы камин и еда для всех нас и вообще тихое местечко…

— Я же говорил уже…

— Ну мы ведь можем притвориться, что боремся. Ты можешь понарошку сдаться. Разве так не выйдет?

Суббота выпрямился и расправил плечи. Он был не на много, но всё же выше Сентябрь. Повторяющийся татуированный узор закручивался в водоворот на его костлявой груди. Штаны из тюленьей кожи были протерты и разодраны на коленках.

— Я не могу обманывать. Не могу притворяться. Я сильный, даже в таком виде. Меня нужно заставить. Я — как море. Я не могу измениться. Но мной можно управлять. — Его плечи тяжело опустились. — Конечно мне хотелось бы быть ласковым и спокойным. И не слышать ничьих желаний. Вообще.

— Ой, прости. Я не хотела тебя обидеть.

— Ты меня не обидела. Наоборот, мне тебя очень жаль, потому что тебя накажут за то, что выпустила меня на волю. Вероятнее всего тебя скормят коту. Или меня. Или нас обоих. Кот вечно голодный.

— Но Дола то он не съест. Дол его на кусочки разорвет, если конечно попытается. И еще он его может зажарить. Так что идём с нами, Суббота. Давай покинем Пандемониум. Ведь есть леса и места, куда она не захочет сама идти. Я хоть и невысокая, зато у меня есть Ложка и скипетр. И если я смогу — я защищу тебя.

Яго наблюдал за ними с отчасти скучающим видом.

— А я думал вы останетесь пообедать, — промурчал он. — Я бы у тебя в ногах устроился и голову на коленки положил бы.

— Это мило с твоей стороны, — сказала Сентябрь без тени сомнений, — Но мне это ни к чему.

— Ты крадешь у нее Марида, — сказал кот безразлично, — Может, еще и пушку захватишь? Она в-общем того же принципа действия: глупая, опасная, но очень полезная.

— Он не её собственность!

— Её, определённо её. — усмехнулся Яго. А затем облизнулся. — Но я не скажу. Нет, Яго не скажет.

— Почему вдруг? Она же твоя госпожа!

— Потому что я кот. Пантера Свирепых Штормов. Крупный, но всё равно — кот. Если где-то есть блюдечко молока, которое можно пролить, то я скорее подойду и болтну его, чем позволю ему стоять непролитым. Если моя госпожа по рассеянности оставит на полу клубок пряжи, то я схвачу его лапами и растреплю. Потому что это весело. Потому что у котов это получается лучше всего. — Он попытался улыбнуться, но клыки, конечно, разрушили иллюзию, — Если бы я был разумен, то наверное мог бы даже помочь. Вот по большому счету, в данной ситуации более эффективным…более современным…было бы отправиться куда — вам-надо по воздуху, нежели топать по дороге. Я как никак Лейтенант, а у этого есть свои маленькие прелести. Совсем маленькие, и не всегда. Я бы мог даровать освобождение от обета твоему виверну, мог бы цепи его снять. Естественно, на какое-то время. Думаю, она бы одобрила.

Отадолэ от неожиданности плюхнулся на землю, подняв большое облако пыли.

— Я смогу летать? По-настоящему? Как в детстве?

— Да, как в детстве. Как во времена, когда ты был крохотной ящеркой, и ничто в мире тебя не заботило, и ты лишь высасывал вороньи яйца и облизывал свои огромные глазищи. И жизнь сейчас сможет быть такой же, как в том далеком Раю твоего бесчешуйчатого детства. Не сомневаюсь, это будет просто чудесно. Ну, так мне расковать тебя?

Дол оглядел свои цепи. Он приподнял их когтем, с трепетом ощущая крохотное пространство, в котором могли двигаться крылья, — и отпустил. Они с громыханием обрушились на

чешуйки кожи. Несколько раз он пытался что-то сказать, но слова не шли. Всего один раз, — только один и то, мельком, — он позволил себе взглянуть на небо. И в конце концов просто покачал головой.

— Нет. — расстроено сказал он. — До тех пор, пока моя сестра Мэтиресэ не получит права летать. И брат Стэдоя тоже. И мама моя перестанет скитаться, используя ноги. О, Маркиза величественна, даже не сомневаюсь! Появись она сейчас здесь, я бы припал к её ногам. Но я не могу принять от нее благодати. Сделка слишком однобокая: мне одному будет весело, а всем остальным нет. А я что, особенный? Вот если бы она сейчас появилась бы, то я бы попросил, чтобы своим великодушием она осчастливила кого-нибудь другого, кто желает летать не меньше моего. Но я останусь ходить. Я пойду к моему дедушке, Муниципальной Библиотеке, и он похвалит мои самоотверженность. Да что там, я всю жизнь провожу на ногах! Не развалюсь и дальше.

У Сентябрь выступили слёзы на глазах. «Ну почему я просто не отказалась?» — думала она уныло. Но тот же голос тут же ответил ей: «Я спасла его. И теперь он может также говорить «нет», если так будет желать его сердце. Я поступила правильно. Несомненно».

Яго перетаптывался на месте.

— Ну как хотите. Раз уж замок останется, то хоть коготки мои останутся целы. — Внезапно он прищурил свои миндалевидные глаза и уставился на Субботу. Потом подкрался к нему, обнюхал его плечи и голову, и в довершении довольно безэмоционально лизнул его лицо, — Не пропадай, черничный мальчонка. Сентябрь, если ты еще встретишься с моей сестрою, лизни ее от меня в щечку.

Хвост трубой, Яго пошел обратно. Дол, Сентябрь и Суббота, которого девочка поддерживала за плечи, как могли быстро пошагали прочь от Бриария. Никто ни разу не взглянул назад. Им казалось, что они не сделали ничего предосудительного, и что отныне они связаны воедино.

Когда далеко позади остались кусты шиповника и журчащий ров с золотыми цветами, Вивертека наконец спросил:

— Сентябрь, а откуда у тебя такие туфельки?

ГЛАВА 10
Величайшая миграция лисапедов

в которой Сентябрь, Вивертека и Суббота покидают Пандемониум и продвигаются вглубь Волшебной Страны на нескольких громадных велосипедах

— Значит так. — Широко раздувая алые ноздри, выпалил Отадолэ. — Терять времени нельзя. Провинции Осени находятся очень далеко, поверьте мне.

В затененной части аллеи Сентябрь остановилась. Впереди на перекрестке сверкал латунными пальцами Тумблер. Справа от нее высилась шерстяная стена пекарни, такая же квадратная и слегка коричневая, как и поджаренный тост; слева блистал металлическими нитями банк, воздвигнутый из золотистого ламе.

— Дол, нежели тебе не противно идти со мной? — воскликнула девочка с нотой отчаяния, — Неужели ты не хочешь сказать мне, какая же я противная?

Вивертека наморщил физиономию. Обсуждать это ему явно не хотелось.

— Помнишь, где я нашел тебя? Ну, у моря? Так вот, Провинции Осени находятся тоже у моря, но только на другом конце Королевства. Я бы мог, вероятно, одолеть это расстояние за приемлемое время, — если бы бежал круглые сутки, останавливаясь лишь чтобы попить водички или часик-другой вздремнуть. Но ты не осилишь такого. Тебе либо сбросит с моей спины, либо, если будешь держаться крепко, переломаешь себе все кости.

— Дол! Я служу Маркизе! Я даже не секунды этому не сопротивлялась! Я выступила против злодея (не сомневаюсь нисколечки, что она злодейка) — и не проявила положенной храбрости!

— Никто от тебя и не ждал такого, — сказал Дол, нежно прильнув к девочке своей огромной головой и аккуратно пытаясь сдвинуть ее с места, — Она же Королева, а Королевам необходимо повиноваться. Даже самые смелые теряются перед ней и выполняют то, что она им поручает. Я тоже также оплакивал свою участь, когда явились львы и заковали меня в цепи. Ну а ты, в отличии от меня, хотя бы встретила свою долю,

стоя на своих крошечных ногах и не согнув спины. Ты один раз даже сказала «нет» — чего я вообще ни разу не сделал. А согласилась почему? Ради меня! Глупой недо-фолиантовой ящерицы! Чего стоит моя дружба, если бы я обругал тебя за то что спасла мне жизнь? — Тут из его горла вырвался какой-то странный дикий, но недолгий клекот. — Если бы я был слабым и несчастным, любые оскорбления были бы невыносимым грузом для меня. Но если только это заставит тебя поверить в нашу дружбу, то я незамедлительно тебя обругаю. Это точно.

— И еще ты разбила мою клетку, — добавил Суббота. — хотя никто тебя не заставлял. — Его обволакивающий голос был таким странным, словно набегающая волна вдруг остановилась и попросила чашечку чая. — Маркиза просто обожает, когда ее приказы исполняют те, кому это больше всего не нравится. Для нее это как… большая миска со сливочным муссом и джемом поверху.

— Да, и можно подумать, есть какая-то разницу между добыванием Ложки для ведьмы и добыванием меча для Маркизы.

— Я думаю, что есть. — ответила Сентябрь тщательно поразмыслив. — Ведьме До Скорого я обещала раздобыть ее Ложку. Я намеревалась сделать это. Всё-таки для меня это был бы поступок. Она была бы счастлива, а я возвысилась бы в своих глазах. Но Маркиза потребовала от меня выполнения ее поручения. И к тому же грозилась убить тебя, если я откажусь. Да и меня тоже, — если я не исполню его в срок.

— Но что то, что другое, всего лишь служба, — мягко сказал Суббота.

— Только если ты не можешь сказать нет, это называется «рабство» — ответила Сентябрь.

— Что бы это ни было, — настойчиво вмешался Вивертека, — перед нами весьма дальний путь. А времени у нас мало. А теперь еще и на несколько минут меньше.

— Дол, для тебя что, вопрос твоего участия в путешествии уже решен? А как же твой Дедушка; ведь он еще здесь, в Пандемониуме? Как же твое счастье и образование и карьера и дыхание, огонь которого ты должен усмирить?

— Сентябрь, не будь глупышкой. Разумеется, я иду. Как на меня посмотрел бы Дедушка, если узнал бы, что я отпустил маленькую девочку одну в опасные края?

— Ну, вообще-то не одну, — пробормотал Суббота.

— В конце концов войти в Библиотеку увенчанным лаврами было бы гораздо приятнее! Не за ерунду какую-нибудь, а за Меч! У моего Дедушки есть сотни томов, описывающих такие рыцарские деяния; да, мы все трое станем рыцарями! Забудьте о

наказании!

Закладывая с тщательностью пряди волос за уши, Сентябрь в большом смущении смотрела на Вивертеку.

— Прошу тебя, мой маленький друг, пойми. Хоть я сейчас так близко, что чую, как пахнет клей его корешков, я всё еще боюсь, что он невзлюбит меня. Но когда у меня появится сногсшибательная история, которую я ему расскажу, этот страх пропадет. И мне будет легче ее рассказывать, когда я буду знать, что твоя голова не висит где-то в саду Маркизы, как переросший плод шиповника. Когда никто не посмеет подумать, что я трус. Потому что я не хочу им быть.

Сентябрь вытянула руки вверх, а Вивертека, согнув в нечто невообразимое свою s-образную шею, пристроил между ними свою красную морду.

— Как бы мне тебя не хватало, Дол, останься ты здесь. — прошептала девочка, нежно целуя его.

Суббота вежливо отвернулся; своё удивительное воспитание он не утратил за дни лишений, (при этом помнил лишь каждый третий свой вдох). И еще он очень хотел помочь.

— Ну конечно. Ты прав, сюда приближаются лисапеды. — произнес он смиренно, как будто соглашаясь с прозвучавшим предположением. Его природная застенчивость мешала ему заявлять о чем-то открыто, и он то и дело окутывал это странными, но безопасными словами.

— Надо же, какое смешное и старомодное слово, — воскликнула Сентябрь. Она непроизвольно схватилась за рукоятку Ложки, висевшей на поясе жакета, — всякий раз простой контакт с нею давал девочке ощущение уверенности в себе. — Это ведь означает «велосипед». — Глядя, как Суббота переминается с ноги на ногу, она с удивлением обнаружила, что не только она одна *так* не уверена в окружающем мире. — Я вовсе не думала сказать, что ты не знал об этом.

— А, велосипеды! — воскликнул Дол. — Слово из моей части алфавита! Сейчас самый разгар лета, Сентябрь, а это означает, что велосипеды набрали хороший ход! А это означает у нас есть шанс прокатиться с ветерком!

Сентябрь разочарованно поглядела на свой расковырянный скипетр, беспомощно болтавшийся на цепи Вивертеки, и сказала:

— Я боюсь у меня не хватит достаточно рубинов, чтобы купить нам двоим по велосипеду.

— О, да при чем здесь «купить»! Мы их поймаем, Сентябрь! Велосипеды стадами…

— Эскадрильями.

— Да, Суббота, эскадрильями. Как бы то ни было, велосипеды

мигрируют в Провинции через луга к востоку от города, и если нам повезет, и мы успеем туда, и у нас будет под рукой крепкая веревка, то они однозначно нас подбросят! Может до конца, а может, и нет. Но это очень тяжелое испытание, — заарканить такое дикое чудовище. Одного вполне, я думаю, хватит, — я побегу за вами следом и очень постараюсь не отстать на много. Даже не спорь, — ведь даже на самом могучем буйволе верхом я буду смотреться глупо и нелепо. Так что вперед, в дорогу прямо сию секунду! Упустить их стало бы грандиозным разочарованием.

— Сентябрь, — взмолился Суббота, — Мне нужно поесть. Если я не поем, то скоро рухну и больше не поднимусь. — Широкие темные глаза ультрамаринового мальчика померкли еще больше.

— Ох, ну где же моя деликатность! — сокрушилась девочка. Ей тут же стало ясно, что и она сама очень голодна, (просто не замечала этого за чередой ярких и волнующих событий).

Совсем не раздумывая о последствиях, Сентябрь расплатилась маленькими рубинами в ближайшей закусочной, которая называлась «Лягушонка и Коробченка». Столики, стулья и даже стены внутри были обиты черным, как вдовий траур, сукном, а молочно желтый свет от шелковых канделябров, падая на плечи Субботы, придавал им такой же черный оттенок, что и у потолка.

— Мне соли, — огорченно прошептал мальчик, — Я буду соль и камни.

— Ты этим питаешься? — наморщив нос, переспросила Сентябрь.

— Таков рацион моря. — ответил смутившийся Суббота. — Никакая другая еда меня просто не насытит. Но когда я не голоден и хорошо себя чувствую, я с удовольствием составлю тебе компанию на гусиные лапки и заварной пирог с боярышником.

— Я не хотела оскорбить твои чувства! Не унывай, пожалуйста! Тем более, мне тоже вряд ли удастся здесь чем-нибудь перекусить. Ведь вся еда здесь Волшебная. До этого момента я предусмотрительно отказывалась от нее, (и думаю, себе во благо, всё-таки) так что и здесь не стану делать исключения.

Отадолэ открыл было рот, — видимо собираясь прокомментировать и «Волшебная» (начинавшуюся на «в») и «Еда» (на «е»), — но в итоге не произнес ни слова. Сентябрь купила себе стакан чистой воды и пыталась затопить ею сердитое урчание желудка, — который реагировал так, взирая на сидящего рядом за столиком Отадолэ, сметавшего редиску с трех тарелок, и запивавшего из большого кувшина колодезной замшелой

водою. Суббота вгрызался в голубоватый галечный камень и изящно облизывал крупный кристалл соли. В одно из мгновений он даже предложил кусочек Сентябрь, но девочка вежливо отказалась:

— У меня довольно щепетильное пищеварение. С камнем оно точно не справится.

Рядом с их столиком, держа на плечах поднос с едой, прошла официантка, вероятно из гномов. Увидев корзиночку с со сладким пористым хлебом и пятнистыми утиными яйцами, а также блюдо с нанизанными на шпажки, словно фондю, зефиринками, Сентябрь залпом осушила стакан и быстро отвернулась в сторону. Наконец, разделавшись с закусками, путники отправились к переправе через Ячметлицу, — где голодная, но довольная своей стойкостью Сентябрь отдала остатки драгоценных камней из скипетра за проезд на пароме, который в этот раз был гораздо меньше и изысканней. На противоположный берег реки они добрались без происшествий, под мерный плеск огромного колеса, который вращали старички, крутившие педали.

— Так грустно уезжать, — пробормотала печально Сентябрь, сойдя на берег и взглянув назад на сияющие пики и шпили Пандемониума, — Мы ведь только приехали. Жаль, что не получилось получше узнать Пандемониум!

Связав рукава узлом, Сентябрь закрепила на бронзовой цепи Вивертеки свой зеленый жакет. Где-то невдалеке уже слышалось громыхание и грохотание; так уж устроены уши особей, имеющих пару ног, брови и нос, что звуки стенаний тех, кто сложен из швов, пуговичных петелек и лацканов, ими абсолютно не различимы. Беззвучно оцепеневший жакет продолжал рыдать, но Сентябрь лишь вглядывалась вдаль, пытаясь различить источник шума. Луг, заросший густой яркой травой, раскинулся на много миль вокруг. Собственно, не будь он таким зеленым, она назвала бы это место «пустырем» — потому что здесь не было ни одного деревца и ни одного цветка.

— Не забывай, что они высокие, быстрые и с норовом! Многие из тех, кто рассчитывал прокатиться на них, были сброшены и затоптаны до полусмерти. Хотя некоторым избежать смерти и вовсе не удалось, — беспокойным голосом сказал Отадолэ.

Шум, нарастая, приближался. Вивертека вытянул одну ногу чуть вперед и уперся огромной трехпалой ступней в мягкую землю.

Пояс от жакета Сентябрь двойным узлом закрепила на рукоятке Ложки. На лучшее абордажное снаряжение денег не осталось, но она всегда чувствовала себя дочерью своей

матери, — так, что всё, к чему бы она ни прикладывала руки, безотказно срабатывало. Был день, когда вдвоем они до вечера чинили поломанный авто Мистера Альберта, зато после этого Сентябрь уже никогда не отправлялась в школу пешком. Как бы ни приятно было девочке наблюдать за тем, как, перемазавшись в смазке, мама копается в моторе, такого времяпровождения было у нее мало: мама со всеми подробностями показывала, как функционирует сцепление, и где что нужно подтянуть, а где ослабить. От такого количества информации, которую надо было запомнить, Сентябрь к вечеру просто валилась с ног, — но главное, что автомобиль, кашлянув, заворчал так, как и положено автомобилю. И что немало важно еще, Сентябрь понравилось учиться. Ей нравилось узнавать вещи, не взирая на грязь или трудность; и конечно нравилось время от времени вспоминать в связи с этим маму, особенно если ее не оказывалось рядом. Стоит ли говорить, что тот узел, который завязала девочка из пояса жакета, был добротен и туг, — а сам пояс, (будучи частью жакета) уже приготовился перенести возможно тяжелейшие мгновения своего существования с солдатской стойкостью и дисциплиной. Суббота наблюдал за этими приготовлениями с неподдельным интересом, но под руку с вопросами не лез.

Протяжный и громкий, словно выдутый из рога, звук заполнил долину, и множество коротких и звонких переливов раздались ему в ответ.

— Они приближаются! — восторженно кричал Дол, от нетерпения хлопая крылышками и громыхая цепью, — хотя говорить такое оказалось излишне, потому что как только звук рога донесся до ушей Сентябрь и Субботы, тут же перед их глазами, окруженная большущим облаком земляной пыли, промчалась эскадрилья лисапедов. Они выглядели как старомодные модели велосипедов: с огромным передним колесом и маленьким задним (с тем лишь исключением, что маленькое колесо было на самом деле немного выше Субботы), с высоко поднятым седлом, обитым бархатом самых различных цветовых оттенков. Их шины были пятнисты, как шкура гиены, а спицы блистали на открытом равнинном солнце.

— Хватайся за меня, Суббота! — крикнула Сентябрь.

Вот перед ними мелькнул огромный обруч колеса очередного лисапеда, и девочка, сильно размахнувшись, швырнула вперед Ложку. Она летела далеко, совершенно не сбиваясь с пути, а пояс, желая продемонстрировать преданность своей хозяйке, растягивался всё больше; когда же он запутался в спицах, Сентябрь, крепко державшая свободный конец, взмыла в воздух. Суббота, обхвативший девочку, зажмурил глаза. Она же наоборот,

весело загоготала, — даже не смотря на то, что несоответствие между ростом и тяжелым весом мальчика неприятно поразило ее. Тем не менее их поднимало всё выше и всё ближе к седлу. Когда черно-оранжевая обивка седла оказалась почти перед самым носом, Сентябрь резко вытянула руку, — но схватиться удалось лишь за медные амортизационные пружины. И тут же следом она со всего размаху ударилась коленками о крутящиеся шины, разодрав их до крови. Боль была резкая и обжигающая, — но она не выпустила сидения из рук.

— Сентябрь! Я не могу! — раздался позади вопль Субботы. Попытки удержаться на теле девочки искажали его ультрамариновое лицо выражением ужаса и колоссального напряжения, но с каждой минутой он сползал всё ниже и ниже. — Я сейчас упаду!

Почувствовав его пальцы на одной из коленок, Сентябрь попыталась подтянуть ногу ближе и перехватить мальчика рукой. В то же мгновение лисапед, издав залихватский звон, качнулся вбок и рванулся вперед, сведя все усилия своего вероятного наездника на нет. Тогда сентябрь обвила локтем вертикальную штангу, на которой держалось сидение, и одной освободившейся рукой потянулась книзу, — но и этого не хватило, чтобы дотянуться до Субботы. Он был чересчур тяжел, — и его неумолимо тянуло вниз. А тут еще громадное переднее колесо поднялось вверх, словно вставая на дыбы. Но как бы лисапед не хотел сбросить и раскидать по лугу девочкины кости, она удержалась. Но Суббота — нет.

Он сорвался, даже не вскрикнув. Сентябрь оглянулась. Расстояние между ними стремительно увеличивалось; темные глаза мальчика провожали ее с выражением глубокой печали и мольбы о прощении.

Сентябрь отчаянно взвизгнула. Её сокрушенный голос только привел в восторг лисапеда, и он ответил пронзительным победным воем. Он уже предвкушал хрупкие кости ребенка под своими колесами. Он не знал, что следом за ним, расталкивая по сторонам своими мощными лапами лисапедов помоложе и послабее, бежал Дол. Поймав у самой земли Марида за волосы, он подбросил его вверх, как будто вообще не ощущая тяжести ультрамаринового тела, и когда тот пролетал около его носа, перенаправил его тычком прямиком в руки Сентябрь. Она схватила его за локоть и втащила на пятнистое сидение. Трясясь от страха, он не медля обхватил ее обеими руками. Хотя важнее в этой ситуации для Сентябрь было не выпускать из перенапрягшихся рук руль, она нашла возможность повернуть голову назад и, дотянувшись щекой до лба Субботы,

успокаивающе (как это часто делал ей самой Вивертека) потерлась об него. Ей показалось, что дрожь за спиной поутихла. Дол мчался недалеко в стороне, своим веселым гиканьем перекрикивая ужасный рев лисапедов, — которые, очевидно признали в нем вожака и неслись по обе стороны от него.

— Роскошный сэйв, цыпа! — вдруг выкрикнул кто-то.

Сентябрь покрутила головой по сторонам, — и увидела правее, чуть впереди себя за рулем такого же взрослого лисапеда очаровательную смуглую женщину с развевающимися каштановыми кудрями. На ней была кожаная куртка с флисовым воротником, похожая на те, что носят пилоты, и шляпа, поля которой были опущены и напоминали шлем. Большие круглые очки защищали ее глаза от пыли. Она носила штаны, которые Сентябрь видела только в кино, и которые выглядели очень смешно, как будто в каждый из карманов запихнули по небольшому арбузу. Зато короткие сапоги на толстой подошве были украшены дюжиной пряжек. Но самое восхитительное, что бросалось в глаза, находилось позади женщины. Во-первых, там была маленькая девочка, одетая практически идентично. А во-вторых, — скованные тоненькой цепью, там были пара медно-черных крылышек.

Ловко лавируя между лисапедами, женщина покинула эскадрилью и пристроилась сбоку.

— Кальпурния Далеча! — крикнула она разборчиво. — А это моя подопечная, Пенни! — девочка приветствующее помахала рукой. Лет ей было гораздо меньше, чем Сентябрь: четыре или пять. Её иссиня черные волосы были собраны в две короткие косички, открывая на обозрение несколько велосипедных цепей, словно ожерелья, украшавшие ее шею (при этом, естественно, пачкавшие ее). На ногах у нее были золотые туфельки, — они были почти, как старые мэри-джейн самой Сентябрь. Но они были золотые, хоть и заляпанные грязью.

— П..Привет! — ответила Сентябрь, всё еще не твердо держа руль.

— Ничего, скоро привыкнешь! Даже на толкотню и бедлам этот перестанешь обращать внимания! Эта корова, которую ты заарканила, — она среди них одна из главных! А это не фунт изюма! Я в первый раз пыталась оседлать теленка.

— Куда уж выбирать-то было…

— Да не стесняйся, принимай поздравления! Она красавка!

— Слушайте, ну, Мисс Далеча, тяжело очень разговаривать сейчас…

— Ну, в общем, конечно, особенно когда не привык! — Кальпурния Далеча протянула к Пенни руку, и девочка

выплюнула в ладонь разжёванный, мягкий комок буковых волокон. Кальпурния свесилась вниз и аккуратно залепила место, где была переломана одна из спиц. Лисапед взвизгнул — не то от облегчения, не то от возмущения такими нелепыми средствами и формами лечения. — Когда придет ночь, они остановятся на водопой! — снова крикнула она. — Ты не представляешь, какая их мучает жажда! Они часами лакают воду!

— Значит, там? — вежливо спросила Сентябрь.

— Точно! — ответила Кальпурния, и, заложив крутой вираж, вернулась в эскадрилью.

Искры от костра подлетали высоко в небо и терялись среди невообразимого количества сверкавших звезд. Сентябрь не видела столько даже в Небраске: а уж там недостатка в них никогда не было; и созвездия все сплошь были ей незнакомы.

— Вон, смотри, Лампа, — прошептал Суббота. Его голос звучал ровно и не тревожно, словно шепот был самой комфортной для него манерой речи. Он вытянул вверх палку, которой подравнивал горящие ветки: — над ней, видишь, немного неровный полукруг звезд, — это ее ручка.

— Ничего подобного, — хмыкнул Дол, — это Волчье Яйцо.

— Волчицы не откладывают яйца, — ответил Суббота, опустив глаза и уставившись на пылающие угли.

Сентябрь удивленно посмотрела на мальчика, — это был первый за всё время случай, когда он решился спорить.

— На самом деле, я читал одну историю об этом, когда был еще ящеркой. Поспорили однажды волчица, ведьма-банши, и птица Гамаюн.

— «Не сила придает крепость, а терпение» сказал волк, — Кальпурния подбросила в костер еще веток; Пенни вслед за ней бросила сухой травы.

— Не так. Он сказал «отдай мне яйцо, а не то я съем твою мать» — немного раздраженно продолжил Отадолэ.

— В общем-то в каждом районе по-своему рассказывают, — ответила фея. Она расстегнула куртку и вытащила из внутреннего кармана несколько длинных полосок темного мяса. Вместе с дубовой фляжкой она пустила их по кругу.

— Что это? — нерешительно спросила Сентябрь.

— А что это по твоему может быть? Конечно, вяленая шина. Я делюсь с тобой, потому что так принято среди лисапедных жокеев. Мы должны помогать друг другу, нынче тяжелые времена. И нечего воротить нос. Она по вкусу ничем не отличается от мяса. Жестковата, конечно, — но они ведь дикие. Где им так разжиреть, как овцам. Поешь. И запей: во фляжке отменная смазка для осей, вкусная, как буйволиная кровь.

Дол быстро сжевал и проглотил свою порцию. Сентябрь же наоборот жевала медленно. На еду это в целом мало походило, хоть и было изготовлено Феей. Но вкус ее не был действительно омерзительным. Уж точно не резиновый, — скорее был похож на подпаленную в духовке тощую старую индейку. Сентябрь отхлебнула из фляжки и с большим трудом проглотила жидкость: ничего более похожего на кровь, (столь же густого и солоноватого) она в жизни не пробовала, — тем не менее ее тело сразу наполнилось теплотой и силой. У Субботы, хоть он и героически разжевывал маленький кусочек шины, проглотить его не получилось. Он выплюнул жвачку, поднял с земли камешек и принялся его посасывать. Пенни в отвращении высунула язык.

— Деточка, это не прилично, — пожурила Кальпурния. — Не сердитесь, что с неё, с Подменыша, взять.

— В самом деле?

Пенни вытянула ножки и показала всем свои золотые туфельки. «Все подменыши обязаны носить одинаковую обувь», вспомнила Сентябрь, и поразилась как давно, как будто сто лет назад, были сказаны ей эти слова.

— Не люблю этот *самбль*.- пробормотала Пенни. — И играть ни на чем не умею.

— Это правда. Я побывала на выступлении. Так эта бедняжка там играла на перевернутом грумеллофоне. К счастью, у меня оказались с собой масляные ириски. От них еще никто на моей памяти не отказывался. Самая действенная приманка, — ну и бедняжка конечно тоже попала мне в руки. А с лисапедами она обращается так легко, словно рождена была для этого.!

— Подменыши — это дети людей, которых Феи забирают из колыбелей, а на их месте оставляют своих детей? — спросила Сентябрь.

— Это что-то типа… культурного обмена, — с трудом оторвав кусочек шины от полоски, сказала Кальпурния. Ее большие желтые глаза сверкали, как золото, в звездном сиянии, пока крылышки, обездвиженные, были очерчены тонкой серебристой линией. — Если не случается людям обнаружить куколку или марионетку. Но подобным образом теперь редко шутят. За то время, пока мы растим людских детей, люди привыкают к нашим, — свыкаются с существованием нашей реальности. А потом мы производим обратный обмен. Что только укрепляет двустороннюю связь. Мило, правда. Вот только свою малышку я оставлю здесь. Она станет Принцессой Пенни-Фартинг!

— Со мной разговаривают маленькие лисапеды, — прошептало дитя, — «Пенни, а у тебя седло где?» спрашивают они.

— Я не одобряю того, что подменышей заставляют играть в ансамбле. На самом деле, это просто зоопарк какой-то, — чтобы обеспеченные феи, кто более-менее ладит с Мисс Чудные Кудряшки, ходили на них глазеть. Просто не перенесу, если моя Пенни еще раз там окажется. Вот раньше, подменыши были звездами в городах, — их угощали бисквитами и свежим кремом, а на Репейных Балах они танцевали вместе со всеми в хороводах, пока не сотрутся в пыль их туфельки.

— По-моему это такое же издевательство, — неуверенно произнесла Сентябрь.

— Но это по крайней мере выглядит со стороны прилично. Не то что склоняться на грумеллофоном, пока не вырастит большущий горб.

— А звук у грумофона такой, будто курица кудахчет, — проворчала Пенни.

— Правильно, моя милая. Не волнуйся, я больше не подпущу тебя близко к этому инструменту. Кстати, я вообще против камерной музыки: она зациклена на самой себе. Другое дело — рожки лисапедов.

— А как девочку звали раньше? — спросила Сентябрь.

— Это интимный вопрос. К чему вам на него ответ?

— Молли! — воскликнули Пенни. — Меня звали Молли! У меня были братик и сестренка, — Дональд и Сара! И у меня был свой велосипед, правда он совсем не умел разговаривать и не был таким диким. Он был розового цвета, и на руле был маленький колокольчик. И колес у него было три, а не два. Но без Кальпурнии мне было грустно. Так что мне и вспоминать особо нечего.

После этих слов вокруг костра воцарилась тишина. Вивертека, не изменяя позы, сидя, провалился в сон; остальные следили за танцем красных угольков. Вскоре безмолвие было нарушено легким сопением, похожим на перелистывание страничек книги. Кальпурния оживилась первая.

— Да, а вы то все куда направляетесь? — спросила она, почесывая под шляпой, — Не обижайтесь, но вы не выглядите, как истинные жокеи. Скоро сойдете, так?

— Нам надо в Провинции Осени, — ответила Сентябрь, и высокая нота ее голоса отразилась сдавленным эхом от тел сопящих Большеколесов, устроивших примитивные, почти первобытные брачные танцы вокруг водопоя. Двигались в этих танцах лишь спицы.

Большего девочка говорить не хотела. Она ухватилась за Ложку и принялась наматывать на нее пояс своего жакета.

— Предостойнейший путь! — присвистнула Кальпурния. —

Пару недель, думаю, покатаемся вместе. Очень рассчитываю, что вы захватили с собой припасы!

— Пару недель?! — воскликнула Сентябрь. — Но почему так медленно? Нам за неделю надо управиться! Туда и обратно!

— Наивные! — захохотала Пенни.

Кальпурния однако призадумалась. Потирая подбородок тремя длинными коричневыми пальцами, она собралась с мыслями, облизнула все три и подняла высоко вверх, намереваясь почувствовать ветер.

— Шанс есть… Конечно, если вы не слетите со своей альфы. Мне это в общем не по нраву, однако сейчас я не сильно занята, чтобы не ввязаться в это ваше драпание. За вами ведь наверняка гонится какое-то чудище.

Сентябрь кивнула, чуть не плача.

— Дело в том, что лисапеды очень ленивые существа. Они могут развивать прекрасную скорость, но никогда практически этого не делают. Сейчас у них Великая Миграция, — они движутся по зову гнезд. Кто-то будущих, — чтобы спариться и завести потомство. Кто-то прошлых — чтобы умереть там, где появился на свет крохотным пучком спиц. Одни слышат этот зов сильнее, другие — слабее. В общем, полагаясь на собственную смелость, парочка страждущих особей домчала бы нас быстрее, чем некоторые прибегают обедать. Я говорю «полагаясь на смелость» — потому что придется часто хлестать их, хоть это не цивилизованный метод, и я стараюсь им не пользоваться. Но бывает, что лучшего не придумаешь.

— Я не хочу стегать своего лисапеда! — заверещала Пенни.

— Малышка моя, они это забудут. Они забывают всё.

— Нет, не забудут! А потом будут шептать мне «Вот Пенни, — она капризная и противная!»

— Пенни, но ведь тебе лично ничего не придется делать, — вкрадчиво сказал Суббота, который не раз и не два сам переживал удары хлыста.

— Но у нас так мало времени, Суббота…

Мальчик мгновение смотрел на Сентябрь. По его выражению нельзя было догадаться о чем он думает или что затевает, — но в следующий момент он наклонился близко к ее лбу и потерся об него своей щекой, в точности повторив ее недавний жест. Потом он встал и ушел от костра в темноту по направлению к эскадрилье лисапедов.

— Твой? — спросила Кальпурния без особой интонации, словно речь шла о вещи. Она отхлебнула из фляжки, а затем, поплевав на очки, принялась протирать их пальцами.

— В каком смысле, мой? Он свой собственный.

Кальпурния хмыкнула подозрительно и перевела взгляд туда, где скрылся мальчик.

— Мисс Далеча, я хочу у Вас спросить кое-что?

— Ну разве можно отказать, когда к тебе так вежливо обращаются.

— Скажите, Вы помогаете нам потому что сами этого хотите? Потому что вы такая же отзывчивая и дружелюбная, как и мы? Или вы выполняете распоряжение Маркизы быть милыми ко всем, чтобы не попасть в Опаловый Список?

Фея пристально всмотрелась в глаза Сентябрь, — и девочка почувствовала себя полностью раздетой, как когда-то в зале с ваннами. Взгляд феи был тяжелым и обжигающим.

— Ты стало быть не думаешь, что я уже в этом списке? По-твоему, похищение подменыша из ансамбля может сойти с рук? — Она быстрым движением поправила шляпу. — Если обещаешь, что тебе полегчает, то я могу отвести тебя к огромной яме глубоко в лесу, или украсть у тебя дыхание, или что-либо другое — как могла бы поступить во времена своей распутной юности. Могла бы, это не значит что действительно поступала так. Но сейчас у меня есть мои Пенни-Фартинги и моя малышка. За ними надо смотреть и ухаживать. Времени портить ячмень уже нету. Может когда-нибудь оно появится, и я займусь этим. И если Маркизе удобнее считать, что я остаюсь на своем месте из-за её Листа, — то разубеждать ее я не собираюсь. Тебе же я помогаю потому, что растерянные и потерявшиеся девочки из человеческих семей — это мое хобби.

Пенни прижалась плотнее к Кальпурнии и положила головку ей на колени. Фея трепетно погладила её, распутывая кое-где пряди. Сентябрь с улыбкой наблюдала за движениями смуглых пальцев и чувствовала себя в безопасности.

Откуда-то из темноты раздался скрежет и перестук, и вскоре, ведя за собой пару Большеколёсов, к костру вышел Суббота.

— Они отвезут нас, так быстро, как только способны. И я полагаю даже быстрее, — твердо заявил он. — Они уже готовы отправиться домой и не намерены ждать. Им уже не хочется пить. Если мы того захотим, — они двинутся прямо сейчас.

— Эй, только я разговариваю с ними! — вскочив и уперев руки в боки, воскликнула Пенни.

Суббота покачал головой и тихо подошел к обидевшейся девочке. Отблески костра ложились на его синие нечесаные волосы, словно кусочки апельсиновой кожуры.

— Нет такого живого существа, которое не имело бы сокровенного желания, Пенни. И я слышу их, в любой обстановке, даже самые робкие и тишайшие. — Марид понизил голос до

шепота. — Обещаю, что их не будут стегать. Никогда. Даже если это поможет управиться во мгновение ока. Особенно если потребуется в буквальном смысле слова.

Кальпурния Далеча протянула мальчику руку. Он партнерски пожал ее, но, немного подумав, следом медленно поднес к губам и поцеловал.

— Я говорила, что мне это не по нраву. Тогда они простили меня. Возможно, не любовь к тебе, а то чувство ко мне сейчас наполнило их.

— Догадываюсь.

— Тогда, ступайте! Ко дню равноденствия свидимся. Это самое меньшее, что я могу пообещать такой дерзкой и необузданной парочке.

Два больше-колесных велосипеда бесшумно укатили в ночь, понизанную серебристым звездным сиянием, — так быстро, что луна даже успела очертить странные габариты их тел. За ними бежал Отадолэ, высунув язык и желая перебирать ногами еще и еще чаще.

— Кальпурния, — выкрикнула Сентябрь, когда огонек их костра стал такой же маленький как звездочка, — я всегда думала, что феи вместе танцуют, и у них большие семьи.

— Ну, правильно думала.

— Я тогда не понимаю, почему же Вы одна? И Чарли Крабодав тоже один? Куда подевались остальные?

Кальпурния отвернулась. Её крылышки слабо затрепыхались, и Сентябрь увидела, как в местах, где была прикована железная цепочка, потрескалась и обмякла кожа. «У фей аллергия на железо» — вспомнила девочка.

Королева Лисапедов, Кальпурния Далеча, уже в следующую секунду проницательным взглядом изучала растянувшуюся на многие мили равнину. Неслышно пролившиеся слезы сверкали на ее щеках тонкими линиями.

ГЛАВА 11
Наместник, он же Сатрап, Осени

в которой Сентябрь наконец ест Пищу Фей и практически становится абитуриентом, выясняя Сущность Осени.

У меня есть ощущение, что всем прекрасно известно, как выглядит осень. И даже тем, кто живет в Лос Анжелесе, — о котором грезят одноклассницы Сентябрь, — не раз в жизни попадались открытки или фотографии с её видами, так что и они меня тоже поймут. Всю эту яркую красно-оранжевую палитру: деревья, пылающие золотом и горящие по ночам камины, и прохладный воздух, — одновременно хрустящий и подслащенный дымом, когда белая луна, похожая на коленную чашечку, мелькает в тонких, рваных облаках. Весь этот несущийся за ней вприпрыжку мир, — со свежим сидром и конфетами, тыквами и яблоками, — прямиком к Хэллоуину

В Волшебной Стране осень, разумеется, сплошь в той же самой тональности. Оттенки листвы Волшебного леса не обманут ваших глаз; Луна покажется не менее уязвимой и ущербной. А маски для праздника будут блестеть так же, скалиться так же, и топорщиться так же кудрями и рожками! Отличие — в другом. Бродить по Волшебной Стране осенью, — всё равно что вглядываться в густой омут, но избегать встречу с тем, что в нем обитает; всё равно что смотреть в то же самое зеркало, куда смотрится и сама Провинция, признавая, что зеркало расплывчатое и мутное, а не то, что Провинция увядает. Словно фотоснимок этого отражения, пожелтевший от долгого блуждания в пространстве между двумя мирами, в земной мир и прибывает земная осень.

Конечно, мои слова о листьях, покрасневших и даже побуревших, к тому моменту, как Сентябрь со своими друзьями ворвалась в неожиданно холодный воздух Провинций, не вызовут у вас подозрений. Только на самом деле я говорю о таком оттенке красного цвета, глядя на который кажется, что дерево по-настоящему истекает кровью. С наступлением Октября корявые ветви дубов становятся оранжево-рубиновыми, но по сравнению с цветом ветвей, с которых под громадные колеса лисапедов падали крепкие сахарные желуди, они вправду выглядят весьма блекло. Не пытайтесь разуверить меня. Просто зажмурьтесь и

представьте разом, словно не рассыпающуюся колоду карт, все свои любимые осенние наблюдения, — тогда у Вас точно получится прекрасная и угнетающая палитра Волшебной Осени. Попытайтесь принюхаться к резкому зеленоватому дыму, который источает крепкий чуть бледный лес ближе к вечеру. Почувствовать кожей бархатистую позолоту солнечных лучей, с цветом, мягкостью и уютом которых не поспорит даже горящий светильник в вашем любимом месте, куда вы приходите почитать книжку.

Здесь совсем неожиданно, оранжевое платье Сентябрь стало выглядеть тусклым и ржавым. Алая чешуя Вивертеки на фоне пылавших красок показалась коричневатой, жженой сиеной. Только вдруг возникшая конкуренция никого не расстроила. Наоборот, все смеялись, не уставая выпутывать из волос опадавшие листья. Как опытная наездница, Пенни взобралась на седло своего Большеколеса и пыталась на лету хватать их.

— Пенни, милая, мы с тобой дальше не пойдем, — со вздохом констатировала Кальпурния Далеча. Она подняла на лоб очки и, как к воде, присосалась к переливавшемуся тенями лесу.

— Ну почему, Кэл? Здесь нас ведь не откажутся накормить оладьями! Я так проголодалась!

— Нам нужно вести стадо, дорогая. Лисапедам еще предстоит долгий путь к дому, в сторону моря. Мы их встретим у масляных проток и никелевых прудов, — и у нас будет время разбить лагерь, а я смогу спеть тебе «Не гудит тот, кто мчит на одном колесе». Или про Одноногую Деву, — ты же любишь эту балладу. Ну а когда подоспеют остальные лисапеды, мы вместе отведем их к самой кромке воды. И я возможно дам тебе попускать дыма из моей трубки.

— Ну хоть на одну ночку давай останемся? — взмолилась Пенни.

— Сюда лучше не входить, — вздрогнув, сказала фея. — если у тебя нет здесь никаких дел. У Осени голодное сердце. Сентябрь и смерть следуют друг за другом. — Поразившись тому, чем обернулись слова, она посмотрела на девочку в оранжевом платье и коротко рассмеялась. — Ой-ой. Пан да простит подобные каламбуры. К нашей радости, Пенни, Осень с нами не на короткой ноге. А тебе, Сентябрь, я просто не могу не посоветовать вести себя осторожнее, хотя и знаю, что для подобных советов у тебя довольно свинцовые уши. Не оставляй без внимания факт что второе имя осени — «закат», и в некоторые места можно закатиться так, что потом из них не выберешься.

— Прощай, дракон! — прощебетала Пенни. Отадолэ, всё еще не отдышавшийся от трехдневного марафона, не стал спорить с

девочкой и отдергивать огромную когтистую лапу от звонкого поцелуя тоже не стал.

— Прощай Суббота!

Кальпурния Далеча протянула мальчику руку, но когда он вытянул свою, чтобы зафиксировать пожатие, она резко схватила ее, поднесла к своим губам и поцеловала его пальцы. Завершив этот жест, делавший ее похожей на лорда, она наклонилась чуть вперед и заглянула мальчику в глаза.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, Марид.

Суббота молчал, ожидая.

— Мы хоть и не одного семейства, но как фея фею, ты меня выслушаешь?

Когда он в ответ кивнул, Кальпурния наклонилась еще ближе и прошептала ему кое-что прямо в ухо, — так чтобы Сентябрь ничего не услышала.

Однако Вам я раскрою, пользуясь особыми привилегиями, какие были эти слова:

— Таинство у Зачарованных одно, — они должны обнажиться и спуститься в одиночестве во мрак. Но вернуться обратно к свету в одиночестве они не могут.

Мягкий предвечерний солнечный свет всегда сияет в Провинциях Осени, его золотистые наклонные лучи распускают по земли нежные тени.

Разумеется, Сентябрь шла без нее.

Но тени ее спутников, тонкие и вытянутые, обеспокоенно продирались сквозь лес, сквозь блистающую, кроваво-наточенную листву деревьев. Отсутствие рядом соратника было причиной их мрачного и даже траурного настроения, — ведь точно так же как и люди, которые заводят друзей и отправляются на поиски приключений, тени становятся однополчанами и вступают в схватки с тенями врагов, (о которых нам ничего неизвестно, потому что мы считаем, что именно мы диктуем ход наших историй).

Как бы то ни было и Вивертека и Марид не скрывали удовольствия от того, что путь перед ними расчищался и расширялся; куда то в сторону уводили новые тропинки, по которым перемещались, словно дервиши, охапки сухих коричневых листьев, — поднятые ветром и оседавшие кучей через несколько метров. В воздухе витал запах дыма, яблок и выпеченного хлеба. Отадолэ возбужденно скакал вприпрыжку, а Суббота, закрыв глаза, зевал, словно кот.

Случись всем троим выбирать какой-нибудь из открывшихся путей, он вполне привел бы их к поляне, усыпанной поганками и желудями. Однако по распространенной в Сказочных селениях

тенденции произошло совершенно другое, — и герои оказались на площади глашатаев местечка под названием Меркурио столь неожиданно и скоро, что в дороге не успели даже прийти к общему мнению, какая же птичка — соловей или свиристель, — так красиво пела в лесу. И я могу точно сказать, что черные, затейливо украшенные туфельки Сентябрь, — которые ясно представляли свою дорогу в мире, — тут были совершенно ни при чем.

«Неужели каждый город Королевства строится вокруг какой-нибудь странной штуки?» — подумала Сентябрь, глядя на толстые пористые хлебные ломти, из которых были сложены домики Меркурио, Пекарь, построивший всё это, использовал масло для скрепления ломтей между собой, а орнаментами из спрессованного сахара украсил козырьки крыш. Много домов было маленькими, — и Сентябрь, могла отломить с петель, сделанных из хрустящей ржаной корочки, любую из глазированных, как донатс, дверей, (если бы, естественно, у неё возникла мысль разузнать что внутри). Однако ее внимание оказалось приковано еще большим количеством многоэтажек, — или правильнее было сказать, «много-кексовок», — сооружениями столь хрупкими, тем не менее бросавшими вызов растущим по соседству деревьям. Площадь была застелена брусчаткой, бывшей на самом деле верхушками маффинов; кое-где свежим сладким молоком струились фонтаны. Впечатление создавалось такое, что городок этот собрала для своих друзей и приятелей та самая ведьма, которая построила пряничный домик.

Центр площади занимала статуя хорошо известной Сентябрь Леди. Скульптура была кремового цвета и была слеплена из крошек. Благодушный взгляд леди простирался поверх длинного стола, уставленного всяческими яствами: яблочными тарталетками и варениками, яблочным чатни в больших стеклянных мисках и несколькими корзинками засахаренных яблочных долек, жареным гусем, блестевшем коричневой хрустящей корочкой, и крупными золотистыми картофелинами и репками, отваренными и порезанными на части, ромовыми кексами, черничными пирогами, разложенными на блюдах в виде колосьев пшеницы ирисками, супницами в форме звездочек с дымящимся тыквенным супом, стопками блинов, горками пряников, орехов, масленками, в которых куски масла имели форму сосновых шишек, — в центре стола, сжимая в пасти грушу, лежал на блюде внушительных размеров жареный кабан. Царствовала за столом естественно тыква. Тут было всё что можно приготовить из тыквы: кирпичики хлеба, маффины, молочко, подернутое бледно-оранжевой пенкой, крохотное

бисквитное печенье, прослоенное взбитыми сливками, фаршированные тыквой перепела, и конечно пироги всех возможных размеров. И всё это остывало.

За столом никто не сидел; и тем более никто его не охранял. Вивертека, Марид и Человеческое дитя с неприкрытым голодом глазели на угощение. Это уже не ломтики покрышек да и не смазочный виски! Первым к столу двинулся Дол, но внезапно остановился, сделав лишь шаг.

— Я уверен что у этого всего есть хозяин.

— Я тоже.

— Мне вообще не следует прикасаться ко всему этому, — с грустью произнесла Сентябрь. — Раз есть пир, но нет никого, кто приготовил это, или кому приготовлено это, — то это не что иное, как Еда Фей.

Несмотря на то, что при разглядывании угощений они были уверены, что осмотрели стол также и ниже отделанной короткой бахромой белой скатерти, с того места, которое прикрывала кабанья туша, скрипнув, спрыгивая со стула, к ним вышел коротышка. На своем длинном, тонком, крючковатом — похожем на клюв птиц, выуживающих жучков из-под коры бревен, — носе он носил очки с квадратными толстыми линзами, которые делали его глаза непропорционально большими, огненно-карими и такими изнуренными, будто он чересчур много читает. Такими же длинными и крючковатыми были и его пальцы: по три на каждой руке, — и пока он потирал маленькие ладошки, они успели увидеть, что кожа на них желто-коричневая, больше похожая на корочку хорошо выпеченного белого хлеба. Но больше всего их поразила его одежда: твидовый пиджак с вельветовыми заплатками на локтях, жилетка карамельного цвета, брюки в шотландскую клетку, и конечно его шейный галстук-платок, — им был цельный дубовый лист, кое-где изъеденный дырками и переливавшийся оттенками от темно-зеленого до жухлого коричневого. Поверх костюма на нем была белая (а точнее, уже желтоватая от времени носки) лабораторная куртка.

— Разумеется, это Еда Фей, — кудахтающим голосом сказал он, — В какой по-вашему стране вы находитесь?

— Ну, — ответила Сентябрь, — меня предостерегали не есть Еду Фей. И пока не разу не отступила от этого. Я кушала Еду Ведьм, Еду Драконов, Еду Дриад, — как видите, я весьма разборчива.

Коротышка так громко расхохотался, услышав это, что из окон близлежащих хлебных домиков повысовывались удивленные лица.

— Да брось ты! — произнес он, стараясь успокоиться. — Ты

находишься в Королевстве Фей, девочка! Здесь не бывает драконьей еды или дриадовой еды. Только Еда Фей, — такая еда, которую дает земля этой страны, которую собирают, обрабатывают и стряпают феи своими руками. Поверь мне, твой желудок просто ломится от того, против чего тебя предостерегали. И если это могло повлечь какие-либо неприятные последствия, — то они уже наступили, говорю тебе на полном серьезе.

Раскрыв от шока и удивления рот, Сентябрь вдруг разрыдалась; слезы, которые она сдерживала до сих пор, потекли ручьями по желобкам между верхушками маффинов, устилавшими площадь. Суббота обнял девочку одной рукой, но кроме как этим помочь ей совершенно не знал как. Конечно, плакать теперь было глупо, — но исстрадавшаяся душа Сентябрь, подвергнутая столь многим тяжелым испытаниям за столь короткое время, переживала невероятно болезненный удар в место, которое она считала самым защищенным: свою осмотрительность в выборе пищи. Пусть Маркиза и устрашила ее, пусть Суббота поразил своей добротой и надломленностью, а Дол — своей преданностью. Но Еда Фей, она была уверена, не смогла подобрать отмычек к ее душе. Как бы она тогда смогла не съесть ее ни грамма! И в этом аспекте превзойти большинство маленьких девочек, которым в сказках запрещали прикасаться к пище, но они всё равно в силу несусветной глупости поступали наперекор.

— Что теперь со мной будет? — всхлипывала она едва слышно.

— Мы не можем знать, Сентябрь, — ответил Отадолэ, виляя хвостом в замешательстве, — Мы ведь не Зачарованные.

— Взгляни лучше с другой стороны на это! — восторженно произнес коротышка, — Можно ведь есть до отвала и ничего не бояться! Еда Фей самая лучшая; каков бы был смысл предостерегать детей, если это было бы не так? И лично на меня твоя …м-м-м воздержанность произвела впечатление и даже растрогала. Меня зовут Доктор Восенев, и я здесь Наместник. Мы вас ожидаем, как нас и просили, — тут он приветственно поклонился в пояс, и его лабораторная куртка едва не сползла с узких плеч. — Добро пожаловать на пир в честь свадьбы моих помощников.

Сентябрь также ответила глубоким поклоном.

— Позвольте представить моих друзей. Отадолэ, — он виверн, а не дракон. И Суббота. Меня зовут Сентябрь.

— Какое *превосходное* имя! — восторженно промолвил

Доктор Восенев.

Откуда-то с южной окраины поселка внезапно донесся громкий и радостный шум, и буквально через несколько мгновений центральная площадь перестала быть загадочно безлюдной. Целая толпа созданий, выглядевших так же, как и Доктор Восенев, переместилась с одного торжественного мероприятия на другое, ни на секунду не прекращая плясать, кричать, свистеть в деревянные свирели и подпевать весьма странным песням, сложенным практически без рифм. В дополнении к маленьким костюмам каждый в этой толпе украсил свою голову ярким венком из листьев, — ведь в Провинции Осени листья превосходят по яркости любой из цветков. У многих на лицах были сверкающие маски: в основном черные, с узорами из позолоты или кармина.

— Мне кажется, это черешиды, — неуверенно прошептал Дол. Он определенно рассказал бы подробнее о них и просветил бы девочку, не начинайся название этого народа с буквы «ч», что только еще больше смущало его.

Движущуюся толпу возглавляли пара созданий, не отрывавших друг от друга взгляды, то смеявшихся, то смущенно красневших. Один из них был юноша, — рыжий от кончиков волос до ногтей трехпалых ног, блестевший словно кожура наливного яблока. На нем был малиновый вечерний костюм с малиновыми запонками и малиновым галстуком. На его избраннице, юной девушке, золотистой от кончиков ресниц до пяток, было платье цвета жирного сливочного масла, а волосы, один в один напоминавшие оттенок пожелтевших березовых листьев, украшала длинная фата в тон к платью.

— Рыжего зовут Рубедо, — обрадовано прокомментировал Доктор Восенев, — он специалист в области Грубых Оценок, весьма многообещающий паренек, хотя и небрежен в области математики, что естественно. Его возлюбленная, Цитринита, настоящая звездочка в моем классе. Сейчас она трудится над решением сложнейших алхимических загадок. И она их решит, — потому что это то же самое, что и всякое подлое беззаконие в детективных романах. Я так горд за каждого из них, и рад их союзу, что вот-вот пущу почки! — в подтверждение своих слов он вытащил из кармана оранжевый платок и вытер глаза, а затем и пальцы обеих рук.

— Прошу всех! — звонким и чистым, словно последние лучи предвечернего солнца, голосом объявила Цитринита. — Объедайтесь! Пусть никто не выйдет из-за стола голодным, чтобы и дальше удача не оставляла всех нас!

Обрадованный приглашением Дол тут же подскочил к столу.

— А редиски у вас, к моему сожалению, наверное и нету, — проворчал он, но тут же один из пареньков протянул ему блюдо с крупными красными корнеплодами, блестевшими так, словно были специально отполированы.

Взглянув, словно извиняясь, на Сентябрь, Суббота на крохотный шажок приблизился к столу.

— Что ж, — сказала девочка, — раз я уже всё нарушила…Но как же всё это аппетитно выглядит. А тыква — вообще моя слабость, — добавила она, стараясь прозвучать совсем по-взрослому: повторяя слова своей мамы, говорившей часто, что у её дочери много слабостей, например горячее какао или захватывающие романы, или журналы по механике, или папа.

В эту ночь, — и это стоит особо отметить, — Сентябрь кушала так, как ни один ребенок до неё не ел. Она попробовала практически всё, — что-то по кусочку, а что-то и по целой тарелке: ведь кухня Фей своей сложностью и пикантностью не уступает ни одной из известных традиционных кухонь. Она даже пропустила стаканчик орехового пива и оставила совсем чуть-чуть в креманке, вырезанной из тыквы, мороженого из цветной капусты. На двоих с Субботой они одолели порцию Куличайкового Яйца, — которое вообще не было похоже на яйцо, ни формой ни содержанием, — а представляло собой сложное блюдо, закупоренное в скорлупу сахарной глазури. Суббота ловко расставил вокруг медного-розового шара восемь костяных чашечек и специально прилагавшейся ледяной иголкой проткнул в восьми местах скорлупу. Жидкости восьми разных цветов, к восторгу Сентябрь, заполнили маленькие чашки. В не меньший восторг привел девочку и вкус каждого из напитков: фиолетовый отдавал медом и жаренными каштанами, кроваво-красный напоминал инжирный хворост, а сливочно-розоватый был по вкусу как мармелад из лепестков розы и лимона. Каждый раз она передавала чашку Субботе, и он, (несмотря на то, что его изголодавшийся организм требовал соленого камня или морского галуна) отпивал вслед за ней. Выпив до конца содержимое всех чашек, Суббота показал Сентябрь как следует протыкать верхнюю полусферу яйца, чтобы можно было снять верхушку, добавить внутрь воды и получить настой, повкусу напоминавший чай с кыжовником. Сентябрь еще четыре раза применила ледяную иглу, — и половина скорлупы действительно отвалилась, открыв замысловатый натюрморт, размещавшийся внутри: на берегу из промасленного серого хлеба в окружении вымоченных в брэнди моллюсков и ярких ягод, названий которых девочка не могла вспомнить, но вид и формы которых просто захватывал дух, находилось гнездо, похожее на фисташковую тарталетку, в

котором восседала крохотная, до золотистой корочки запеченная птичка.

Чем ближе к концу подходил пир, тем глубже в Сентябрь впивалось чувство жалости к самой себе, за то, что отринула так много предыдущих предложений восхититься пищей Фей.

— У вас еще остались силы, чтобы взглянуть на мои классы, — громко и удовлетворенно рыгунв, спросил Доктор Восенев. — Я думаю там, найдется для вас много любопытного.

Ночь была еще не такая темная, одинокий ветерок слабо трепыхал горевшие в канделябрах свечи. Небосвод был чист и усеян яркими и холодными звездами.

— Естественно, Рубедо и Цитринита составят нам компанию, — добавил он.

— Но ведь сегодня их брачная ночь! — запротествала Сентябрь, — Я уверена, они хотели бы взять молочка и интересную книжку и уединиться где-нибудь.

При упоминании книжки, Дол фыркнул. Не дожеванные остатки редиски виднелись на его усах. Отблески свечей придавали его глазам мягкий, хоть и усталый блеск. Девочке сразу вспомнились его слова о том, что они принадлежат друг другу, и теперь она находила в этом некоторую прелесть. Она чувствовала, что когда-нибудь, когда она вдруг окажется в темноте и холоде, мысль эта определенно ее согреет и приободрит.

— Ерунда! — взмахнув рукой ответил Доктор Восенев. — У них каждая ночь — брачная. И каждой ночью — свадебный пир в их честь. Завтра у них снова эта же церемония, эти же пляски и эти же песни и та же работа ночью в моих классах, ибо работа обязана быть выполнена, пусть и ночь оказывается брачной. А после этого мы снова повторим всё этого с самого начала. Ведь церемониал привносит в нашу жизнь восторг и комфорт в эти мрачные времена!

«Там всегда осень, всегда свежий сидр и тыквенные пироги, и листья всегда оранжевые и свежесрубленное дерево сразу принимается гореть в камине. И там всегда Хэллоуин». — сразу вспомнились Сентябрь слова Маркизы. Девочка смотрела как танцует народ черешидов, какие безумные были их движения и какие красивые были их маски, — как они прятались в тени и, выпрыгивая из них, пугали друг дружку.

— Ты можешь никого с собой не брать, Сентябрь. Мы ожидали тебя, а тем, кого ждут, следует послушно исполнять то, что им говорят. Воспитанные люди ведут себя так.

— Но как же ларец в лесу… У меня не так много времени… Мы итак слишком долго сюда добирались!

— Отложи это до завтра, дорогая! К чему волноваться на полный желудок!?

И вот, разноцветной гурьбой они направились к дальней оконечности площади. Рубедо и Цитринита, взявшись за руки, Отадолэ, настороженно озиравшийся по сторонам, Сентябрь и Суббота, шедший прямо за ней, словно ультрамариновая тень с огромными взволнованными глазами, следовали за Доктором Восеневым, который вел их к одному из самых высоких зданий. Да и наверное во всем Королевстве, так как его крышу не было видно за тонкими облаками. Оно казалась чересчур большим даже для раскинувших наподалеку густые пруды теней деревьев.

Доктор Восенев думал совсем о другом. Он покачал своими густыми бровями, дважды моргнул, ущипнул себя за кончик носа, выдохнул резко весь воздух из щек и легких и повернулся вокруг себя на одной ноге. То же самое проделали и Рубедо с Цитринитой, — и к общему удивлению прямо на глазах они превратились в такие махины, что разум отказывался принять произошедшее: словно сказочный бамбук, они раздувались и вытягивались до тех пор, пока не переросли Отадолэ и приняли размер, вполне соответствовавший дверям и пролетам постройки.

— По-моему … я не совсем той комплекции, чтобы комфортно прогуливаться по этим коридорам. Хотя по габаритам вполне подхожу. — вздохнул Дол, — так что, я пожалуй, подожду тебя здесь. Но если что замечательное увидишь, — обязательно крикни из окна.

Объевшийся редиской Дол плюхнулся на землю и почти сразу же задремал.

Проходя коридорами и лестничными пролетами от двери к двери, черешиды то распухали до подходящих размеров, то наоборот укорачивались; Сентябрь и Субботе приходилось принимать проходы такими, какие есть, — кое-где карабкаться по ступенькам, словно альпинисты, где-то ползти на животе. Наконец, все добрались до двери, которая была немного меньше, чем рост черешидов, когда они входили в здание, и немного больше, чем их рост во время пира. Оказалась, она вела в большую лабораторию, полную разнообразных пузырящихся и булькающих штуковин.

— Здесь сердце нашего университета, — вдохновенно произнес Доктор Восенев. — «университета», я имею в виду, в широком смысле этого слова.

— У нас тут нет аудиторий на самом деле, — сказал Рубедо.

— И экзаменов тоже, — добавила Цитринита.

— И единственные студенты, это мы, — сказали они вместе. — Зато важнее того, что делаем мы здесь, ничего нет.

— Вы ведь…алхимики, правильно? — смущенно спросила Сентябрь, вспомнив слова Зеленого ветра о том, что алхимией позволено заниматься только юным барышням, рожденным во вторник, и черешидам, (которым на самом деле не запрещено вообще ничего)

— К чему было это замешательство, ведь там должен был быть знак равенства, как в уравнении! — ответил Доктор Восенев.

— Тогда я должна сообщить Вам, что родилась во вторник.

— Вот здорово! — заявила Цитринита. — Я так устала курировать каждое студенческое сообщество.

— И я бы смог вплотную приступить к практике, — продолжил мысль супруги Рубедо, — а не копаться в этой толще бумажек.

— Ну, ну, давайте избежим рискованных решений, — сказал Доктор Восенев, активно жестикулируя маленькими ручками. — Откуда у барышни может быть глубокое понимание нашей Благородной Науки и ее законов? Я не исключаю, что она на самом деле хотела бы выращивать брюкву. На рынках в этом году на нее большой спрос.

— Вы ведь…превращаете свинец в золото, верно? — спросила Сентябрь.

Все трое разразились хохотом. Субботу передернуло от отвращения, — он не любил, когда кто-либо высмеивал Сентябрь.

— Да это давно уже не загадка для нас! — сказал Рубедо. — Хенрик Грингэллоу, так кажется звали того ученого. Я прав, любимая? Никогда не был силен в античной истории. В том научном труде упоминался даже способ превращения соломы в золото. Юная барышня, открывшая его, не смогла письменно изложить свои исследования, — зато весь год читала цикл лекций, посвященных им. Ее первый ребенок внес в этот труд существенные дополнения, и в итоге она смогла получать солому из золота. И этим помогла решить проблему нехватки жилья для домовых-брауни.

— Хельга Грингэллоу, дорогой. — поправила Цитринита. — Хенрик был ее торговым посредником. Ужасная черта всех мужчин приписывать женские работы их братьям! Но главное, Сентябрь, ты представить себе не можешь, как глубоко вдохнули мы после этого открытия. Тратить столетия на решения одной проблемы это так утомительно. Так что теперь у нас созданы несколько отделов. Рубедо разрабатывает технологию превращения золота в хлеб, чтобы у нас появилась возможность съесть наши излишние богатства. А я пишу диссертацию по Эликсиру Смерти.

— Знаете, по-моему, — произнес застенчиво Суббота, — эти

Осенние владения весьма странное место для проведения экспериментов. Тут ведь ничего не меняется. А как мне известно алхимия — это наука об изменении.

— Поразительно умный мальчик! — воскликнул Доктор Восенев. — Но на самом деле лучшего места для претворения в жизнь нашей программы, чем Провинции Осени, не сыскать. Осень — это сама душа метаморфозы. Мгновения устойчивого равновесия мира пред готовой отвориться дверью зимы — дверью Смерти. Взгляни, как противоречат друг другу в ее мире урожай и изобилие — холодам и невзгодам. Здесь мы обитаем в самом центре жизни, но при этом пронзительно ощущаем неизбежность того, что всё пройдет, сморщится и отомрет. Именно Осень превращает мир из одного в другой. Год конечно отличает сноровка и мудрость, но уже (пусть и не сильно) чувствуется и дряхлость и старческое слабоумие.

— А что такое Эликсир Смерти? — спросила Сентябрь, исследуя наощупь попадавшиеся под руку инструменты: скальпель с маленькой капелькой ртути на лезвии, ножницы и большой клок золотых волос на них, небольшой горшок, внутри которого густая жидкость поочередно становилась то желтой, то красной.

— О! это самое очаровательное, что может быть на свете! — ответила Цитринита, схватившись трехпалыми ручками за сердце. Показалось, что она даже просветлела немного, услышав вопрос, (хотя возможно ли такое в буквальном смысле слова, неизвестно) — Эликсир Жизни, ты это вскоре узнаешь, получается посредством Химусического Венчания, самого таинственного из процессов. То, что получается в результате, в состояние обеспечить бессмертие. А Эликсир Смерти, продукт практически не встречающийся, способен вернуть умершего к жизни. Ну, как в сказке про мальчика и волка. Ты не слышала, неужели. Довольно страшная история; в двух словах если, — то между братьями возник конфликт, и двое убили третьего, всего его исполосовали, но у него был друг Волк, который раздобыл флакон Мертвой Воды и заживил все раны. Неужели, ты правда не слышала? Это очень известная сказка. Но этот Эликсир производит сама Смерть, — если ее вынудить зарыдать: а это очень и очень не просто сделать, уверяю тебя! Так что я пытаюсь синтезировать его из… как бы это сказать… из весьма приземленных ингредиентов.

— А ларец в Пряженном Лесу? Какое отношение имеет он к этим странным изысканиям? — проницательно спросила Сентябрь.

— Ну, — нерешительно ответил Рубедо, — Пряженный Лес

находится в самом сердце владений Осени. Никто из нас там не бывал. Пролетал здесь один гусь и принес весть, что одна девочка направляется туда, и она решительно настроена проникнуть в лес. Что ж, жаль ее очень.

— Нет, тебе никто не запрещает совершить задуманное, — перебил Доктор Восенев, — но на самом деле каждый из нас не рекомендует тебе это. Нет смысла скрывать, — ларец наших рук дело. Боюсь даже, за него мне и присвоили докторскую степень. Но это было очень давно. Ты первая, кто копается в этих делах с тех самых пор, как Королева Мэллоу, — ох!это была она! — затребовала свой меч здесь.

— Так там меч Королевы Мэллоу? — удивленно спросила Сентябрь.

— Нет, нет. Разве я такое говорил? Я сказал, что она затребовала его. Ты же не можешь затребовать того, что уже имеешь. Твоё — оно и есть твоё. Этот ларец очень умная вещица. Как бы тебе объяснить? До тех пор пока его не открыли, он одновременно и пуст и полон. Потому что никто не может знать, что находится под крышкой, — и сказать, что внутри «всё что угодно» вполне может означать «кое-что из большого списка предметов», понимаешь? Но если ты попытаешься открыть его, то сама придашь необходимый облик тому, что окажется внутри. Это такой обоюдо-наблюдательный процесс, сама увидишь утром! Уверен, ты придешь в полный восторг!

— Вот только, Сентябрь, — печально сказала Цитринита, — подобные предметы всегда…хорошо охраняются. Может тебе лучше пока позаниматься с нами, поднакопить необходимых знаний и навыков, а уж потом подступаться к ларцу, как думаешь?

— Но у меня совсем нет времени! Завтра утром у меня единственный шанс открыть этот ларец и вернуться в срок, чтобы сохранить свою голову в целости и сохранности!

— Сентябрь, — прошептал Суббота.

— Тогда давай прямо сейчас составим тебе расписание занятий. У меня завтра утром лекция по Герметике. Думаю, и Цитрина не откажется быстро натаскать тебя по Элементарной Теории Сходств.

— Сентябрь! — чуть громче произнес Суббота, однако в неугомонной и энергичной возне черешидов пропала и эта попытка привлечь ее внимание.

— И знаешь, нам как раз нужен один человек в команду по сквошу! — воскликнул Рубедо. — Надо же какая удача!

— Сентябрь! — завопил Суббота, теперь уже дергая девочку за рукав жакета.

— Что? — дрожащим голосом спросила она, взволнованная чрезмерным количеством криков.

— У тебя волосы рыжеют, — мягко произнес Суббота, смутившись от того, что неожиданно все внимание оказалось приковано к нему.

Сентябрь схватила кончики своих длинных темных волос и обнаружила, что действительно, одна из прядей стала ярко оранжевой и сверкала на фоне остальных. Она дотронулась до неё, поразившись метаморфозе, даже попыталась расчесать, — но в результате прядь оторвалась и облетела вниз, словно подхваченная незримым ветром. Словно пожухший осенний лист.

Глава 12
Материн Сей Меч

в которой Сентябрь пробирается в Пряженный Лес, теряет все волосы, встречает Смерть и убаюкивает её.

— Не надо мне было есть эту еду! — уткнувшись в широкую грудь Вивертеки, убивалась Сентябрь. Отадолэ огромным носом гладил девочку по голове, — потому что это было самым удобным действием в его позе Сфинкса, — но каждое движение непроизвольно отрывало пожелтевшие пряди.

— Не преувеличивай, — пробормотал он, подняв и отведя в сторону голову, — мы ведь тоже её ели!

— Что теперь со мной будет? — продолжала она всхлипывать.

Волос выпадало всё больше и больше, а оставшиеся уже не просто отливали яркой желтизной, но и завивались на концах в причудливые формы, постепенно краснея или коричневея. Для Черешидов это также стало неожиданностью, но никто из них не предпочел расстраивать девочку дальше.

— Выглядит очень даже мило! — прощебетал Доктор Восенев. — Я совершенно серьезен. Это даже к лучшему!

Дол попытался пошутить, что скоро, когда она покраснеет совсем, их двоих станут принимать за дальних родственников, но на Сентябрь это не действовало. Она попыталась закатать рукав зеленого жакета, чтобы показать Доктору, как изменилась кожа, — но жакет, пытаясь так же утешить её и защитить, упорно сопротивлялся. Однако и он не сдюжил в итоге, и Сентябрь вытянула пред лицом Доктора руку, покрытую отнюдь не мягкой чуть смуглой кожей, которая досталась ей от отца, а грубой, шершавой, серовато-зеленой, похожей на кору.

— Вот это к лучшему!? — возмущенно крикнула она.

— Ну, по крайней мене то, что происходит, отнюдь не редкость. Осень — это царство, где всё меняется, так что с этим приходится мириться. Могу лишь предположить, что когда ты уйдешь, ты вернешься к своему прежнему облику. Если, конечно, ты уже не пустила корни.

— И что касается предложенного плана занятий… — встрял в разговор Рубедо, но тотчас же Цитринита толкнула его локтем в бок.

Сентябрь попыталась вытереть заплаканные глаза запястьем руки, но увидела, что оно уже наполовину обросло серебристым мягким мхом.

— Так. Ладно. — коротко произнесла она. — Ладно. Прямо сейчас я отправляюсь в лес. Надо покончить с этим гнусным заданием, а то я завязну тут крепко.

— Ну я бы сказал, что ты больше похожа на вишневое дерево, а не на вяз, — задумчиво пробормотал Доктор Восенев.

— Если бы это что-то меняло! — фыркнул Дол. — Вот если бы у вас были какие-нибудь лекарства, в этой, — он резко кивнул головой в сторону высоченного здания, — вашей ужасной странной башне.

— Но мы не занимаемся медициной, — сказала Цитринита с ноткой печали в голосе, — Для нас изменение — это благословение Осени. Определенно, ее осенила большая удача.

Сентябрь поразилась тому, как Дол отреагировал на эти слова. Он пыхнул тоненькой струйкой огня и подпалил волосы Цитриниты, — такое случилось с ним впервые. И пока она, подпрыгивая и визжа, пыталась затушить пламя, Вивертека пододвинулся ближе к Сентябрь и заботливо огородил ее от дальнейших нападок.

— Как бы вам не хотелось, но это исключительно ее задание. Миссия рыцаря без оруженосца или соратника. — произнес Доктор Восенев. — Так что брызгать огнём здесь совершенно ни к чему.

— Тогда она останется здесь! Одну, без сопровождения кого-либо огромного, вдвое-чем-она умного и огнедышащего я отпустить её в этот лес не могу. А так как среди вас троих я подходящей кандидатуры не вижу, значит ваши варианты рассматривать бессмысленно!

— Дол, — кротко сказала Сентябрь, — если выход единственный, и он таков, значит бессмысленно разглагольствовать о другом варианте.

Она поднялась и, круто накренившись вперед, смогла сделать несколько шагов. Каждый оставлял след из пылавших золотом волос.

— Давай тогда я! — не унимался Дол.

— Нет, я пойду одна. В самом деле, я ведь изначально думала, что никто из вас не отправится со мной в этот путь. Я обещаю, что быстро управлюсь. Главное, без меня никуда не уходите, — дождитесь меня, и ты и Суббота. Я хочу выйти из леса и увидеть улыбки на красном лице и на синем!

Едва не плача от страха крупными бирюзовыми слезами, Дол замахал крылышками так, что бронзовая цепь пронзительно

зазвенела. Суббота, не произнося ни слова, наклонился и оторвал от одной из штанин неширокий кусок материи. Словно браслет, он нацепил его на руку девочки — и она увидела, что несмотря на рваный вид, на нем нет ни единой капли лисапедной смазки. Тут же зеленый жакет в вежливом тоне свел с браслетом знакомство; вежливо, однако надменно, четко обозначая старшинство в их союзе.

— Что это? — смущенно спросила Сентябрь.

— В общем… покровительство. — ответил Марид. — Моё покровительство. В бой…рыцарю не пристало вступать без этого.

Сентябрь, как жест благодарности, нежно коснулась рукой его лица. Но пальцы, уже высохшие, истончившиеся и скрючившиеся, словно веточки, оцарапали щеку мальчика.

Ощущение одиночества сразу же поглотило Сентябрь, как только она прошла несколько шагов. Стараясь не думать о том, во что превратились ее руки, она вдруг осознала, что практически всё время путешествовала в компании, — и теперь ей очень не хватало Дола,(который мог бы рассказать ей разных историй, лишь бы уберечь от паники или угнетения) и Субботы, (который наоборот, молчанием и твердостью внушал ей чувство нежности и надежности).

— Багаж, батискаф, барометр, благодать, бандит, — бормотала про себя девочка, тщетно пытаясь унять дрожь.

Ночь была холодная и мглистая, ярко светили звезды. Вот уже лес стал редеть, — но постепенно прояснилось, что листья и стволы перестали быть его содержанием, и вместо этого глазу представало что-то очень странное: Высокие черные ручные прялки кружились вокруг своих осей, распуская нити шерсти, шелка, и чего-то еще, что Сентябрь затруднялась определить. Как и принято в осеннем лесу, эти нити были красными, золотыми, коричневыми и сероватыми, — и опутывали всё. Толстые и прочные, плотно прилегая друг к другу, они создавали силуэт и форму нескольких растущих вместе сосновых деревьев, — Сентябрь даже умудрилась разглядеть острые кромки прялки, торчащей поверх красной кроны одного из древообразных чудищ.

«Так вот откуда взялся материал для строительства Пандемониума!» — внезапно догадалась девочка. — «Вместо того, чтобы вырубать лес, они его расплели!»

Словно стесняясь показать себя всю, из-за облаков выглянула луна. Тусклый свет пролился на лес, и Сентябрь увидела, что долгий кропотливый путь привел ее на маленькую полянку, усеянную остатками пряжи, словно сосновыми иголками. Тут же были и несколько прялок, цветом напоминавших пергамент. И еще, почти с самого края, сидела женщина; от удивления и испуга

Сентябрь широко раскрыла рот и попыталась прикрыть его рукой, совсем забыв, что пальцы ее теперь были тонкие и растопыренные в разные стороны ветки.

Женщина восседала на троне, сложенном из шампиньонов и моховиков. За ее спиной вымахали лисички, рыжики и сыроежки с разноцветными шляпками, малиновыми рядом с устричными, — они покачивались в такт над ее головой, подобно большому вееру. Да и сама женщина оказалась грибной природы: сливочно-желтоватые опята большой гроздью пригибали головки возле ее коричневого выпуклого лица, образуя воротник платья, а пальцы рук и ног оканчивались кружевными рыже-серыми древесными чагами. Взгляд ее был отрешенный и направлялся куда-то вдаль; понять, о чем она думает по выражению пары трюфелей, бывших её глазами, было невозможно.

— Доброй ночи, почтенная леди, — вежливо (однако очень угловато) кланяясь, произнесла Сентябрь.

Грибная королева ничего не ответила.

— Я пришла за ларцом, который находится в этом лесу.

Грибы шиитаке у ног королевы колыхнулись из стороны в сторону, взъерошенные слабым порывом ветра.

— Надеюсь, моя просьба Вас не обидела, а то у меня катастрофически мало времени и в добавок я вот-вот превращусь в дерево.

Королева открыла рот довольно резко, и из него вывалилось что-то маленькое, похожее на грязь.

— Не обращай на неё внимание, — еще более неожиданно за спиной раздался писклявый голосок.

Сентябрь повернулась. Крохотное коричневое создание, ростом не выше пальца, находилось возле ее ног. Ярко красные губы выделялись на лице, напоминавшем кору орешника. Её длинные волосы закрывали тело почти до самых пяток. В целом она выглядела весьма юной, даже носила шляпку от желудя как кепку.

— Она здесь только для видимости, — сказала малютка.

— А ты кто?

— Смерть. Прям сложно было догадаться.

— Но ты ведь такая малюсенькая!

— Потому что ты сама еще маленькая. Тебе далеко до своей Смерти, Сентябрь, поэтому ты и видишь меня как любой предмет, находящийся на большом расстоянии: и я кажусь маленькой и безобидной. Но это видимость. Потому что на самом деле я гораздо ближе. Я буду расти вместе с тобою, а когда придет мое время, я нависну над твоей кроватью огромным темным телом, так что ты станешь закрывать глаза и прятать лицо в подушку,

лишь бы не видеть меня.

— А она тогда кто?

— Она… — Смерть внимательно посмотрела на грибной трон. — Нечто вроде карнавального костюма на случай, если мне захочется произвести впечатление на высокопоставленных посетителей. Например, для твоей подружки Бетси я наряжаюсь в Громоздкий Двигатель. Мне тоже время от времени хочется, чтобы при виде меня трепетали. Но мы с тобой, я думаю, можем обойтись без вызывающих одежд.

— Но если между нами такой долгий путь, почему тогда ты здесь?

— Потому что мои владения начинаются в Осени. И потому еще, что очень-очень невелика вероятность того, что ты умрешь вопреки моим ожиданиям, и мне не придется поспешно вырастать до громадных размеров.

Смерть многозначительно посмотрела на руку Сентябрь, которая теперь, хоть и была укрыта рукавом жакета, стала прямой, шишковатой, точно ветка, и несгибаемой от плеча до кончиков пальцев.

— Значит поэтому запрещено ходить в Пряженный Лес? Потому что это место обжито Смертью?

— Не забывай про гамадриад. Ох как утомительно их слушать.

— Получается Маркиза послала меня сюда умирать.

— Ну, детка, вот так сразу осудить не в моих правилах. Я забираю только то, что предложено мне. Во тьме, в лесу.

Сентябрь повалилась на землю. Она разглядывала свою засохшую, высушенную зимою руку-ветку; голую макушку холодил легкий ветерок, который уносил последние опавшие желтые пряди. Ей хотелось плакать. Она шмыгала носом, — но слезы не текли, потому что ее глаза стали сухими, как прошлогодние семена.

— Смерть, я не знаю, что мне делать.

Смерть забралась по ноге девочки, которая уже потемнела и стала покрываться рыжеватым мхом, и уселась чопорно на коленке.

— Ты очень смелая, раз признала это. Практически каждый из рыцарского сброда из-за собственного бахвальства принуждает меня играть с ним в шахматы. А я их терпеть не могу! С точки зрения стратегий Робинзонада или даже Го выглядят предпочтительнее. Да и вообще сама метафора некорректна: Смерть — это не мат королю…Это что-то типа ярмарочного трюка. Как бы умно и ловко ты не ходил Королевой, — выиграть ты не можешь.

— Я только с мамой играла в шахматы. Играть с тобой как то не по мне.

— И я всегда обманываю. Когда они поворачиваются ко мне спиной, я переставляю фигуры.

Медленно протекавший процесс в одной из впалых щек Сентябрь наконец завершился образованием крохотного дупла. Инстинктивно, гнущейся рукой девочка потянулась почесать больное место, — и дыра стала чуть больше. От испуга Сентябрь затряслась, ведь разрастание и не думало останавливаться. Сразу же леденящая грязная жижа ужалила пятки, и тело пронзили новые появившиеся сучки и листья.

— Сентябрь, — не меньше испугавшись, промолвила Смерть, — если ты не внимательно будешь меня слушать, то никогда не выберешься из леса! А ты близка к этому, девочка, даже не представляешь как! Я — страж ларца. — крупинки глаз Смерти блеснули задорно. — Я охраняю вообще все ларцы.

Сентябрь зевнула. Это получилось непроизвольно, но она не смогла сдержаться. С глухим треском веточка, проросшая в ее щеке, переломилась и обратилась в пыль.

— Ты спать хочешь? Что ж, не мудрено. В стране Осени деревья спят словно медведи. Все живое замыкается в своих пижамах и перинах, сворачиваясь клубочком, чтобы спать зиму напролет. А вот я — нет. Я никогда не сплю.

Смерть забралась на самую верхушку колена и сурово посмотрела в глаза девочки. Сентябрь изо всех сил пыталась слушать, о чем говорит её Смерть, и не обращать внимания на растущее в щеке дупло.

— А всё потому, что меня мучают кошмары. Каждую ночь, отсмертоносив целый день, я возвращаюсь домой и снимаю свою кожу. Я убираю ее аккуратно в бельевой шкаф, а после этого снимаю все до единой косточки. Их я вешаю на вешалку для шляп. Потом даю своей косе отдохнуть на мышатах и мирре — и приготовленный вкуснейший ужин сама с удовольствием съедаю. Бывают ночи, когда я запиваю всё красным вином; но только не белым, оно у меня не усваивается. И только после этого укладываюсь в постель из лилий. И всё равно сна ни в одном глазу.

Какое Сентябрь было до этого дело?! Над ее головой бесшумно проплывала луна, зловредно улыбаясь своими темными впадинами.

— Я не могу заснуть из-за кошмаров. Мне снится всё то, что умершие хотели бы переделать, иначе пережить. Ужасно просто! Вы так все что ли грезите?

— Наверное, нет… Мне иногда снится как отец возвращается

домой, или как я получаю пятерку на экзамене по математике, или что мы с мамой живем на зефирном острове посреди молочно-шоколадной реки, а волосы у нее воздушные, как сахарная вата. Моя мама всегда поет мне колыбельную, а за всё время мне только один раз приснился кошмар.

— Может быть, я не могу заснуть, потому что никто не поет мне колыбельных песен. А ведь я так устала. Почему все в мире заслуживает сна, а я — нет!?

Уверенность в том, что ей предлагается совершить кое-что, обожгла девочку. Такое случалось уже с ней, когда Широта и Долгота ждали от неё разгадки, — и вот здесь, в Пряженном лесу, она чувствовала, что мир снова превратился в паззл. И как только она догадается, как нужно прилаживать друг к другу детали, — она незамедлительно его сложит. Девочкина Смерть, молчаливо перемалывавшая свои мысли и страхи, уже свернулась на ее коленке калачиком, укрывшись длинными волосами, словно одеялом. Гнущейся рукой, — хотя уже с большими усилиями достигалась плавность движений, — Сентябрь столкнула свою Смерть в мягкую замшелую ладошку. Четкого порядка действий у неё не было, ведь ни братика ни сестренку она спать ни разу не укладывала. Она попыталась вспомнить, как это делала с ней мама, — и сама вдруг едва не провалилась в сон.

Однако встрепенувшись вовремя, Сентябрь ласково убрала волосы с лица своей Смерти и запела:

Засыпай скорей, мой фрегат летучий, —
Путь неблизкий лежит до Луны.
Пусть тебя не пугают тучи,
И твои два крыла могучих
Из бумаги и строк, говорящих чуть слышно,
Ввысь уносят тебя. И мотор уныл
И устал не будет и песнею дышит
«засыпай скорей, засыпай, засыпай».
Засыпай скорей, мой фрегат летучий, —
Мимо звезд твой проложен путь;
На твоих двух крылах могучих
Вместе с солнечным светом жгучим
Будет корочка льда. Через крышу
Сверкнут тебе Марс и Нептун. И пусть
Мотор также бодро, распевно дышит:
«засыпай скорей, засыпай, засыпай».
Засыпай скорей, мой фрегат летучий,
Птицей черную ночь рассекай
На двух крыльях таких могучих, —

Серебром оперенных и сшитых лучше
Нестираемым высью домой стремленьем, —
Светел путь твой в лучах огонька,
Где еще слышно мамино пенье:
«засыпай скорей, засыпай, засыпай».

Окончив песню, девочка поймала на себе почти не изменившийся взгляд Смерти, (разве что веки ее глаз чуточку стали ближе друг к другу), и запела сначала. Возможно, и ее мама также пела ей по нескольку раз. Хотя Сентябрь помнила, что эту песню мама начала петь совсем недавно: когда отец ушел на фронт. И что совершенно точно, как и она сейчас укачивала Смерть, мама поступала и с ней. Точно так же щекотали брови мамины свисающие каштановые волосы, как и сейчас побуревшие кончики оставшихся волос тычутся в глаза не засыпающей Смерти, которой она поет в самое ухо. Мамин запах вспомнился ей со всей отчетливостью: моторное масло, хоть и пахло специфически, никогда не заглушало аромата благополучия, уверенности и комфорта. Вспомнилось, как она полюбила его и научилась укрываться им с головой, словно одеялом. В очередной раз повторяя строчку про Марс и Нептун, Сентябрь почувствовала, как руки и ноги Смерти наконец перестали дергаться, всё ее тело расслабилось, голова удобно улеглась, а волосы рассыпались по отвердевшему запястью. Девочка запела чуть протяжнее, хотя это стоило немалых сил и огромных мучений ее пересохшим и сморщившимся связкам, — и неожиданно произошло что-то невероятное:

Смерть подросла.

Потом еще. И еще. Ее конечности вытягивались, а тело набирало вес. Совсем скоро она сравнялась размерами с самой Сентябрь, — но при этом ни скатывалась из ее ладоней, продолжавших баюкать ее и боявшихся нарушить ее покой.

«Что же я наделала?! — испуганно подумала девочка, — Если моя Смерть так вымахала, выходит я обречена!?»

Но Смерть вдруг принялась тяжело вздыхать и постанывать, не открывая глаз. Сентябрь увидела в ее открывавшемся рту что-то блестящее и угловатое, и как раз в следующее мгновение Смерть широко зевнула.

«Не трусь!» — сказала себе девочка. — «вспыльчивому ребенку положено быть смелым». Она собрала вместе почерневшие, но еще гибкие и пружинящие пальцы, и аккуратно запустила руку Смерти в рот.

— Нет! — застонала свозь дрёму Смерть, испугав Сентябрь и

заставив отдернуть назад руку. — Она все эти годы любила тебя, но ты просто не мог этого заметить и понять!

В следующей своей попытке девочка практически коснулась пальцами загадочной штуки во рту у Смерти.

— Нет! Тогда на перекрестке, пойди направо, а не налево, тебе встретился бы достопочтенный старец и он обучил бы тебя кузнечному делу! — и опять Сентябрь начинать заново.

— Нет! Надо было учить своих сыновей рисовать, а не драться на мечах!

От всех бесплодных попыток Сентябрь бросило в жар. Сильно чесалось дупло в щеке, словно по краям пробивались крохотные молодые листочки. «Хватит пытаться» — сказала девочка себе и глубоко вздохнула. Она поднесла свободную руку к лицу Смерти и погладила ее волосы, думая, не оцарапают ли тонкую кожу пробивавшиеся сквозь пальцы зеленые веточки. Затем с большим трудом согнулась, нависнув над спящей, поцеловала ее в пылающий лоб и в полголоса опять запела колыбельную.

«Засыпай скорей, мой фрегат летучий…» — Одну из граней нащупали пальцы.

«Путь неблизкий лежит до луны…» — Почти как стекло, скользкое и острое.

«Пусть тебя не пугают тучи…» — Сентябрь ухватилась и потащила. Смерть всхлипнула. В ночном лесу птицы сорвались с ветвей.

«И твои два крыла могучих из бумаги и строк…» — С жутким едва выносимым скрежетом штуковина протащилась по горлу Смерти и показалась снаружи. Губы Смерти раскрывались шире; и нижняя и верхняя постоянно двигались в разные стороны, — но особенно верхняя, которую неукоснительно тянуло назад, и скоро она доползла до лба, потом обернула целиком голову. А потом внезапно все тело перегнулось и сложилось словно пополам, — губы снова сомкнулись и с треском, с которым переламываются ветки, исчезли. Исчезла Смерть. Остался только ларец.

«И песнею дышит» — едва различимо закончила петь Сентябрь. Она разглядывала вещицу, лежавшую в ее руке, машинально продолжая ее покачивать. Ларец был сделан из дымчатого стекла и в нем вполне мог поместиться ребенок. Спереди к нему была прикована золоченая бляшка с текстом, — правда его прикрывали красные шелковые веревки, в несколько оборотов обмотанные по обоим направлениям. Вот что было написано:

«Могущество былое ль оживет, когда извлечь
Придет тебе веление материн сей меч»

Не поняв смысла написанного, Сентябрь поскребла жесткими пальцами по буквам. Возможно, кто-нибудь и знает из Вас ребенка, который оставил бы волшебную коробочку не распечатанной, — однако я не знаю. И Сентябрь, повозившись и распутав кроваво-красные ленты, вскоре обнаружила небольшой замочек-защёлку. Она поддела ее веточкой-пальцем, и защелка отпружинила вверх. Лес словно зазвенел в ответ, когда она ударилась о стеклянную стенку ларца. Ожили грибы, формировавшие лицо Леди, закружившись в каком-то плавном, но жутком танце, — поскольку они словно отшелушивались и отлетали одинаково крупными круглыми хлопьями. Сентябрь оказалась в центре этого деликатного хоровода и, не мешкая, подняла крышку ларца.

Внутри лежал большой тяжелый гаечный ключ.

ГЛАВА 13
Осень — царство где всё меняется

в которой наша героиня повержена Осенью, Вивертеку и Субботу похищают, и последнему снится Весьма Странный Сон.

Сентябрь бежала.

За ее спиной, — различимая лимонно-кремовой узкой полосой, — заря толкала и гнала перед собой, словно тачку, иссиня-черную глубокую ночь. Пряженый Лес повсюду блистал бриллиантами замерзшей росы; под ногами переламывались ветки и шуршали листья. Сентябрь тяжело, устало дышала; отвердевшие, одеревеневшие ноги, казалось, двигались не так быстро, как того хотелось. Вдобавок ее преследовало ощущение, что новый шаг окажется последним: суставы грозили сломаться, как только что отросшие, еще хрупкие веточки. Скрипучие Маркизины туфельки болезненно натирали мыски. Жалость об утраченных волосах выветрилась из головы. Все мысли девочки (хотя это само по себе удивляло ее, как в ворохе сплетенных между собой тоненьких веточек, — который она на самом деле видеть не могла, но ярко представляла по образу черепа Смерти, — могли вообще быть мысли) клонились в одном направлении: «Как же мало оставалось времени!»

Сильно спешащие девочки, по своему обыкновению, редко оглядываются назад. А для Бессердечных девочек это тем более верно, на все 100 %. Хотя сейчас мы могли бы утверждать, что по сравнению с тем далеким утром, когда Сентябрь вылезла в кухонное окно, ее сердце подросло и отяжелело, (даже больше, чем она сама допускала), — тем не менее, ей было всё равно, что могло быть позади. А там хрустальный ларец вернулся к своему первоначальному виду. Все подробности девочка естественно пропустила: и то, как, пронзительно скрипя петлями-челюстями, он вновь раскрылся, и то, как возникли ящик и крышка, и между ними появилась Смерть, — по-прежнему бодрая, бессонная и малюсенькая. И то как она поднялась на цыпочках и послала девочке воздушный поцелуй. И естественно, она не слышала, как он пытается угнаться за ней, безрассудно обрывая с веток подмерзшие листья. Конечно, он ее так и не догнал, — что не является неожиданностью ни для одной матери: ведь все дети

носятся гораздо быстрее поцелуев. Скорость поцелуя, (и это подтвердил бы Доктор Восенев) является константой в пределах космоса. Скорость бегущего ребенка предела не имеет.

Вот уже впереди за огненно-рыжей листвой замелькали маленькие домишки Меркурио, поселка черешидов. А спустя несколько секунд, вместе с витиеватыми ниточками дыма, испускаемого печными трубами, (которые отлеплялись от идеально прямых стволов деревьев), до Сентябрь донесся запах тыквенных оладий и орехового чая. Предвкушая завтрак, девочка приветственно закричала. Вместо привычного тумана на этот раз вихрь побуревших листьев вылетел изо рта. «Всё-таки и голос я тоже потеряла» — подумала девочка, не обращая внимания на что теперь похоже ее всхлипывание. Она засунула гаечный ключ подмышку и крепко прижала к телу. Благодаря своим размерам он напоминал руку, готовую ухватиться и туго завернуть любой подвернувшийся болт; в рассветных сумерках он благородно блестел отполированной медью. Вообще блестело и сверкало всё вокруг, потому что роса лежала везде.

Потягивавшийся и зевающий Отадолэ тоже сверкал, словно увешанный гирляндами. Когда Сентябрь выбежала на городскую площадь, ей бросились в глаза полтора десятка кексов, шоколадных и молочных, которые были расставлены на брусчатке между Вивертекой и Субботой, и которыми они по всей видимости играли в шашки. Рядом в кресле, обитом дорогой тканью, с трубкой в зубах сидел довольный Доктор Восенев. Сентябрь радостно улыбнулась, когда все дружно повернули головы поприветствовать ее. Она готова была обнять каждого, но выражение лиц своих друзей мгновенно ошеломило ее и обескуражило; и разумеется никакого смысла винить их за такой прием не было. «Интересно, — подумала она, — глаза мои хоть не изменились?», и попыталась представить, какое бы соцветие высохших семян на облетевшем дереве смогло выразить ее всегда теплый взгляд карих глаз. Не меньшее ошеломление (и даже отчаяние) испытывал и зеленый жакет. Он пытался изо всех сил прильнуть плотнее к фигуре, сопротивляясь нервному подергиванию ветвей на вздымавшейся груди запыхавшейся девочки, — и если бы у него имелись руки, он, не задумываясь, обламывал бы их. Правда, если бы у него был рот, то он бы просто громко и жалобно скулил.

— Сентябрь! — воскликнул Отадолэ, и вслед за этим на ноги вскочил Суббота, разбросав в сторону несколько игровых фигур. — О нет! Нет! С тобой всё в порядке?

Как срубленная, Сентябрь упала на колени. Подбежавший Суббота обнял ее ультрамариновыми руками, стараясь унять

девочкину дрожь и, возможно, рыдания. Он пытался покачивать её из стороны в сторону, — совсем так, как она сама недавно обращалась со смертью, — однако его движения были более скованными и неловкими. Он не мог не обнять Сентябрь, при этом совершенно не знал, что значит обнимать человека и успокаивать его.

«Я понимаю, Суббота, — пыталась сказать Сентябрь, — теперь понимаю».

Охапки бордово-красных листьев вываливались из ее рта. Ветки стукались друг об друга внутри ее горла, — но ни одного слова не было произнесено.

В одном из ближайших домов в окошке показались лица Рубедо и Цитриниты. Оба были встревожены увиденным; на ходу Цитринита нервно пыталась завязать в хвостик свои золотистые волосы. Зато Доктор Восенев никак не реагировал. Он продолжал курить свою трубку и выпускать вверх дым колечками.

«Дол! Маркизе нужна была именно я! Ведь у меня такая мама! — Золотистые листья, выпав изо рта, вихрем покружились по площади и маленьким озерком рассыпались по брусчатке. Суббота нежно коснулся места, где могла оказаться щека, и в этот непродолжительный момент Сентябрь с восхищением поняла, что для него её уродство не имеет никакого значения. — Дол! Она ведь ремонтирует двигатели, поэтому ее меч может быть только таким, понимаешь? Никто иной из ларца его бы не вытащил. Что-то свое, да, что-то особенное: тебе досталась бы книга, а Субботе — дождливая туча. Единственное, что я пока не понимаю, так это зачем ей волшебный гаечный ключ. Но я уверена, что втроем, хорошенько подумав, мы эту загадку решим!»

Сентябрь смеялась, отрыгивая всё больше и больше оранжевых листьев. Она пресполнена собственной исключительности и важности оттого, что ни одна девочка в Королевстве Фей не смогла бы вытащить из ларца гаечный ключ. Местные мамы наверное и понятия не имели, что это такое.

Суббота и Вивертека с нескрываемой жалостью смотрели на густой поток оранжевый листьев.

— Мы должны увезти ее отсюда, — сказала Цитринита. — Не понимаю, почему так быстро такое произошло.

— И часто тут такое происходит, — съязвил Суббота, не скрывая раздражения и беспокойства. Отадолэ, всё это время боровшийся с нависшими на веках бирюзовыми слезами, внезапно моргнул, и крупная капля упала на лоб девочки.

— Вообще-то нет… Хотя как знать, к нам ведь людей не так много приезжает, — смущенно ответил Рубедо.

— Осень, — произнес Доктор Восенев, Наместник и Ректор

Изысканий, — изменяет всё. Возможно и это обернулось бы счастьем, — если бы девочка позволила себе успокоиться. Несколько лет такого существования (естественно при нашем достойном ухаживании) — и она могла бы плодоносить. Пути неисповедимы, и их стоит принимать такими. Куда бы они не вели.

— Но ведь ничего же не изменилось вокруг! — вмешался Отадолэ. — Сегодня вечером тут будет свадьба, и завтра тоже. И жатва и пирушка! Сентябрь, Доктор Восенев, — единственная, кто изменилась здесь! И если вы не ждете Зимы и снега, и если листья здесь всегда будут висеть на деревьях такие же рыжие и красные, то почему Сентябрь стала другой?! Чем она так исключительна?! Или это ваших рук дело? У нас ведь оставалось несколько дней, чтобы успеть к Маркизе…

— Маркиза приказала Вам так поступить с девочкой, — произнес Суббота отчетливо и агрессивно. Его лицо потемнело еще сильней, словно под кожей проплывали тяжелые грозовые тучи, и он качал головой вперед-назад, как раздраженный бык.

— Ничего подобного! — воскликнула Цитринита. — Это всё оттого, что она Зачарованная! Она — человеческое дитя. И ни один из химических процессов внутри неё в Провинциях Осени невозможно предсказать.

— Но о чем-то подобном она догадывалась, — пробормотал Рубедо. — Даже наверняка надеялась.

Доктор Восенев не удостоил разговор вниманием. Продолжая курить, он выпрямился и с непроницаемым лицом осматривал спорящих.

Неожиданно ужасный звук, словно вместо кузнечной наковальни использовали огромную медную тубу, взорвал тихое утро, вышвырнув Доктора Восенева из кресла. Суббота удовлетворенно засмеялся. Однако вскоре его смех смолк и обернулся настороженностью и даже опаской, потому что звук становился всё громче и громче. Рубедо и Цитринита с пронзительными воплями бросились обратно в дом. Они заперли дверь на засов. Глядя на них, Сентябрь вдруг поняла, что не в состоянии сдвинуться с места. Даже просто подняться ей мешали проросшие в коленях веточки и корни. На площади остались лишь они втроем; они льнули друг к другу, а Дол еще пытался прикрыть всех скованными крылышками. А потом появились львы.

Их было двое, и с ними вернулась тишина, — только она не была уже прежней, а была зловещей и непроницаемой, в которой каждый шаг мягких львиных лап был еще более пугающим. Львы были ростом не меньше Вивертеки, а их мех был синего, более

глубокого чем кожа Субботы, оттенка и выглядел, как одинокая зимняя ночь. Россыпь серебряных звезд украшала грив каждого и кисточку на хвосте. Дружно они зарычали, и окрестности задрожали от того самого ужасного звука расплющенной тубы. Суббота от ужаса заорал. Сентябрь пожалела о том, что у нее нету рук, чтобы успокоить его, — но быстрее, чем эта мысль сформировалась, случилось другое: один из львов схватил Марида сильными челюстями. Капли крови цвета морской волны упали на брусчатку площади. Мальчик не проронил ни звука; наоборот, попытавшись дотянуться рукой до Сентябрь, умоляя о помощи, которая не могли прийти, он закрыл глаза. Второй лев, в это же время, широко раскрыв пасть, накинулся на Дола и оставил на красных щеках его морды глубокие длинные царапины. Тотчас же Вивертека повалился с грохотом и раскатисто захрапел, — как доказательство того, что в львиных клыках содержалась неведомая магическая отрава. Хищник ухватил его за загривок и, сверкая звездами, поволок прочь от девочки. Стоит отметить, что ни один из львов даже не взглянул в ее сторону.

— Нет! — завопила Сентябрь, вывалив изо рта на площадь большую кучу бурых листьев. — Нет!

Но вопреки тому, что кричала девочка громко и по-настоящему, помощи и толку от этого быть не могло. Львы не открывали глаз. Маркизины слуги, они спали глубоким сном, который не прерывался ни на секунду, даже когда они исполняли свою ужасную работу и уволакивали добычу при ярком свете дня.

Сентябрь бесшумно плакала, кричала и колотила отроставшими ветвями по брусчатке. Её сердце разрывалось от боли, словно неожиданно и незаметно его пронзили ножом. Маленькие девчачьи печали скоро затопили ее глаза, и когда она подняла голову, чтобы взглянуть на солнце, слезы, похожие на янтарный кленовый сок, наконец потекли.

И Сентябрь понесло их не бурное течение: унося ее от себя самой, дальше и дальше, и вот на несколько мгновений исчез и сам мир.

Ей снился сон. Она понимала это и не пыталась сопротивляться. Она снова стала собой, узнавала себя без труда. Она сидела за столом, покрытым вязаной скатертью, и перед ней лежали несколько изношенных масляных железных шестеренок, а также россыпь неподходящих друг для друга болтов и гаек. Сентябрь понятия не имела, для чего всё это нужно, — но уверенность в том, что если ей удастся сложить все в единый механизм, (каким он явно был задуман), то всё определенно прояснится, не покидала ее.

— Может, помочь? — спросил Суббота, сидевший напротив неё. На нем был выходной костюм с широкими отворотами и запонками на рукавах. Причесан он был аккуратно, а лицо сияло чистотой. Марид взял одну из шестеренок, поскоблил ее ножом для масла и протянул ей.

— Уже ведь совсем поздно, Ноябрь, — произнес юношеский голос. Молодой человек сидел рядом с нею и держал ее за руку. Но Сентябрь, (и это было совершенно точно) он не был знаком. Его странную, отливавшую золотом кожу и густые темно-красные волосы она не узнавала. И глаза, большие и голубые, влажные от бирюзовых слез, не узнавала тоже.

— Меня зовут Сентябрь, — мягко сказала она, узнав свой писклявый голос, которым всегда говорила в своих снах.

— Разумеется, Октябрь, — согласился молодой человек, — Но чтобы тебя слышали в стране снов, следует говорить в два раза громче. Тут всё основано на Акустической Физике. Покажи мне хоть что-нибудь, что на ней не основано! «Акустика» начинается на «а», а «говорить» начинается на «г», — и это значит, что я точно могу помочь тебе. Быть услышанной.

— Дол! Но где же твой хвост? И твои крылышки?

— Сейчас время спариваний, — Вивертека ответил, поправляя лацканы пиджака. — Нужно выглядеть по высшему уровню, Марта.

— Ей откуда это знать, — укоризненно сказал Суббота. Взглянув на него внимательней, Сентябрь рассмотрела кота, лежащего на его коленях: он был синим, и пушистый хвост был украшен на кончике мерцавшей звездочкой, — она ведь ленивица! Учится слабо. Из-за ее нерешенных домашний заданий по физике мы теперь сидим здесь, а могли бы ведь жевать тыквенные эклеры и пить каштановый чай.

— Я ничуть не ленивая! У меня просто не получается!

Сентябрь опустила глаза и уставилась на промасленную шестеренку. Тонкий слой маридовой крови цвета морской волны покрывал ее.

— Мари, Мари, Звонок Звенит, — пропел третий голос. Сентябрь повернулась в другую сторону от юноши Дола и увидела девочку: вид ее был настолько знаком, но отчего-то не получалось вспомнить ни кто она, ни где прежде они могли встретиться. Девочка, чуть покачивалась, видимо, болтала под столом ногами; ее лицо было немного испачканным, и белесые, обстриженные до подбородка и уложенные в глуповатого вида каре волосы обрамляли его. На ней было простое платье, — серенькое и перетянутое желтой шнуровкой, — типичное почти для всех фермерских дочек.

— Да прославится и воссияет Маркиза! — почтительно декламировал Суббота и передал ей крупную шестернку. Она приняла ее и следом протянула руку, которую Суббота поцеловал.

— И В Огород Бежать Велит! — продолжила она петь, хохоча от удовольствия и пуще болтая ногами.

— Ну сколько можно молоть всякую чушь! — взмолилась Сентябрь.

— Я никогда не говорил чепухи, Январь, — произнес Дол, растирая помаду по волосам. — Ты прекрасно об этом знаешь.

Суббота-из-сна вытянул перед девочкой руки. Белые костяные наручники сковывали их.

— Как думаешь, меня имели в виду? Когда предостерегали, что ты потеряешь своё сердце?

— Но Ночь Спешит, Цветы Все Спят, — пропела девочка. Она продолжала смеяться, и стало понятно, что смех этот уже не остановить. Взяв со стола крупную гайку, она откусила от нее, и мягко и бесшумно, словно баранка, кусок растаял в ее рту. — И Ждет Мари Сыра Земля! — Она улыбнулась, закончив песню. Зубы были черными от густого слоя машинного масла.

А потом наступило мгновение, когда перед глазами Сентябрь, словно проплыли все трое ее собеседников: Суббота, Дол и странная девочка с глупым белесым каре, — как нечто единое, связанное, затянутое в формулу клетки, свивающейся спиралью, безотрадную, спящую, скелетообразную, мертвую.

ГЛАВА 14
На самодельном корабле

в которой Сентябрь сменяет Осень на Зиму, встречает весьма состоятельного джентльмена и справляется с проблемой проектирования морских судов.

Снег падал вовсю, совсем не беззвучно, — и это разбудило Сентябрь. Где-то невысоко в небе «у-у-х-у»-кали полярные совы; над ними в плотной пелене облаков проступал нечеткий смазанный но вполне яркий силуэт солнечного диска. Холодный ветер неприятно покалывал кожу.

Девочка открыла глаза — свои собственные глаза! По коже бежали мурашки — она их чувствует! Сложив руки на груди — настоящие руки, вот чудо! — она лежала на импровизированных носилках. Кожа, натянутая между двух длинных сосновых шестов, была пестрой, и ровный тон ее зеленого жакета показался девочке восторженно-глубоким. Впечатление усилили кончики каштановых волос, прикрывавших пояс жакета сверху, и, чтобы убедиться, что волосы — ее собственные, она помотала головой из стороны в стороны. Пряди густыми струями растеклись по сторонам. Она снова жива! Здорова и цельна!

И, словно растревоженные раскачиванием, на Сентябрь обрушились воспоминания: о спящих львах, о том, что они сделали с Субботой и Отадолэ, и о том месте, где она побывала, пока спала. Голос, поющий «Мари, Мари, звонок звенит!» не покидал ее голову, словно затасканный сарафан, практически приросший к телу.

Она одинока теперь.

Паническими, судорожными движениями девочка принялась искать свой меч, — но почти тотчас же обнаружила его тяжелую медную рукоятку с правого боку; гаечный ключ с не меньшей аккуратностью был положен на носилки. Никуда из-за пояса не исчезла и Ложка. Единственным, что она не могла найти, была повязка, подаренная Субботой, его покровительство. Сентябрь поднялась и села, отчего в голове зашумело и заклокотало. Она находилась глубоко в лесу, окруженная черными, голыми деревьями. Осень давно миновала, и всё вокруг покрывал слой сверкающего снега, смягчавшего грани и скруглявшего углы. Снег продолжал падать, отчего зеленый жакет неустанно ворошил сам

себя, стряхивая оседавшие снежинки.

— Вот видишь теперь? Ничего с тобой не случилось, как я и обещала. — произнесла Цитринита. Она сидела чуть в стороне, как будто опасалась чего-то. Переносить условия зимы черешиду было не легко: она растирала трехпалыми руками замерзший нос, куталась в капюшон, который еле налезал на густую копну золотистых волос, а всё остальное время просто растирала руки друг о друга. Наконец, ей удалось звонко щелкнуть пальцами, и из одного пробилось крохотное золотистое пламя. Свободной рукой она застенчиво выудила из-за пазухи кусок пастилы, подцепила его ногтем и принялась обжаривать.

— Куда делись мои друзья? — требуя немедленного ответа, произнесла Сентябрь. Ей нравилось, что голос во всей своей полноте и силе вернулся к ней. И эхо в пустом зимнем лесу ей тоже нравилось.

— Скажи спасибо, что я вообще приволокла тебя сюда. Я могла бы оставить тебя там, и, поверь, это было бы проще и комфортнее, чем связываться с Резервацией Зимы. Отсюда невероятно близко до Весны! Ты представить себе не можешь, как трудно здесь переваривать пищу. Рубедо наотрез отказался составить мне компанию, — а ведь он всегда любил путешествия! На Доктора Восенева я и не рассчитывала даже; он трус на самом деле, и когда львы появились, он хорошенько спрятался. Естественно мы его нашли. И честно скажу, он на тебя очень сердит, — он надеялся зачислить тебя в студенты, но ты… обревнилась раньше. Одним словом, *спасибо тебе большое*, ведь теперь и я чувствую, что без свадьбы я — не я.

— Но завтра у тебя состоится еще одна! Всё это вообще не повод для претензий, — ведь ты можешь вырастать и преодолеть весь путь за три-четыре шага.

— Ну, — смутившись такой проницательности и покрывшись красноватым оттенком охры, пробормотала Цитринита, — Могу, конечно. Так и было. Но вопрос в другом. Не достойна ли я *благодарности*?!

Сентябрь недовольно заскрежетала зубами. Зубы, — как приятно иметь их во рту.

— Куда делись мои друзья? — сухо повторила она.

— Но *мне-то* откуда знать? Нас просили накормить тебя и направить в лес. Если бы мне сказали что-нибудь отличное от «Цитринита, намешай-ка флакончик Жизни для меня!» или «Ниточка, испеки-ка Омолаживающий Пирог!» или «Проследи за этой колбой!» или «Разберись с этими бумагами!» или «Где альманах гоблинских загадок, Ци?» я бы точно запомнила, клянусь тебе! Знаешь, как мне хочется чего-нибудь другого, не

преддипломной рутины! — с этими словами рыжая девушка-черешид хлопнула себя по твердой коленке. — Одним словом, нет никакого смысла расспрашивать *меня*. — Она продолжала говорить, и ее голос становился всё выше и пронзительнее, и всё больше походил на свист закипевшего чайника. — Я не скажу, потому что не знаю. Я приволокла тебя сюда, потому что снегом оканчивается всё, и начинается всё. Вот тут среди снега… в-общем, я думала в Министерстве подскажут… но клерк фыркнул «паапцт'ятельствам»… Одним словом, наверняка они в Одинокой Темнице, куда же еще могут львы упрятывать свои трофеи. И она очень далеко, просто невероятно далеко. Так что, даже если бы это оказалось правдой, такой ответ вряд ли бы тебе понравился. Досрочные освобождения в наши дни строжайше запрещены. А с охранником Темницы, Препротивнейшим Дядькой, тебе, *такой маленькой девочке*, не справиться.

Слова черешида ввергли Сентябрь в ярость. Она вскочила на ноги, и, пылая раскрасневшимся лицом, быстро подобралась к Цитрините. Вот в этот момент, наверное и подействовала ванна Храбрости, в которой ее — о, как же давно! — купала Лия, потому что девочка схватила черешида за плечи и, шипя и задыхаясь, закричала на неё:

— Я не такая уж и маленькая девочка! Я могу, как и ты, вырасти… правда, за чуть большее время!

Отпустив золотисто-рыжую девушку, Сентябрь резко и ловко повернулась на каблуках, подобрала с носилок гаечный ключ и направилась к маленькой хижине, угнездившейся неподалеку между двумя большущими тисами. «В Министерстве подскажут» передразнивала она на ходу Цитриниту, намереваясь теперь уж выяснить всё сама. По крайней мере, именно этим, Министерством, выглядела для неё хижина; ну а если это не так, тогда она сама выглядела бы очень глупой. Оглядываться она не стала. Лишь надеялась изо всех сил.

— Ну прости! — выкрикнула вослед Цитринита, — Серьезно, прости! В Алхимии нет ничего сложного, сама поймешь, когда закончится вступительный…

Дальнейшие слова потонули в заснеженном пространстве, наполненном скрипом каждого нового шага неостанавливающейся Сентябрь.

Увидев свежую краску на табличке, возвышавшейся над порогом хижины, Сентябрь облегченно вздохнула. Ей не терпелось попасть в тепло и снять, наконец, Маркизины туфельки, насквозь промокшие и хлюпавшие растаявшим внутри снегом. Толстые шапки снега лежали на крыше хижины, а по стенам были развешаны связки шишек, — абсолютно

беспорядочно, преимущественно на одной стороне, словно кто-то задумал украсить дом к празднику, но такое занятие оказалось чересчур утомительным и было заброшено навсегда. Надпись, выведенная черным и красным, гласила:

УДИВИТЕЛЬНОЕ МИНИСТЕРСТВО МИСТЕРА АТЛАСА (СВЯТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

На дверь, довольно массивную с виду, была криво прибита железная роза ветров. Сентябрь вежливо постучалась. Изнутри в ответ раздался странный звук, похожий одновременно на фыркание, кашель, плевок и предложение «давай дружить».

— Прошу прощения! Сэр Атлас! Можно мне войти? Я от Цитриниты.

Дверь протяжно заскрипела.

— *Мистер*, киса, понимаешь. МИС — ТЕР. Ты что, видишь Орден Изумрудных Беретов на моей груди? А? Или Бриллиантовый Крест? То-то бы я удивился. Ради Бога, зови меня просто по имени, не печаль старика!

Прищурившись, — так что мешки под глазами подернулись тонкими полосками складок, как на древнем, неоднократно сминаемом папирусе, — старик рассматривал неожиданную гостью. Сентябрь также рассматривала его, и скоро пришла к выводу, что всё в его облике напоминает о часто используемых книгах. Морщины гораздо глубже, словно неаккуратно прижатые уголки страниц, испещрили всю кожу, цвет которой напоминал посеревшую от времени бумагу. Волосы, — длинные и тщательно расчесанные, — свивались локонами в старомодном стиле, свойственном Президентам, портреты которых она видела в школьных учебниках. Объемный живот и мясистые щеки не выглядели так уж неприятно; он не был тучным, а скорее крупным и толстым, как том с чем-то интересным, наподобие сказок. Вдобавок ко всему, всё разумное было словно помещено внутрь волчьей оболочки, ярко выдававшей себя крупными острыми ушами, заросшими сероватым мехом, — и которую не мог скрыть яркий синий костюм, настолько яркий, что действительно сверкал на фоне белого снега. Рукава пиджака были закатаны по локоть, открывая мохнатые крупные руки, покрытые морскими татуировками. Девочка и старик смотрели друг на друга, определённо желая, чтобы оппонент заговорил первым.

— Какай костюм… замечательный, — пробормотала Сентябрь, не скрывая того, что очень стесняется.

— В-общем, — встряхнувшись, ответил Мистер Атлас, — Вода в основном составляет мир. Какой смысл делать вид, будто это условность?

Не понимая, действительно ли ответ был продиктован соображениями логики, Сентябрь, наклонилась вперед и практически уткнулась старику в пояс. С одной стороны, такое поведение было конечно не вежливым, — но с другой, как иначе она бы увидела, что на самом деле костюм представлял из себя карту, всю исписанную мелким красивым почерком. Зеленые пуговицы на пиджаке служили для обозначения островов. Это же выражали и запонки на рукавах. А огромный искрящий бриллиант, который украшал пряжку пояса, имел очень и очень знакомую форму. И Сентябрь тотчас же вспомнила, как увидела впервые очертания этого острова, падая с небес таможенной терминала. «*Самый главный остров*» — подумала девочка. — «*Королевство Фей*».

Мистер Атлас вспомнил об отложенных делах и ушел с порога, не сказав ни слова. Сентябрь проследовала за ним. Они оказались в крохотной комнате, практически всё пространство которой занимал огромный мольберт, и Мистер Атлас в данный момент рисовал на нем крупного морского змея, покрывая тем самым безинформационное пространство океана, омывавшего цепочку маленьких островков. Карта, как оказалось, была не только на мольберте, — невероятным количеством разновидностей (геологическими, топографическими, картой морских глубин, плотности населения, декоративными зарисовками несуществующих местностей, и многими другими) была увешена вся комната. Проще было сказать, что было в комнате помимо карт: одно кресло, мольберт и маленький столик для кисточек и красок. Аккуратно, Сентябрь закрыла за собой дверь. Дверной косяк зафиксировал ее положение, и следом глубоко внутри деревянного тела двери лязгнула потайная щеколда.

— Мистер Атлас, простите, что я вас отвлекаю, но леди-алхимик сказала, что вам может быть известно, где мне отыскать моих друзей.

— Почему это должно быть известно мне? — не отвлекаясь от работы, Мистер Атлас лизнул кончик пера; аккуратная капля чернил осталась на нем, и старик спрятал черный, блестящий язык за зубами. Молчал он, правда, не больше минуты, — По-моему друзья потому и друзья, что знают где друг друга отыскать.

— Но их… похитили. Львы. Два Маркизиных Льва. Она тогда обмолвилась, что они черпают силы из сна, но я не поняла… А теперь, кажется, понимаю.

— Я тоже кое-что умею. Знаешь где я этому научился? — невозмутимо произнес Мистер Атлас, проглотив порцию горячего бренди из большой кружки, странным образом

материализовавшейся в свободной руке; Сентябрь, несомненно видевшая каждое движение, могла поклясться, что со столика старик ничего не брал, кроме пера. — Поверь мне, я не просто так спрашиваю. Туда я возвращаюсь снова и снова, словно корабль, опоясывая землю.

— Нет, Мистер, не знаю.

— В тюрьме, киса несмышленая! Только там можно научиться чему-либо стоящему. Когда вокруг тебя только время и ничего больше. Ни справа ни слева. Ни тем более впереди. Можно Санскрит выучить, можно как магистр научиться играть в Робинзонаду, можно даже выучить все стихи, написанные про ворон, — а их ровно семь тысяч девяносто, (правда, любая даже бесталанная крыса в городе, не задумавшись, даст правильный ответ) — однако, я заметил удивительную вещь. Сколько бы всего интересного не открывало тебе время, в конечном счете увлекаешься лишь одним: хорошим, здоровым сном..

— За что же Вас в тюрьму посадили?

Снова глотнув бренди, Мистер Атлас прикрыл глаза и встряхнул лоснящимися кудрями. Потом он протянул кружку Сентябрь, — и она, махнув рукой на осторожность и предрассудки, тоже порядочно отхлебнула. Вкус напоминал пережженные орехи и немного сахарного сиропа. Потом она закашляла.

— Таков уж удел старых стражей, моя милая. Тех кто служит. Благодаря кому мир продолжает жить. Когда же в нем случаются перемены, нам находится место, где мы не смогли бы повернуть его вспять. — Старик открыл глаза и печально улыбнулся. — Говоря иначе, я преданно служил Королеве Мэллоу. Любил её.

— Вы были солдатом?

— Разве я это говорил? «Преданно служил», — повторил Мистер Атлас, смутившись. Вместо крови в лицо его залили чернила, а волчьи уши быстро запрядали. — Хоть ты и юна еще, но я уверен, ты поняла, о чем я. Может, в давние времена ты бы и правда не ошиблась, назвав меня Сэром.

— Надо же! — восхитилась Сентябрь.

— К лешему всё это! — чертыхнулся старик. — Дела минувших дней. Всё уже ушло, перебродило, выветрилось песнями. Стало историей. Еще одной королевой в Перечне Королев стало больше, и всего.

— А вот Виверте… мой друг Виверн говорил, что люди поговаривают, что она всё еще жива. Что Маркиза прячет ее в подвале или где-нибудь еще. Мест таких у нее, говорят, много…

Мистер Атлас взглянул на девочку, и в его глазах опять мелькнуло выражение скомканного в сердцах пергамента. Он

попытался улыбнуться, и попытка эта была не лучшей.

— В тюрьме я встречал одну даму, — продолжил он, останавливая смущенное молчание Сентябрь, — Прыгучая такая была. Она хранила свою память в виде ожерелья, внутри камней, и носила его, никогда не снимая. Таким образом она могла быть уверена, что никогда не забудет того, что повидала. Ее звали Лииф, — ох, какими мохнатыми и длинными были ее прекрасные ушки! — вот она научила меня сохранять фрагменты памяти на пергаменте. Научила рисовать совершенный маршрут… туда, где осталось всё, что я любил и что знал, пока молодость не оставила меня. Все эти карты — мои, такие же точно, как и жемчужины у Лииф. И я сам — карта. Воспоминание. Желание когда-нибудь, не важно как, но вернуться домой. Я рисовал их всё время, — долгое, нескончаемое время, — пока Маркиза не подыскала мне место здесь, в дикой безлюдной глуши Резерваций Зимы, где не происходит вообще ничего. Ей от меня, конечно, не будет проблем. Но мне здесь даже некому путь подсказать, не то что рассчитывать на душевную успокаивающую беседу.

Сентябрь уставилась на блестящие мысочки своих элегантных туфелек. После глотка брэнди она не чувствовала холода.

— Мне, — тихо сказала она, — нужно отыскать дорогу.

— Знаю, несмышленая. И я тебе подскажу. И в Одинокую Темницу ты попадешь не как все, кого ненавидит Маркиза. — Мистер Атлас принялся лизать кончик пера, пока тот густо не почернел, затем достал монокль, вставил его в правый глаз и низко склонился над картой острова. — Смотри, Сентябрь. Королевство Фей — это остров, и море, окружающее его течет только в одном направлении. Так было всегда и так будет впредь. Морское течение невозможно изменить. Самое дно мира, где расположена Темница, находится чуть в стороне от нас, но кратчайшего прямого пути туда нет. Морское течение не позволит тебе этого сделать. Так что твой единственный путь — опоясать Королевство. И задача это не из легких.

— Вы назвали меня по имени.

— Это лишь крупица того, что мне известно.

— Но тогда вам должно быть известно особое место на острове, откуда путь к Темнице будет совпадать с течением и окажется простым и коротким.

— Конечно известно. Но я тебе его не покажу.

— Но почему?

Мистер Атлас снова нахмурился и фыркнул на свой излюбленный манер.

— Все мы чьи-то слуги, — произнес он подавленно.

Сентябрь живо представила своих друзей, томящихся в

сырой, ужасной темнице, и сердце пронзила сильная боль. Она сжала кулаки и воскликнула:

— Но это не честно! У меня получилось бы доставить ей эту дурацкую штуку за семь дней, если бы она постоянно не вмешивалась!

— Сентябрь, цыпа моя, овечка моя, еще ни разу семь дней не были семью днями. Тремя, восемью, одним, — любым количеством дней, которые ей требовались. Если ей нужно, чтобы ты оказалась в Одинокой Темнице, — значит таков ее замысел, и тебе с него не сойти. И по-моему, — он оглядел медный гаечный ключ, — она предусмотрела дельце там для тебя и твоего клинка. Ну здравствуй, старина! Надо же, вот мы снова встретились. И надо же, где, — посреди снегов и вьюг.

— Вы знакомы… с моим гаечным ключом?

— Ну конечно, я с ним знаком. Правда в дни нашего знакомства он не выглядел гаечным ключом, но на то и друзья, чтобы узнавать друг друга в любых одеждах.

— Но какой же тогда смысл гнать меня таким путем до своей жуткой старой Темницы? Ведь гаечный ключ был уже у меня, когда появились львы! Пусть его бы забрали, а нас оставили в покое!

— Пойми, Сентябрь, такие вещи живут своим ритмом. Пути их бессмысленно осуждать. Меч, вложивший себя в руки избранника, не утратит своей остроты, ловкости и крепости только в его руках. Какими бы сильными не были руки Маркизы, она не имеет права прикасаться к нему. Потому что ты его избранник. Ты дала ему жизнь и форму. И предназначение.

— Как это утомительно, Мистер Атлас. Я так устала, что даже сама от себя не ожидала.

— А так всегда и бывает, — снова фыркнув, сказал старик. Он снисходительно посмотрел на девочку. Потом поставил роспись под последним своим рисунком на пергаменте.

Сентябрь отвернулась от мольберта и, тяжело ступая, направилась к двери. Повернув массивную ручку, она дождалась, когда завершит свой хрип и скрежет потайная щеколда, потянула дверь на себя, — и крики чаек ворвались в хижину. Удивившись, девочка не понимающим взглядом уставилась на прибрежную полосу, уходящую вдаль, и яркое искрящееся море. Волны набегали на серебристый пляж, так же разбиваясь о берег и пенясь, как это было на том, другом пляже, с которого всё началось; правда здесь монеты, ожерелья, короны и длинные блестящие скипетры, диадемы, инкрустированные жемчугом и подсвечники с хрустальными плафонами, слитки и блюда были серебряные. Но море — *Опасное и Несговорчивое*, напомнила себе

девочка, — было знакомого фиалкового-зеленого оттенка.

— Если карта, это предмет, ведущий тебя туда, куда ты направляешься, — без тени задумчивости произнес Мистер Атлас, — то что тогда карта?

— Меч. — не отрывая глаз от волнистой поверхности моря, прошептала Сентябрь. — Кто владел им до меня?

— Неужели не догадываешься. Мэллоу, Моя Дама.

— И чем он был в ее руках?

Прежде чем ответить, — так трепетно и печально, — Мистер Атлас покосился на кружку, немного наклонив голову, и допил остатки брэнди одним глотком.

— Иглою.

Сентябрь переступила порог. Серебряные монетки пляжа бренькнули под ее ногами.

Течение, о котором говорил Мистер Атлас, выделялось на фоне волн темными фиолетовыми струями у самого дна. Они двигались прочь от берега и, наверняка, были холодны, — однако, сколько бы не храбрилась Сентябрь, (перед собой в первую очередь) путь вплавь вокруг Королевства Фей был ей не по силам. Безуспешно она вглядывалась вдаль в надежде обнаружить останки разбившегося корабля или брошенного плота. Пляж был пуст. Вот так, всего одна лодка способна перечеркнуть все ее усилия, весь тот долгий путь, что был проделан, — и еще сделать страдания ее друзей бесконечными. Страшно было представить, какой ужас наводило это темное место на Субботу, — который всегда боялся оказаться в ловушке и под замком. И какого же размера должна быть камера, чтобы поместить туда Дола, — ее чудовище, ее милого огромного Виверна?!

Девочка просто не могла оставить их там на произвол судьбы и Маркизиного гнева. Она отчетливо представляла, что лишних, вполне удобных кресел в каком-нибудь из министерств в заснеженной глуши для них вряд ли отыщется. Их судьба зависела от нее. Точнее, от одной хорошей мысли, — и Сентябрь хотела, чтобы она пришла как можно быстрее.

Поднимая немелодичный звон, — отбрасывая в сторону скипетры или подсвечники, или мыском туфли зарываясь под наваленные монеты, — девочка бродила по пляжу и отчаянно искала любые деревянные штуки. Не важно что, — лишь бы было настоящим и не тонуло. И вдруг ей вспомнились слова ободотеня *«Всё это золото Фей!»,* — но прежде чем его голос прозвучал в голове, в памяти колыхнулось широкое одеяло из мусора (из веток, ореховых скорлупок, цветочных листьев и многого другого), покрывавших тот пляж. — *«Это как в сказке, когда продаешь душу за сундук жемчуга, а на утро обнаруживаешь в нем*

грязь и обноски».

С удвоенным интересом девочка принялась перебирать разбросанные драгоценности и вскоре отыскала внушительных размеров жезл, усеянный сапфирами и внешне похожий на тот самый скипетр, который долгое время справлялся с ее расходами. Однако этот был изготовлен, чтобы, наверное, соответствовать великаньей ладони. Ради эксперимента она приволокла его к воде и бросила в волны.

Волна подхватила его, качнула и отнесла чуть назад, — где следующая волна уже была наготове прибить его обратно к берегу. Он плыл.

Победно вскрикнув, Сентябрь бросилась отыскивать подобные ему вещицы, — и некоторое время спустя на берегу возник ряд из нескольких скипетров и жезлов, тесно прилаженных друг к другу. Капли пота, покрывавшие девочку с головы но пят, сверкали в лучах поднявшегося в зенит солнца. «Но как же мне их связать вместе?» Попытки найти среди серебряных побрякушек цепочку подходящей длины или хотя бы ювелирную проволоку окончились неудачно. Она присмотрелась к зелени, покрывавшей дюны невдалеке, но травинки оказались короткими и острыми, совсем не пригодными для плетения. Сентябрь была в отчаянии. «Но ведь я опять наступаю на те же грабли!» — подумала она — «Естественно, надо использовать что-то другое». И, словно поддерживая невероятный диалог, ее глаза упали на два крупных колечка.

Итак, у нее появились серебряные ножницы. «Что ж. Чему быть — того не миновать».

Она собрала в хвост волосы, (густые крепкие и совсем не красные) и вытянула во всю длинну. По сравнению с тем, что она уже раз лишалась вообще всех волос, перспектива иметь короткие волосы была не столь мрачной. Но поплакать всё таки пришлось — ведь ножницы, это конечно не магия, (где можно что-то переделывать или отменять содеянное) и отрезанные волосы точно уже не вернешь. Это были всего две-три слезинки. Они сползли вниз по щеке, унося с собой печаль и обиду. Сентябрь вытерла лицо и принялась плести тонкие, плотные косички. Их получилось достаточно много. Благодаря им несколько скипетров стали вполне пригодным плотом. Вытащив из-за пояса ведьмину Ложку, девочка приладила ее в центр в качестве мачты.

— Вот так. Теперь с тобой, дорогой Жакет. Поверь, мне очень, очень жаль. Я знаю, что ты всегда был чрезвычайно предан мне, но я вынуждена подвергнуть тебя такой участи. Ты можешь насквозь вымокнуть, но знай, что я прошу у тебя прощения за то, что не могу поступить иначе.

Длинный зеленый пояс пошел на укрепление самодельной мачты. Его хватило на несколько не хитрых, но надежных узлов; а щель между парой скипетров, куда могла бы хлынуть вода, девочка заткнула жакетом. Он не думал вырываться. Он не возражал; мокрым ему случалось уже быть, ну и конечно не принять такие вежливые извинения он не мог.

Всё, наконец, было готово к отплытию. Сентябрь была довольна собой, (и можно было бы и нам гордиться ею, потому что смастерить так быстро лодку удавалось далеко не каждому, и статистика в этом вопросе привела бы очень плачевные данные), — единственное чего не хватало, так это паруса. Сентябрь особой проблемы не видела в этом; на самом деле ей труднее было убедить себя в правдивости слов Лии, мыльного голема: «Даже когда ты сняла с себя всё до последней маечки, с тобой остаются твои секреты, твоя история, твоё подлинное имя. Так что быть обнаженным не так-то просто. И сил для этого потратить придется очень много. А для того чтобы залезть в ванну, ты лишь раздеваешься догола. Всего-навсего до кожи. И нечего этого стесняться. Медведи и лисицы, у которых ведь тоже есть кожа, не стесняются же».

— И я не стану! Мое платье, мой парус! — с вызовом крикнула Сентябрь и сняла свое оранжевое платье. Рукава она обвязала вокруг мачты сверху, а подол снизу, — и незамедлительно ветер затрепыхал его, кое-как раздувая. Маркизины ужасные туфли она сняла тоже, подоткнула их под скипетры и, выпрямившись, уставилась вперед. Девочка ждала, когда волна подкатит ближе, озлобившись, как бывало перед школьными соревнованиями, и дрожа на ветру, — и с первой же попытки столкнула плот в море. Волна понесла его прочь от берега, и Сентябрь, запрыгивая, чуть не перевернула конструкцию вверх ногами. Усевшись у кромки, она принялась гаечным ключом, как будто рулем и шестом одновременно, разворачивать плот по течению и отплывать дальше, где волнение море было немного спокойнее. Наконец, ветер наполнил ее оранжевый парус, и покатил плот тихонько вдоль берега. Вскоре она почувствовала, как ее самодельный корабль подхватило течение, — и вместе с этим внезапно поняла, как же сильно она замерзла. Зубы стучали, а по коже бежали крупные мурашки.

— Я сделала это! Сама догадалась как! Без Феиных подсказок, черешидовых указаний, и даже без всезнайки Вивертеки!

Думая так, ей, конечно, хотелось, чтобы Вивертека всё-таки был рядом с нею, давая четкие инструкции, и следя, чтобы корабль получался достойным, чтобы мог не только держаться на

воде, но и улюлюкать. Однако и собственными силами ей удалось собрать корабль, который крепко держался на вздымающихся и пенящихся волнах; собрать, практически, из себя самой: из волос, из Ложки, своего платья и преданого жакета, — как головоломку, в которой каждое звено оказалось на своем, нужном месте.

С приходом ночи высыпали звезды. Их было так много, что мерцание буквально затопило небо, — и желтый рожок луны как будто плыл по этому мелководью. В той части, куда она направлялась, где было глубоко и темно, Сентябрь видела много незнакомых созвездий. Соединяя в уме яркие точки, она сначала получила фигуру, немного напоминавшую книгу, — и назвала ее Отец Дола. Чуть в стороне, вокруг двух ярких крупных красных звезд, быстро сложилась фигура кошки, — которую она назвала Мой Леопард. Спустя какое-то время она застала несколько падающих звезд, довольно кучно, словно настоящий дождь, — и кусочек неба, который не стала огораживать выдуманными линиями, назвала Дом Субботы.

Ветер тем времени потеплел. Сумрачный и беззвездный контур далекого берега, как нож, двигался по линии горизонта, — как раз к тому месту, думала Сентябрь, где должно было оказаться дно мира. Её пока не смущали мысли о том, что она абсолютно не знает, где это место и сколько времени займет путь; лежа под оранжевым парусом ей было приятно просто плыть. Она неожиданно стала думать о еде, — «ну дурёха, помимо этого еще много неприятностей ждет», — и, совладав с внутренним голосом, вспомнила, как мама и дедушка брали ее с собой на пруд ловить ряпушек. Невзирая на темноту, девочка принялась аккуратно выплетать и выдергивать волоски из косичек, связывавших скипетры, и, набрав семь или восемь, сплела веревочку, которую привязала к гаечному ключу и опустила в море. Она не была уверена, выйдет что-нибудь из этой затеи или нет, — ведь на самом деле, мама всегда забрасывала ее удочку сама, а дедушка всегда насаживал червячков на крючок сам. Точно, ведь крючка у неё не было! И наживки тоже. Но и выбора не было в том числе.

Понимая, что целиком вверяет себя судьбе, Сентябрь вдруг поняла, насколько же захватывающе и ошеломительно это чувство, — плыть в одиночестве ночью под звездами в открытом море. Воспоминание о своем первом видении моря, — которое тогда копошилось в ней настолько неприятно, что его пришлось аккуратно сложить и запрятать глубоко-глубоко (что вообще свойственно детям, выросшим на уединенных фермах, не видевшим никогда Большой Воды), — теперь, по мере своего развертывания и перевоплощения, наполняло ее радостным

смехом и восторгом. Этому чувству не страшны были голод, холод и предстоящие трудности.

Незадолго до рассветных сумерек, Сентябрь уснула. Хватка на гаечном ключе оставалась так же крепка, а веревочка скользила по поверхности волн, абсолютно непривлекательная для рыб.

ИНТЕРЛЮДИЯ, в которой мы возвращаемся к Драгоценному Ключу и его продвижению.

Сентябрь пережила уже столько неприятных и удивительных событий, что у Вас есть полное право поинтересоваться, а что же наш былой друг, Драгоценный Ключ? Что с ним происходило?

Я расскажу Вам. Лишь бы Вы не волновались.

Когда Ключ, наконец, добрался до Пандемониума, то сразу понял, что попал в город изобилия и достатка. Тут было всё: и красота и роскошь и утонченность вкуса, — вот только маленькой девочки по имени Сентябрь не было. Омрачившись этим открытием, он пикировал на улицы и долго бродил по аллеям, стиснутым домиками из органзы, высматривая ее след. Занятие это было не таким уж безнадежным. Ведь вовсе не запах его интересовал, а воспоминания девочки, — которые повсюду оставались в виде зеленых тоненьких завитушек, различить которые могут лишь одинокие одушевленные предметы, (не считая, конечно, некоторых пациентов офтальмологических клиник, о которых упоминать здесь вовсе нет необходимости). В одном из таких поисков он наткнулся на поломанную клетку для лобстеров, в которой держали Субботу, и та трескучим сдавленным голосом рассказала ему, что вся компания отправилась некоторое время назад в Провинции Осени. Большой рубин, инкрустированный в то место, где (если сравнивать с пропорциями человека) могли бы находиться легкие, вспыхнул с новой силой, вдохновленный этой новостью, и Ключ взмыл вверх, набирая скорость и не думая об экономии сил. Он пересек Ячметлицу и Колосящийся Луг, мелькая в небе крохотным оранжево-золотистым пятнышком, не большим, чем лепесток бархатцев.

Совсем скоро он увидел внизу крупное пыльное облако, которое определенно поднимали движущиеся лисапеды, и попытался настичь их, однако безуспешно. Печали, с которой он вопил и взывал к немилосердным небесам, не было конца; но что

же поделаешь, если Ключам не суждено развивать скорость выше условленного предела, даже полюбив всем своим нежным брошковым сердцем. На обратном пути от границы с Провинциями Осени, к немалому своему изумлению, его приметила Кальпурния Далеча; а Пенни, пронзительно восторженно крича, захотела поймать его. Тем не менее, Фея-Наставница не позволила Пенни увлечься всерьез этим занятием и заметила, что домашние животные для кочующего народа это просто нонсенс. Тщательнее присматриваясь к метавшемуся, расплывчатому пятнышку сквозь авиаторские очки, она пришла к такому выводу: «А ведь это — Ключ. А там где есть Ключ, там еще есть надежда».

В Провинции Осени Ключ попал слишком поздно, но, отыскав след Сентябрь, проследовал за ней в Пряженый Лес. Здесь он столкнулся со Смертью Ключей, которую я, признавая свое лингвистическое бессилие, просто не могу описать, — вопреки общему представлению, что все писатели (а это действительно так) это люди, не обремененные стыдом и не признающие никаких законов. Из-за этого многие им не склонны верить. Но даже и писатели способны склонять голову перед Невероятной Тайной.

Одним словом, потрясенный встречей, Ключ покинул Лес, чтобы встревожиться еще больше. Увидев одеревеневшую Сентябрь, всю покрытую листьями, топорщащуюся в разные стороны ветками, беззвучно молящую небо большим темным дуплом, он рухнул на усеянную листьями землю и лежал без движения, даже когда Цитринита в три великанских шага уволокла девочку.

Но что бы почувствовала Сентябрь, если бы оказалось перед замком, который мог открыть только он? Что если иначе нельзя будет выбраться из заточения? Что если вокруг нее не осталось никого из друзей, и она одинока? Терзаемый этими вопросами, (а главное, единственным ответом на них «Ни за что я не брошу ее!»), он снова отправился в путь. Зеленую завитушку следа он обнаружил на розе ветров хижины Мистера Атласа. Там он напился бодрящего укрепляющего чаю и узнал дорогу к морю. Мистер Атлас трепетно поцеловал его, отправляя в дальнюю дорогу; таким образом крохотный бриллиант на головке Ключа помутился в своей глубине стыдливыми красными жилками.

Он устремился над Опасным И Несговорчивым Морем, горячо ощущая свою необходимость и чувствуя, что скоро, — да, совсем-совсем скоро, — он окажется рядом с девочкой.

ГЛАВА 15
Остров Оюою

в которой Сентябрь налетает на мель, узнает о беззащитности фольклора и искушается, правда наполовину.

Остров пришелся кораблю Сентябрь, как большая калоша, — вопреки тому, что, высматривая его в бескрайнем волнующемся море, ей очень хотелось наткнуться на него. Происшествие оказалось неожиданным; но мы не должны воспринимать его, как случайное, и поэтому сваливать всю вину на Сентябрь не имеем права. Течение в этой части моря неслось прямо в лоб острову, так что сил и средств, (даже если бы она сохраняла бдительность и виртуозно орудовала гаечным ключом, как рулевым плавником), справиться с ним у Сентябрь не было. Вот так, проснувшись утром, девочка обнаружила, что ее плот стоит прибитый к берегу, запутавшийся в зарослях лилий и солероса, окруженный крупными цветущими колосьями кремового цвета, название которых никак не приходили в голову. Зато их запах, густой и постоянно обновляемый волнами прибоя, на самом деле разбил ее сон и быстро вымел из головы осколки. Девочка оглядывалась вокруг, чувствуя как щипет пересохшее горло, обжигает кожу солнце и урчит от голода в животе. Руки покрылись тонкой фиолетовой корочкой высохшей морской соли. То же самое случилось и со щеками; одним словом смотреть на девочку было жалко.

«Если здесь кто-то живет, то мне неплохо было бы привести себя порядок» — подумала Сентябрь и первым делом принялась отвязывать от мачты свой парус. Влажная и жесткая ткань прилипала к телу, но многочисленные нюансы испытываемого неудобства принял на себя зеленый жакет, который она застегнула на все пуговицы и подпоясала ремнем. Последним штрихом (вот уж что действительно было неприятно делать) она нацепила маркизины туфельки. Такова жизнь, и как розы не мыслимы без шипов, так и девочки не могут обходиться без обуви. Теперь, покончив с нарядом, Сентябрь чувствовала себя достойной любой компании или любого общества. Она сошла на берег и, раздвигая в разные стороны густо-растущие цветы, принялась искать какие-нибудь ягоды. То, что нашлось, — круглые и твердые, розоватые ягодки, — не было в ладошке даже

горстью. И на вкус они оказались как соленая кожура грейпфрута. «Неужели я думала, что они окажутся на вкус как черничный крем, и на самом деле просто закатились так далеко сбитые с с дерева», — подумала Сентябрь, и, вспомнив о Вивертеке, подавилась и закашляла.

— Опять я одна, — забормотала она, — ничего и никого вокруг, кроме моря и меня самой. Были бы здесь мои друзья, но нет их! Но я доберусь к вам, я обещаю! Мне бы только позавтракать чем-нибудь, воды попить, а то этот крюк вокруг Королевства Фей окажется для меня роковым.

— Ыв сен на, — где-то близко произнес голос, испугав девочку.

Сентябрь посмотрела по сторонам и увидела неподалеку женщину. Казалось, что она проходила мимо и вот-вот продолжила бы путь. Однако вид ее ужасно смутил девочку, — она не могла понять, как одна рука и одна нога и пол-лица и пол-туловища вообще могли производить движение. Но по взгляду единственного глаза женщины и спокойному единственному уголку сжатых половинок губ было понятно, что ей самой это дискомфорта не доставляет. Ее одежда была ладно скроена по ней; брючина лавандового цвета сужалась к щиколотке, бледно голубой камзол не имел петелек и пуговиц. Волосы черные, как ночь, — естественно, половина волос, — были зачесаны назад и ниспадали за спину.

— Что вы сказали? — переспросила Сентябрь. Вопрос заставил одноногую женщину густо покраснеть и прикрыть половину лица половиной высокого желтого ворота. — Ой, простите, не думала, что это прозвучит так грубо. На самом деле я просто ничего не поняла из ваших слов.

— Т’ ов е од, — попыталась исправиться женщина. Не дожидаясь реакции, она, эффектно подпрыгнув, развернулась и поскакала вглубь острова, в ту сторону, куда уходила полоса спутавшихся кустов вереска, покрытых мелкими черными цветами. Ее прыжки выглядели настолько грациозными, что не вызывали сомнения в вершине эволюции передвижения.

Осознавая, что путь к Одинокой Темнице проложен совсем в другом направлении, и, отгоняя мысли о том, что это единственный путь, требующий от нее сил, Сентябрь бросилась в погоню за половиной женщины. В ее загадочных словах и поспешном удалении читалась самая настоящая мольба о следовании ее курсом; другое дело, что попытки окликнуть ее и попросить подождать отзывались невыносимой, обжигающей болью в горле. Сентябрь была догадлива, и это свойство её разума способно было заглушить даже тикание ужасных часов,

отсчитывающих время ее достижения дна мира и невыносимой тюрьмы в нем. Неизвестно, правда, что бы происходило в ее голове, оставь она гаечный ключ на корабле, — но так как этого, (к нашему счастью), не произошло, пульс погони спокойно вел её по вересковой пустоши.

Остров был на самом деле не велик, и настигнуть половину женщины, провозгласив себя победителем в гонке, помешал тот факт, что они обе, практически друг за другом оказались в центре деревушки. Сентябрь сразу поняла, что неведомое создание прибежало домой. Расположенные полукругом строения были полу-домами, — половины стен, покрашенных в милый зеленый цвет, соединяли половины окон с половинами дверей и половинами крыш, крытых черепицей кораллового цвета. Ни в одном другом месте половинка души не чувствовала бы себя более уютно и более уверенно. Длинная лужайка уводила из центра деревни к половине величественного здания, блиставшего серебром половинок колонн и лестниц. Рядом с ним стоял молодой человек, высокий и так же наполовину сформированный, — под стать женщине, которую пыталась догнать Сентябрь и которая теперь стремглав бежала к нему. Оказавшись друг с другом, — производя негромкий причмокивающий звук, — двое соединились в одно. Существо повернулось к Сентябрь лицом, и девочка увидела тонкую линию, мерцавшую на месте невероятного шва.

— Ты вовсе не одна, — раздался голос, не похожий ни на мужской ни на женский. — Вот что мы сказали. Здесь ты совсем не одна.

— Ах вот оно что! — просто сказала Сентябрь и уселась на мягкую лужайку. Невероятность происходящего вместе с усталостью от бега довольно сильно угнетали ее. Ей бы просто сейчас водички! От половинки стаканчика воды она точно не отказалась бы…

— Ты, как самостоятельное существо, не способна понять меня, самостоятельное существо. Потому что я могу произнести лишь половину слов фразы. А чтобы обратиться к постороннему, мне нужно чтобы мой близнец произнес свою половину слов. Хотя какой из тебя посторонний!

— А по-моему самый что ни на есть!

— Не цепляйся к словам! — мягко произнесло существо. — Посторонний тот, кого следует сторониться. Но мы видим, что ты одна из нас.

— Кого это… вас?

— Мы — Оюою. Одночастно-цельные. Пилой Богов нам определено раздельное существование. Меня зовут Так И. А моего

брата — Как. — Вдвоем они, ни в едином месте не натянув и не разорвав мерцающую линию шва, приветственно поклонились девочке.

— Меня зовут Сентябрь, но я вовсе не … Оюою.

— Однако ты одночастна.

— Да ничего подобного! — воскликнула Сентябрь и для уверенности уперла руки в боки.

— У тебя нет тени. — спокойно произнесло Как/Так И и направилось к величественному полу-дворцу. — Половины тебя нет.

Сентябрь поспешила вослед, с трудом взбираясь по половинкам ступенек.

— Но меня не напрягает отсутствие тени, — еле успевая за прыгающим Как/Так И и от этого немного задыхаясь, произнесла она. — То ли дело жить без левой половины! Думаю гораздо труднее!

— Оюою — близнецы. И левая часть у меня, естественно, есть. Она попросту не прилажена ко мне. Точно так же, как и твоя тень по отношению к тебе. Живет своей жизнью, ввязывается в свои теневые заварушки, поет свои теневые песни, объедается на пирушках теневой и сумрачной пищей. Хоть ты ничего об этом не знаешь, — это всё равно твоя тень. И точно тебе скажу, *её* разъединение с тобою напрягает. Каждый должен всегда считаться со своей второй одночастью.

Так И импульсивно задрожала, и мерцающий шов между нею и братом начал медленно тускнеть. Через несколько мгновений она отделилась от него и, схватив за руку находившуюся неподалеку девушку, закружила ее словно под неслышимую музыку.

— Вроде! — вскрикнула половина женщины. — Как долго я ждала!

Пара прижалась друг к другу и с тем же звуком, что и в случае с братом, стала единым целым. Так И в новом облике, выглядя теперь как нормальная женщина (если не считать мерцающего шва, тянущегося ото лба до подбородка), повернулась к Сентябрь и заговорила измененным распевным высоким голосом.

— Разумеется, таких одночастей может быть у каждого несколько. Нас всегда расстраивали те люди, которые были обречены быть собою в единственном виде до самой смерти. С моим братом мы Как/Так И; с моею сестрою мы Вроде/Так И. Сколько таких комбинаций может быть, столько и различных будет общих идей, мечтаний и трудов. Мы — одночасти. И по двое мы образуем совершенное целое

— Ну… я всё-таки не такая, — прошептала Сентябрь. Обдумывая слова, она всё больше пугалась Оюою, даже больше чем Смерть, (хотя отчетливо сказать, чего именно не могла). — Почему вы такие?

— А почему у тебя две ноги? И почему твои волосы каштановые?

Сентябрь вспомнила, что рассказывал ей Чарли Крабодав.

— Эволюция, я так полагаю.

— Вот и мы тоже так полагаем.

— Но неужели у вас не сохранилось историй? О своих предках. О том, почему мир таков, какой он есть.

— Ты про фольклор что ли?

Сентябрь неуверенно поводила плечами, после чего Вроде/ Так И почесала задумчиво подбородок.

— Что-то такое припоминаю. Вроде был когда-то фольклор. И мы его заперли в склепе, чтобы с ним ничего не случилось. Или в библиотеке. Когда одно от другого не отличишь, так и ошибиться не долго. Однако бандиты! Да, бандиты, их не обманешь! Нацепили маски, заготовили мешки. Такое кажется называется Взломом и Грабежом, так ведь? После них остались сущие крохи. Это наверное, хорошо, что бандиты такие растеряхи и вообще неаккуратные. Да, я вроде припоминаю что-то про Космические Ножницы, про Энтропию, немного про То, Откуда Явилась Любовь. Так и мои познания не отличаются от чьих угодно здесь. Всем известны одни и те же крупицы. А полиция в дела глубинки не лезет.

— Мне жаль вашей утраты.

— А мне твоей! Я вот родилась половинкой, так что даже предположить боюсь, как это невыносимо больно, утратить половину при жизни.

— Я, если честно, вообще об этом не задумывалась. Да, когда Голошатай водил за спиной ножом, было действительно больно. Но на этом всё закончилось. Не припомню, чтобы были осложнения или как это там называется.

— Как ты думаешь, чем занимается без тебя твоя тень? Вдруг она чахнет от тоски!

— Не думаю, — после небольшой паузы ответила Сентябрь. Ей вспомнилась зловещая улыбка, с которой ее тень приплясывала, стоя на плечах Голошатая, держась за шелковую гриву его лошадиной головы. Однако, впервые с момента расставания, девочку посетила мысль, что немного невежливо с ее стороны было так быстро забыть о своей тени. Как не написать ей письма, так и ни у кого не поинтересоваться последними сплетнями о ней.

— Девочка, мне нужно идти работать. Смена Вроде закончилась. Мне надо отпустить ее подремать, ей еще жарить рыбу.

— А что это за смены, о которых вы говорите? — заинтересованно спросила Сентябрь. — И можно здесь раздобыть хоть немного воды?

Разумеется, девочке не надо было объяснять, что такое смены. Это были Солнца и Луны ее старого мира, — мира, где ее мама ходила на работу, — разделявшие всё на отрезки, когда мама была не рядом, и когда была рядом.

— Я шью обувь, девочка! Мы все здесь это делаем. Мы — работники фабрики. До восшествия на престол Маркизы мы просто загорали на пляжах, ели манго и пили кокосовое молоко, — ни на секунду не задумываясь, что существует такая вещь, как Индустрия! Мы ей так благодарны, что она открыла нам глаза на нашу лень! Теперь занятость доставляет нам истинное наслаждение; что можно сказать и о перфокартах и о налогооблагаемом доходе.

Сентябрь задумалась и прикусила по обыкновению губу. Интересно, приложила ли Маркиза руку к похищению фольклора? Но вместо этого она угрюмо произнесла:

— А мне манго нравятся.

— Мы шьем туфельки для подменышей, — не отвлекаясь от темы продолжила Вроде/Так И. Сентябрь поняла, что величественное серебряное здание, к которому женщина целеустремленно шла, и было фабрикой.

— И больше ни дли кого?

— Ну знаешь, их не так уж и мало. Опять же, бандиты. Не дают расслабиться. И хочу тебе сказать, что шить обувь для подменышей само по себе не просто.

Сентябрь помалкивала. Такой вид поведения, сопровождаемый заинтересованными взглядами и ученической выправкой, всегда приводил к какой-нибудь полезной лекции.

— Именно поэтому мы идеально подходим для этой работы. Мы так далеко к югу, что сильные и плотные магнитные поля пронизывают здесь каждый дюйм. Если подменышей будут обувать в туфельки других фабрик, они смогут запросто упорхнуть обратно в свой мир, и представляешь, какой травмой это обернется порядочной фее, честно укравшей его.

— Но я ведь не могу упорхнуть.

— Но ты и не подменыш! Вместо тебя не подкладывали куколку или дитеныша гоблина, чтобы она потом спускалась ужинать и садилась на то место, где были поставлены тарелка для тебя и вилки и ложки и стакан с соком. Скажу тебе, что

между нашим миром и твоим на самом деле гораздо больше путей. Для подменышей одна дорога. Для Зачарованных — другая. Для Наткнувшихся — третьи; их кстати великое множество: и сквозь щелочку в кустарниковой изгороди, и из гардероба, увешанного зимними шубами, и сквозь кольцо грибов. И даже с помощью торнадо, что не менее опасно. Следить приходится за всеми, но за подменышами нужно сил гораздо больше. Даже если кто-нибудь их похитит, их туфельки не дадут им упорхнуть. Это место притягивает их, потому что в подошвы их туфелек вшиты железные пластины. Тебе известно ведь, что железо в открытом виде в Королевстве Фей запрещено. Повальная аллергия и всё такое. Но Маркиза научила нас принимать специальные пилюли, чтобы мы не страдали.

— А расскажите про Зачарованных. Как им попасть домой? — «Ну вот и наступил момент, когда мне захотелось попасть домой», додумала Сентябрь про себя.

Так И ухмыльнулась, обнажив острые волчьи зубы.

— Мне откуда знать? Или почему мне об этом говорить? Могу тебе сказать, что Наткнувшимся много проще.

На пороге величественной половины фабрики Так И подцепила на согнутую руку большую кипу нарезанных пластов кожи. Поймав заинтересованный взгляд девочки, она скосила глаза в сторону фабричного колодца, подтвердив совет легким кивком головы в ту же сторону. Почти тотчас же Сентябрь оказалась там, и, быстро наполнив медное ведро, жадно припала к его краям. Напившись и неожиданно икнув, она вновь обратила на себя внимание Так И.

— Знаешь, я могу сшить тебе другую пару туфелек, — задумчиво поскребывая подбородок, произнесла она. — Они будут работать по другому. Реверсивная технология, может выйти. Отведут тебя домой.

— Вы серьезно?

— Вообще туфельки забавные создания. Ты думаешь, что это всего лишь предмет одежды, но на самом деле — они живые, одушевленные. Они способны хотеть. Причудливые, украшенные бриллиантовыми пряжками хотят оказаться на балу. Массивные и выносливые — на заводе или в шахте. Тапочкам хочется танцевать. Ну или спать. Туфельки выбирают путь, на котором окажется их носитель. Переобуваешься — значит, меняешь путь. — Так И многозначительно всмотрелась в маркизины лакированные черные туфельки. — Туфельки подменышей хотят оставаться здесь. Держу пари, что у меня получится сшить для тебя пару, которой будет хотеться попасть туда, откуда ты пришла. Ну да, немного старой грязи под каблук, немного

дьявольской соли в застёжку пряжки, подбить всё шипами взросления. Проснешься утром, по-обычному побежишь в школу, даже бутерброд с ореховым маслом прихватить не забудешь. И всё покажется тебе сном, — какие-то волнения, ошибки, стыд. И забудется все, как сон.

Сентябрь, не скрывая, размазывала по щекам слёзы. Она так соскучилась по маме. Она лишилась тени и состригла волосы. Локти потрескались от соли. И она так устала; невозможно устала, — разве могла она предположить, что приключение окажется таким выматывающим. Голод истончал ее изнутри. И тоска по Вивертеке тоже, даже больше! Но главное, она даже представить не могла, сколько это еще продлится. В собственных глазах Сентябрь не была безгранично смелой, и просто мысли о жажде, которую вызывало море, или об акулах, которые могли ей встретиться, вызывали в ней панический страх. Конечно, под сиянием высыпавших на небо звезд и при теплом попутном ветре и с горячими струйками брэнди Мистера Атласа, циркулирующими по телу, море не выглядело опасным. Но сейчас всё другое. Больные колени, негнущиеся пальцы, одиночество. Влажное царапающее кожу платье. Туфельки. Проклятые, ненавистные туфельки.

— Нет, я не могу. — пролепетала она наконец. — Не надо. Мои друзья не привиделись мне. Я нужна им. Кто еще выручит их, если не я?

— Ах девочка, какое же у тебя мягкое сердце, — сказала Так И, — Естественно, на него она тебя и ловит.

— Откуда…

— Я разбираюсь в туфельках, малышка. И *эти* туфельки я знаю. — Оюою содрогнулась, сознаваясь в своей беспомощности. — Но понимаешь, мне нельзя опаздывать на работу. Надо выручать из неприятностей других чудовищ этого мира.

Прижав палец к переносице, Так И надавила сильнее и проделала брешь в мерцающем шве. После чего, в течении нескольких мгновений он полностью погас, и две половинки отделились друг от друга. Вроде поклонилась сестре и ускакала прочь. Так И подпрыгнула ближе к автоматическому терминалу, вытащила перфокарту и вставила внутрь. Дверь открылась, и половина женщины скрылась за ней.

Проводив ее взглядом, Сентябрь развернулась и пошла обратно к пляжу. Маленькие черные цветочки пустоши вскидывали бутоны, как головы, при каждом ее шаге. Дойдя до берега, девочка сняла платье и снова приладила его вместо паруса. Корабль недолго попрыгал с волны на волну, когда она

сильно оттолкнулась гаечным ключом от берега, но потом течение подхватило его и понесло прочь от острова.

— Я не одна из них. — сказала она самой себе. — Что бы они обо мне не говорили. И на глупой старой фабрике я не работаю. И моя тень — не одночасть меня.

Она думала о Доле и Субботе. О том, какими одинокими и неприкаянными чувствуют они себя на дне мира, в его непроницаемой тьме. И от этих мыслей часть ее самой, которая была всецело привязана к ним, заболела и заныла, словно беспрестанно обжигаемая длинным мерцающим швом.

ГЛАВА 16
Лишь Движущиеся фигуры

в которой Сентябрь, несмотря на огромное отвращение, наконец, наедается.

Волнения на море практически не было. Белая луна следила за Сентябрь и ее кораблем, словно со средних рядов огромного амфитеатра, пряча за благороднейшей рукой лицо и ухмылку на нем.

— Я поймаю рыбу, вот увидишь! — крикнула Сентябрь, задрав на мгновение вверх голову.

И вернулась к решению проблемы крючка. Роль была не завидная. Сплетенная из волосков веревка была давно закреплена вокруг рукоятки гаечного ключа и уже долгое время беспомощно вздрагивала на слабом ветру. Девочка на коленках переползала с одной стороны плота на другую, надеясь отыскать в темноте хоть что-нибудь подходящее. Жезлы, державы и скипетры как нарочно были безыскусны и непричудливы, хоть и инкрустированы камнями. Внезапно почувствовав ладонью какие-то выпуклости, похожие на кудряшки, она пригляделась и увидела, что часть серебряного скипетра ближе к голове декорирована в виде шкуры животного. Но поверхность оставалось такое же гладкой, как и все остальное. Сентябрь в сердцах шарахнула по массивной рукояти гаечным ключом. Вот уж кто действительно истосковался по сечи! Легко он прошел сквозь серебро и разбросал вокруг металлическую стружку. И к удовольствию девочки среди осколков оказался один похожий на крючок.

— Так, теперь нужна наживка, — произнесла она.

Задумчивость быстро обернулась отчаянием и короткими, хотя вполне пристойными, проклятиями. Но и это продолжалось недолго.

— Какой смысл жалеть о тех маленьких нелепых ягодах, — сказала она и уселась вплотную к мачте. Хорошенько уперевшись спиной в Ложку, Сентябрь поднесла подобие крючка к большому пальцу и, зажмурившись, вонзила острие в подушечку. Какое то время она терпела боль, заводя серебряный осколок глубже под кожу. Когда сил сдерживаться уже не осталось, она аккуратно вытащила крючок из пальца. Вскрикнула, но не заплакала, хоть слезы боли и застилали глаза; но что была эта боль по сравнению

с ее голодом. Удовлетворенно оглядев густо-красный от крови крючок, Сентябрь бросила его в море и принялась ждать.

Для многих не секрет, что рыбалка — это довольно нудное занятие. Рыбы мало того, что упрямы, так им еще и не по нраву оказываться убитыми и съеденными. Тут нужно уметь дожидаться; часто случается, что ждущего сламывает и одолевает сон, и это вовсе не означает, что это самый удобный способ дождаться улова. Его вполне может не быть. От скучно сидевшей без движения, точно Смерть, девочки, отвернулась даже Луна, — обратившая свое внимание на далекий темный сосновый лес, где гоняли друг друга куницы и летучие мыши. Лишь звезды неспешно следовали проложенным путем через небо, — но что им оставалось делать?

Наконец, веревочка из волосков натянулась и заходила ходуном из стороны в сторону.

— Что тут такое! — вскакивая на ноги, заверещала Сентябрь, — Я чувствую себя как будто на Рождество! Еще не знаю, что внутри коробки, но уже чувствую, что хочу увидеть!

Перехватив двумя руками гаечный ключ, она с силой потянула его на себя, и когда приз вышел из воды и упал на палубу, Сентябрь тоже повалилась на спину. Она увидела розовое создание, цвета не менее насыщенного, чем фломастер; импульсивно открывая рот, оно пыталось насытится воздухом вместо воды, и изгибалось в конвульсиях, жалостливо выпучивая огромные изумрудные глаза. Всё это стало ясно Сентябрь во мгновение ока.

— Я знаю, что ты не хочешь, чтобы тебя съели, — чувствуя ужасную неловкость, пробормотала она. — И я действительно не хочу тебя есть! Вот только уже два дня у меня во рту не было ни крошки, и мне просто крайне необходимо что-нибудь съесть!

Рыба беззвучно раскрыла рот, на этот раз шире.

— Вот если бы ты была волшебной рыбой, умела бы исполнять желания, я бы предпочла тебе один из обычных черешидовых пиров, ну или тарелку редиски, которую любит Дол.

Воздух, который жадно хватала рыба, лишь заставлял ее сильнее бить хвостом о палубу плота.

— Ну прости меня. — в конце концов прошептала Сентябрь. — Мне не хочется гарантировать себе еще один день, разжевывая и проглатывая другое существо! Ты — живая. Но и я — живая! А живому не о чем беспокоиться, кроме как о необходимости оставаться живым. Так ведь и ты собиралась съесть мою кровь, только попалась на крючок. По-моему, я слишком много болтаю. Ты, по-моему, совсем не волшебная.

Стоит сказать, что Сентябрь и понятия не имела, как убить

рыбу. Обычно это брали на себя либо мама, либо дедушка. Зато с логикой у девочки проблем не было. Рукоятка гаечного ключа должна была знать свое дело, и с третьего раза (потому что, ударяя по голове первый раз, Сентябрь зажмурилась и промахнулась) голова розовой рыбы отвалилась в сторону. Внутри девочки колыхнулось неприятное чувство от совершенного, однако ему не суждено было длиться долго, потому что Сентябрь знала, что в голове не так уж много вкусного и питательного. Но и в плоть сразу вгрызаться нельзя, — нужно сначала выпустить внутренности наружу; Сентябрь, отвернувшись, чтобы не видеть, что творят ее руки, воткнула в брюшную полость серебряный крючок. Розовая кожа оказалась толще и прочнее, чем девочка предполагала, однако усилия и терпение проложили вдоль брюха неровный, зато непрерывный шов. Липкие от крови пальцы в лунном свете выглядели устрашающе черными. Наконец, разведя кусочки брюха в стороны, Сентябрь запустила внутрь пальцы, и разразилась крупными горячими слезами, которые скатывались по ее щекам, падали вниз и исчезали внутри спутанных теплых и скользких рыбьих внутренностей. Одним резким движением она вырвала из тела и пузырь и кишки и всё остальное, о чем она не знала, и выбросила их за спину. Её ужин лежал теперь перед нею. И она плакала над ним, сидя на коленях.

Не думайте, что это были слезы беспомощности. Пусть до этого момента она сталкивалась с рыбой исключительно в виде жареного филе, посоленного и политого лимонным соусом, сейчас поблизости не было никого, кто мог бы подсказать, как нужно готовить, чтобы получилось так же вкусно. Утешить изголодавшую девочку хотели и зеленый жакет, который, хоть и намок очень сильно, пытался развести для нее огонь, (совсем не зная, что подобное ему не по силам), и луна, которая горячо и беззвучно аплодировала, всячески желая успеха, — но вот помочь духовой плитой естественно не могла, и поэтому просто не отрывала глаз от размеренных умудрённых движений девочки, которая сидела на плоту, шатаемом волнами, и полосками отрывала мясо от костей.

Сентябрь ела розовую рыбу сырой. Медленно и тщательно пережевывая. Облизывая кровь с пальцев, повинуясь голосу инстинкта, который настаивал на том, чтобы какая-то влага поступала в организм за неимением питьевой воды. И не переставая рыдать, — сводя на нет этим ужасным круговоротом влаги все старания.

Незадолго до того, как сгустились сумерки, Сентябрь опознала на поверхности акулий плавник. Обычная жизнь в

Омахе вообще-то не способствует накоплению обширных знаний о природе и характере этих рыб, тем не менее, где-то в глубине девочки, (где возможно обитают воспоминания всего человеческого рода), всколыхнулось и зацарапало что-то. Вид этого черного треугольника, блистающего в лучах уходящего солнца, начисто лишил ее желания спать. Она очень устала за день и глаза прямо слипались; устала от монотонности морской глади, на которой не было ни барашков пены ни сверкающих брызг, и медлительности течения, несшего ее плот, на котором беспомощной тряпкой висело на Мачте-Ложке оранжевое платье.

«Естественно, такое сплошь и рядом случается в пиратских историях» — вспомнила девочка, — «стоит кому-то упасть за борт — и вуаля! Тут же рядом акулы. И кого-нибудь обязательно да съедят. Но я-то не пиратка, у меня ни шляпы с пером нет, ни сабли. Так что, может, меня вовсе и не станет преследовать этот их пиратский рок».

Плавник двигался вокруг плота, с каждым новым витком приближаясь чуть ближе. Вскоре Сентябрь увидела под водой темный силуэт всей рыбы; она показалась ее совсем не громадной, хотя и довольно большой. Таких размеров мог быть детеныш, и Сентябрь подумала, что, утолив любопытство, он оставит ее в покое и уплывет.

Тем не менее, следя за кружащим черным треугольником, Сентябрь забилась в самый центр плота. Ей хотелось быть подальше от кромки воды, откуда бы не случилось нападение. Круг, описываемый плавником, становился всё меньше и меньше, и в конце концов большая темная туша зацепила плот, заставив скипетры неприятно лязгнуть, а девочку пронзительно испугано вскрикнуть. Сентябрь схватила гаечный ключ так сильно, что побелели костяшки пальцев. «Если все твердят, что это меч, так пусть так оно и будет», — подумала она, приготовившись вонзить его в тело акулы. Ужас предстоящей битвы заполонил её разум.

— Пожалуйста, — прошептала она, — не ешь меня. Я съела рыбу, и я прошу прощения.

Ленивое медленное кружение акулы вокруг плота не прекращалось. Видимая полностью, она перевернулась на ходу, грациозно демонстрируя черное брюхо. Несколько золотистых полос тянулись по бокам черного тела. Крупные золотые глаза безжалостно таращились из воды на Сентябрь.

— И зачем ты просишь прощения? — спросила она скрипучим, но не пронзительным голосом. — Я вот ем рыбу, потому что она для этого создана.

— У меня есть впечатление, что то же самое вы думаете и о маленьких девочках.

— Определенно, — моргнув, ответила акула, — о некоторых из них.

— Значит и Вас кто-то ест?

— Определенно, рыба покрупнее. — Акула всплывала к поверхности, если ей нужно было произносить слова, а всё остальное время продолжала лениво кружить вокруг.

— Вы меня съедите?

— Зачем ты всё время говоришь про еду? У меня вот-вот заурчит в животе от этого.

— А меня вот-вот стошнит, от Вашего постоянного кружения, — ответила Сентябрь, прикрывая рот рукой.

— Я не должна останавливаться, — проскрипела акула. — Если остановлюсь, то пойду ко дну и умру. Такова моя природа. Всегда двигаться. Даже когда добираюсь до своей цели, уплываю к новой. Такова жизнь.

— Правда что ли?

— Для акул определенно.

— А я — акула? — слабым голосом спросила Сентябрь, потирая ободранную коленку.

— Внешне не очень похожа, но я же не натуралист, чтобы утверждать точно.

— Я что сплю? Всё так похоже на сон.

— Я бы не сказала. Но если хочешь проверить, я могу тебя укусить.

— О, спасибо, не надо! Мне нужно еще кое-куда добраться. — тихо пробормотала девочка, вглядываясь в простирающуюся спокойную серую даль.

— Это верно.

— Мне нужно добраться дотуда, чтобы потом получалось добираться еще куда-нибудь, до скончания дней.

— Ну вовсе не так долго.

— Акула, почему ты меня не ешь. Я съела маленькую рыбу, и тебе следует съесть меня.

— С какой стати?

— Но ты же акула. Твое дело — съедать.

— Ничего подобного. Мое дело — плыть. Рассекать волны. Гнаться. Спать. Видеть сны. Я знаю, как выглядит изнутри Королевство Фей, я видела все его темные места. И я видела тень, которой была выкуплена моя маленькая дочка и спасена от смерти. Такой ценой за одну жалкую рыбешку.

— Крошку Пуку? — удивленно воскликнула девочка.

Акула нырнула глубже в море и, ударив плавниками и хвостом по поверхности, совершила искусный пируэт.

— Все мы лишь движущиеся фигуры. Мы движемся и

однажды остановливаемся.

Больше акула ничего не сказала. Неожиданно откуда-то набежала большая волна, и она нырнула в нее, устремляясь глубже и глубже. Почти тотчас же, ударившись о плот, волна окатила Сентябрь множеством фиолетовых брызг. Она инстинктивно зажмурилась. И это случилось сразу вслед за моментом, когда она увидела, как превращается в две ноги длинный акулий хвост.

ГЛАВА 17
Столетки

в которой Сентябрь обнаруживает большое количество использованной утвари, но в итоге обнаруживает себя в непроницаемо-темном месте и немного света рядом с собой.

В этот раз приближение острова не стало для Сентябрь неожиданностью. Зелено-золотистый бугорок возник на горизонте к концу пятого дня плавания, и корабль был незамедлительно перенаправлен в его сторону. Девочка страстно желала ступить на землю, ощутить ее твердость. Ну и естественно напиться настоящей воды и поесть хлеба. Причалив к берегу, она долго и радостно возилась в теплом песке пляжа, почти как несмышленый щеночек. Потом отыскала несколько кокосовых орехов, прикатившихся к берегу из недалеких джунглей. Расколотить об камень самый крупный из плодов не составило ей труда; даже двух ударов не понадобилось.

В море девочка становится сильной, это факт.

Не отрываясь от водянистого молочка кокоса, причмокивая и хлюпая, Сентябрь затащила плот на берег и принялась одеваться. Она туго затянула пояс зеленого жакета, снова взяла половину ореха и приступила к выскабливанию и поеданию нежной белой мякоти. Всё это происходило на ходу. Ноги сами вели девочку вглубь острова, где, скорее всего, могла оказаться еда получше и посытнее. Ей не жалко было потратить какое-то время ради ланча, благо, что Одинокая Темница, по ее мнению, должна была быть уже где-то поблизости. Ну и конечно, этим поиском она избавляла себя от необходимости снова рыбачить.

К ее разочарованию нигде по всему островку не показывались стены или крыши деревушек. Струйки дыма, поднимающиеся из печных труб, нигде не указывали на существование дома или жизни. Густая зелёная трава бесшумно трепетала на легком ветру, который не приносил ни выкриков глашатаев с главной площади поселения, ни колокольного перелива из местной часовни. Потом она обнаружила в траве какой то хлам.

Его оказалось очень много, как будто тут был специально устроен пункт приема утиля. Чего тут только не было: и старые сандалии, и алюминиевые чайники, и поломанные зонтики, и ширмы, с разорванными шелковыми полотнами, какая-то

глиняная посуда, много разбитых часов, фонарей, бус и четок, у которых не хватало звеньев или косточек, даже заржавевшие мечи.

— Ау! — крикнула Сентябрь. Ветер подхватил ее крик, но скоро обронил его где-то среди травы. — Какое одинокое место! Такое ощущение что кто-то позабыл убрать за собой… Как будто вообще никогда не убирался. А впрочем, тут наверняка найдется для меня пара туфелек…

— Держи карман шире!

Сентябрь от неожиданности чуть не подпрыгнула. Сначала ей захотелось пуститься наутек, забраться на плот и уплыть подальше, однако потом любопытство взяло верх над здравым смыслом. Девочка с интересом всматривалась в высокую траву, однако обладатель странного голоса не спешил показываться. Всё, что она смогла разглядеть, было парой старых соломенных лаптей.

Останавливая протягиваемую руку девочки, которой хотелось рассмотреть предмет поближе, на пятках лаптей открылись два старых желтых глаза и знакомый голос зазвучал вновь:

— С какой стати ты считаешь, что я стану твоим? Я уж точно, и по опыту тех, чьи ноги я уже поломал или раззудил, я догадываюсь, что недалек от истины!

— О, я… прошу прощения! Я даже не думала, что вы живой!

— Совсем неудивительно. Все двуногие мыслят одинаково, — только о себе.

Последние звуки слов потонули в сумбуре грохота, скрежета и клацанья, с которым свалка утиля пришла в движение. Предметы оживали и подбирались ближе к Сентябрь, окружая ее. Складываясь и раскладываясь, движущаяся ширма напоминала одновременно гусеницу и аккордеон. Чайники направляли носики в землю и, резко выпуская пар, подскакивали и выпрыгивали вперед. У глиняных горшков отрастали мускулистые толстые ноги. Большой оранжевый абажур парил, покачиваясь на ветру и размахивая зеленой кисточкой, приделанной к низу.

— Мистер Лапоть…

— Меня зовут Ганибал, к твоему сведению.

— Ганибал, да…Прочитав довольно много книжек, повстречавшись с черешидами, узнав Пуку и Вивертеку, я всё равно бессильна даже предположить, что Вы такое!

— КТО! — негодующе воскликнул лапоть, подпрыгнув на месте и примяв траву, словно от топота. — Что за неуважительное отношение к вещи! Я живой к твоему сведениюЕсли со мной говорить, то как с КЕМ-ТО! По крайней

мере, как КОМУ-ТО. Потому что мы — Цукумогами.

Сентябрь сразу вспомнился Мистер Атлас и его характерный полу-всхлип, полу-кашель, — смысл которого так остался для нее не ясен, но сочетание звуков вызывало улыбку. Услышав последнее слово, Сентябрь невольно улыбнулась, (чем вызвала недовольство у пары шпор, которые заклацали и заметались на маленьком пятачке на длинных, похожих на паучьи, ногах).

— Мы все здесь — столетки, — скрежетали они, считая, что это объяснение снимет все вопросы.

Большой оранжевый абажур, от вида которого Сентябрь приходила в восторг (потому что он напоминал тыкву), завис невысоко над рядами хлама и мерцал, требуя внимания. Медленно и элегантно на бумажной поверхности проступили золотистые буквы:

> В своем доме ты эксплуатируешь вещи
> И совсем о них не думаешь. Нам горько это знать.

— О, мне так жаль! — воскликнула девочка, поднеся обе ладони к губам. — Я даже не знала! Вот я вижу кушетку, потому что в углу она выглядит как кушетка, и я же не обязана предполагать, что это на самом деле не то, что я думаю.

> В этом и проблема.
>
> Когда предмет интерьера достигает столетнего юбилея, он пробуждается. Становится живым. Обрастает именем, печалями, амбициями и любовными неудачами. И это не всегда удачное вложение средств. Иногда тяготы и радости от жизни в предыдущем доме нами не забываются. А иногда наоборот. Цукумогами — столетки. Пробудившиеся.

— Получается, весь мой дом спит, — прикусив губу в задумчивости, пробормотала девочка, — дожидаясь пробуждения, так? Странно как-то. И грустно. Сколько вещей я перетеряла уже или поломала, а ведь им было далеко еще до ста. Но … почему вы не обрели новые дома? Или собственную деревеньку?

> Сто лет под крышей и в четырех стенах это долго.
> Нас страшат замкнутые пространства.
> Мы предпочли море ветер и солнце,
> хотя многим из нас это еще губительней.
> Металлические тела ржавеют, а бумажные сердца разрываются.

— Тебе сколько лет? — резко выпалил Ганибал, опять подпрыгнув и топнув.

— Одиннадцать, сэр.

— Ну это *вообще* никуда не годится! — закричал он, когда поднявшийся гомон, топот, перезвон мечей и пересвист чайников немного поутих. — Доверять можно лишь тем, кому за сто! — Цукумогами одобрительно завопили в ответ. — Боюсь, тебе придется покинуть остров. Тут не место для тебя. С тем, кому не исполнилось ста лет, трудно ужиться. Кто не прошел через руки повзрослевших внуков, кто ни разу не оставался собирать пыль зимой, когда семья уезжает справлять праздники на море, — тот не достаточно сдержан. Тот непредсказуем! Может запросто шляться где-то или вообще-чем-то-быть-занят!

— Одиннадцать! — воскликнули шпоры, — да это даже не пятьдесят!

— Это далеко не пятьдесят, — встряла в обсуждение ширма. — Это даже не двадцать. Она еще может стать революционеркой! Молодые только этого и хотят.

Если бы она была революционерка, то по-моему у нее был бы тогда наган…

Однако золотисто оранжевое мерцание абажура осталось без внимания.

— Да я вовсе не собиралась вас притеснять, — возразила Сентябрь. — Я уплыву, не сомневайтесь. Только ответьте мне на один вопрос. У вас поесть не найдется чего-нибудь. Морская жизнь это ведь не сахар.

— Нет! — грубо выпалил Ганибал. — Убирайся отсюда! Маленькая бестолочь!

Девочке не требовалось повторного замечания. Она всегда могла догадаться, когда ее присутствие не желательно, и обычно чьего-нибудь громогласного крика хватало, чтобы Сентябрь немедленно покидала собравшихся. Однако произошедшее на острове ее больно уязвило. Таким образом с ней в Королевстве Фей обращались впервые. Она сгорала от стыда, глядя в глаза брошенным предметам обихода. Здесь, на окраине Королевства, на необжитых островах Маркизе, видимо, еще не предоставлялся шанс принудить обитателей к обходительности и гостеприимству. По крайней мере Цукумогами ее не обманывали и не плели интриг. Сентябрь развернулась и поплелась к берегу. О, бедная девочка, что же ты наделала! Зачем ты повернулась к ним спиной? Или это на самом деле был виноват ветер, колыхнувший траву и прижавший ее к земле, — так что вдруг сверкнула в лучах солнца черная кожа девочкиных туфелек.

Кто-то в толпе хлама затрезвонил наподобие набатных

колокольчиков, и тотчас же Ганнибал наскочил на девочку, толкнув ее, подобно быку. Сентябрь повалилась вперед, и лапти, напрыгнув сверху, пригвоздили ее к земле.

— Туфельки! — скрипучим, каркающим голосом кричал он, стоя на спине девочки. — Черные туфельки!

— А ну слезь с меня! — воскликнула Сентябрь, пытаясь сбросить пару лаптей на землю и схватить их в руки.

— Я же говорил! Говорил! Подозревать надо даже тех, кому девяносто девять! «Одиннадцать», ты бы еще сказала «слабенькая и вредная»!

— Я не вредная! Я пытаюсь спасти своих друзей!

— Мне плевать! Плевать, слышишь! Мечи, схватите ее! Особо не осторожничайте! Мы ее в колодец бросим!

Холодные, отточенные ладони схватили ее за руки. Чайники подскочили к ее ногам и горячим паром обжигали ее щиколотки, делая безрезультатными попытки подняться. По рукам из царапин и порезов потекла кровь. Мечи тащили девочку по траве под радостное пение и улюлюкание Ганибала и его соратников.

— Она несказанно наградит нас, правду говорю! Подарит нам чайники из молодого поколения, и нам не нужно будет больше тревожить старика Милдреда!

— Она? — крикнула Сентябрь. — Маркиза что ли? Она приказала вам?

— Ты еще мала для того, чтобы раскрывать тебе государственные тайны!

Громыхание, топот и песни внезапно смолкли, когда процессия подобралась к черной дыре, зиявшей в земле. Стенки колодца были выложены камнем до самого дна; Сентябрь, хоть и не видела его, но приглушенный плеск моря, доносившийся из глубины, различала явно.

— Не надо! — завизжала она, попытавшись вырваться. Однако хватка Мечей была крепка, лезвия вошли глубже в руку, застив глаза болью, и пустив больше струек крови к и без того перепачканным запястьям.

Недалеко от нее, прямо над ужасающей чернотой, опять появился оранжевый абажур. Письмена, проявлявшиеся на его обивке, были так же милы и изысканы:

> Маркиза сказала не проморгать девочку
> в черных туфельках. Мне жаль.

— И всё?

> И убить её.

Мечи столкнули девочку в зияющую пустоту.

Долго Сентябрь падала вниз.

Открыв глаза, Сентябрь не сразу догадалась, что не спит. Темнота была не проницаема, и оттого никакой разницы не было. Постепенно к ней вернулись ощущения ног, рук и тела. Царапины на руках побаливали и чесались, и кровь скорее всего больше не текла. Ноги были окутаны холодом морской воды, покрывавшей дно колодца, хотя то положение, в котором они находились, представлялось как нечто не естественное. При любом исходе падения, ни рукой ни ногой пошевелить Сентябрь не могла. Слезы оставались единственным, что способно было двигаться в этой холодной темноте.

— Я хочу домой, — тихо плача, дрожащим голосом обратилась она в темноту. Впервые за столько времени эти слова были правдой. — Мамочка, — стуча от холода зубами, проскулила она, — тут так страшно. Я скучаю по тебе.

Девочка прижалась щекой к холодной заплесневелой стенке колодца. Ей хотелось представить Субботу и его чувства, ведь он находился практически в таких же условия, — хотелось почувствовать его надежду на то, что она придет за ним и, как уже случалось, разрушит его клетку. Еще ей хотелось почувствовать громадину Дола, с его теплом и грациозными ужимками.

— Помогите! — громко кричала она. — По-мо-ги-те!

Только ничего не происходило. Маленький круг колодца высоко вверху постепенно превратился из бледно-голубого в темно-синий, однако каким бы не оказывался цвет неба, солнечное сияние внушало девочке храбрость. Бессмысленное утекание времени она пыталась заполнить воспоминанием о золотой ванне Лии, о запахе корицы, шорохе осенней листвы под ногами и потрескиванию поленьев в камине. Она даже попыталась подняться, но и здоровая нога, на которую пришелся весь вес ее тела, предательски подогнулась, и девочка вновь плюхнулась в холодную воду.

Прошло какое-то время, и Сентябрь внезапно почувствовала нежное прикосновение ко лбу. Было так темно в колодце (и наверху тоже должно быть спустилась ночь), что Сентябрь, не увидев ничего, вытянула вперед руку, — и неожиданно теплый оранжевый свет затопил узкий колодец. Невысоко над головой девочки, упираясь зеленой кисточкой в самую макушку, парил абажур. Девочка пригляделась внимательнее и увидела, что это вовсе не кисточка касалось ее лба, а обвязанный с ее помощью крупный зеленый фрукт. Парящая тыковка с зеленым фруктом на шнурочке, — Сентябрь просто восхищалась красотой увиденного.

Она схватила плод руками и, быстро содрав зубами кожуру, впилась в розовую сочную мякоть. Абажур молча взирал на неё сверху; он не ждал от нее благодарности, потому что в такой ситуации меньше всего думаешь о манерах. Когда с едой было покончено, Сентябрь долго переводила дух, одичавшим взглядом обводя все вокруг.

В воздухе над абажуром теперь можно было различить пару тонких зеленоватых рук, появлявшихся медленно из металлической шапочки, приделанной к самой верхушке. Очень аккуратно две руки подцепили оранжевую обивку и медленно потащили ее вверх. Внутри проволочной сетки фонарика показались две немного толстоватые девичьи ноги. Изумленная Сентябрь ждала, что вот-вот появится голова, но ничего подобного не произошло.

— Пожалуйста, помоги мне выбраться отсюда, — прошептала Сентябрь.

Оранжевая обивка вновь натянулась на проволочный каркас и через несколько мгновений на ней замерцали золотистые буквы, уже привычные в своей угловатости:

> Не могу.
> Они меня на кусочки порежут.

Вместо этого оранжевый абажур спустился ниже, обвил девочку руками и принялся укачивать ее. Строчка за строчкой на боках высвечивались слова колыбельной, — вот только Сентябрь не поднимала головы и не видела их:

> Засыпай, моя кометка, засыпай,
> Долог путь еще до земли…

Очень быстро Сентябрь уснула.

Когда девочка снова проснулась, абажура рядом не было. Уровень воды немного поднялся. День еще не наступил, и, опустив голову, Сентябрь раздосадовано пнула здоровой ногой стенку колодца.

— Как я по-вашему дотяну до ста лет в таких условиях? — заорала она сердито. — *Со сломанной ногою и в темноте!*

Холод моря гораздо легче теперь пробирался под кожу. Бессловесный стон и неодолимый страх открыли ему все потаенные лазейки. Сентябрь, дрожа, засунула руки поглубже в карманы зеленого жакета, который не жалел для нее тепла из личных запасов, — и (надо же, что бы это могло быть?!) обнаружила в одном из них стеклянный шарик, подаренный ей Зеленым Ветром. Разочаровавшись в находке, она швырнула

шарик об стену. Он разбился, наполнив девочку чувством удовлетворения. Когда ломаешь что-то, легче забываются обиды. Детям это особенно актуально, поэтому они так часто совершают подобное.

Маленький зеленый листок приземлился на поверхность воды и завертелся, подобно стрелке компаса.

Что-то тяжелое и пушистое уселось ей на коленки. Через мгновение узкий глубокий колодец пронзило знакомое мурчание.

— Ну и… — задыхаясь от изумления, забормотала Сентябрь. — Такое просто невозможно. Я опять наверное уснула.

Девочка вытянула руки вперед и погрузила пальцы в мягкий ворс, обхватив ладонями уши. Даже в темноте она была уверена, что шерсть угнездившегося на коленях животного, покрыта пятнышками. Она даже чувствовала, как жесткие струнки усов щекочут порезанные руки.

— Тебе захотелось провести время в моей компании, Сентябрь? — раздался знакомый голос, принеся в темный колодец запах всех зеленых созданий: мяты, травы, розмарина, свежей воды, лягушек и листьев. Сентябрь восторженно вскинула вверх руки, зная что в темноте они лягут на широкие плечи, и, обнимая Зеленого Ветра, слезинкой обожгла ему щеку.

— Ох ты, мой непоседливый лесной орешек, куда же тебя занесло?

— Грин! Грин! Ты не оставил меня! Знаешь, всё шло так весело и хорошо, пока Маркиза не пригрозила превратить Дола в клей, и тогда я украла у нее Марида, и мы прокатились на великах, и всё это время я пыталась быть храброй и вспыльчивой и несносной, но потом они исчезли, все до единого, и мне пришлось построить плот и отстричь волосы, и я не знаю, где теперь моя тень, и что с моей ногой, и я никогда раньше так не боялась! А главное, мой гаечный ключ! Я понятия не имею, что мне придется с его помощью чинить, и я не помню, чтобы читала где-нибудь, чтобы герои ломали себе ноги, но точно знаю, что это как-то связано с моими туфельками, и получается, что Маркиза с самого начала знала, что я окажусь здесь. Грин, я так хочу домой!

— Ты не шутишь? И всё? Если это действительно то, что ты хочешь, — зашептал Зеленый Ветер, — я легко верну тебя домой прямо сейчас. Моргнуть не успеешь, и мы уже в Омахе. Целы-целёхоньки, как будто ничего и не происходило. Ну, ну, не плачь так.

— Но… мои друзья… Они ждут меня…я должна освободить их из темницы…

— Как посмотреть. Это ведь всё сон. Нет смысла волноваться, когда всем известно, что лучше всего с неприятностями во снах

справляются сами сны.

— Значит, всё это сон?

— Я не знаю. Ты сама как считаешь? Если бы я смотрел *со стороны*, то решил бы, что это сон. Ну, понимаешь, говорящие леопарды, мои *маячки*.

— Нет! — тихо прошептала девочка, больно сжимая кулаки. — Не может быть. А если может, то мне всё равно. Мои друзья ждут меня.

— Вот умница, — прошелестел Зеленый Ветер. — Узнаю теперь в тебе ребёнка. Знаешь, если ребенок говорит, что хочет домой, это означает, что он не хочет идти домой. Это означает, что ему просто надоело играть в одну игру и хочется начать другую.

— Да, ты прав. Мне бы хотелось поиграть во что-нибудь другое.

— Дорогуша, я ведь не волшебник. Ты часть этой истории. Ты должна вести ее сама, если собираешься закончить.

— Но чем история заканчивается?

— Не знаю, — Зеленый Ветер затрепетал и задумчиво засвистел в узком колодце. — Но мне кажется, где-то ее я слышал. Про дитя, которое просочилось в чужую страну, угнетаемую злым правителем, и которое отправилось на поиски меча..

— Значит я здесь чтобы спасти Королевство Фей? И ты ведь знал об этом, да? Значит я всё-таки избранная, как и все книжные герои, которым посчастливилось не сломать ног.

Зеленый Ветер потрепал ее карэ. Не видя в темноте его лица, она догадалась, что оно помрачнело.

— Естественно не знал. Избранных нет. И их никогда не было. Они не для настоящего мира. Выбираешь лишь ты сама. Выбраться из окна и оседлать леопарда. Вернуть ведьме Ложку. Подружиться с виверном. Продать свою тень, чтобы выкупить ребенка. Это был твой выбор — не позволить Маркизе издеваться над твоим друзьями. Ты выбрала клетку, которую разбила. Выбрала встречу со своей Смертью. И море, которого ты не испугалась, хотя у тебя не было корабля. И дважды ты выбрала продолжить путь к своим друзьям, а не вернуться обратно домой. Это не Королевство Фей избрало тебя. Это ты сама. Ты могла бы здорово здесь повеселиться, ты знаешь. Не встретиться с Маркизой, не запачкаться в местном судопроизводстве и политике, — вместо этого покататься со склонов с домовыми и гномами и много всего другого, воспоминаний о чем хватит по возвращении домой на всю жизнь и на пару-тройку романов. Однако твой выбор оказался другим. Всё это ты выбрала сама.

Еще там на пляже. А потерять сердце, знаешь, путь не для слабых.

— Одно точно. Я не могу *выбрать*, как выбраться из колодца.

Зеленый ветер засмеялся.

— Пожалуй, что, действительно не можешь. Но знаешь, Сентябрь, мой воробушек, моя горлица… Я ведь всё еще вне закона здесь, в Королевстве.

— Но тебя же это не остановило!

— Вообще-то, рассматривая ситуацию внимательней, я сейчас *под* Королевством. Иметь такие лазейки в правилах и законах очень выгодно для разно рода обманов и надувательств. Понимаешь, к чему я? Я могу выдуть тебя отсюда. Любому Ветру это пара пустяков. Но на поверхности я тебя покину. Меня не должны заметить здесь. Пока захлопнуты великие двери.

Зеленый ветер низко склонил голову и направил плотную струю воздуха прямо под обездвиженную ногу Сентябрь. Гримаса исказила ее лицо, — хотя по большому счету полное излечение не было таким уж болезненным. Кости срослись, а мышцы, по прежнему эластичные и упругие, плотно прилегли к ним. Сентябрь поднялась, обвила Леопарда Легких Дуновений за шею, и она облизала глубокие раны на руках, которые тотчас же затянулись.

— Мне пришлось убить рыбу, — тихо прошептала она, обращаясь к Зеленому Ветру, как будто признавалась своему спасителю и защитнику в непростительном грехе.

— Я тебя прощаю. — тихо пропел Зеленый Ветер и вместе Леопардом, мяукнувшей на прощание, превратился в могучий, но нежный вихрь. Он закружил Сентябрь, аккуратно оторвал от дна колодца и понес ее ввысь, наружу.

На поверхности ночь еще не сложила своих полномочий и отдавала звездам свои обычные мерцающие указания. Цукумогами спали крепким сном где-то в своих полях.

— Жаль, что ты не можешь здесь остаться, — пробормотала Сентябрь, глядя вослед приминаемой зеленой траве, где скрывал свое исчезновение Зеленый Ветер.

Ступая как можно тише, Сентябрь кралась через остров к песчаному пляжу. Вскоре показался темный силуэт Ложки-Мачты ее корабля, и девочка чуть не закричала от восторга. Но тут же невдалеке возник знакомый силуэт: подход к плоту караулила парившая в воздухе девочка-абажур.

— Пожалуйста, не поднимай тревогу, — прошептала Сентябрь. — Ты ведь принесла мне поесть, ты наверняка знаешь, что я ничего плохого не замышляю. Пожалуйста, не выдавай меня!

Оранжевый абажур закачался из стороны в стороны, и как

обычно теплым золотом на его боках засветились слова:

Возьми меня с собой

— Что? Но почему? Разве тебе здесь не лучше? Зачем тебе идти со мной, с одиннадцатилетней?

Мне всего сто одиннадцать лет.
Я хочу посмотреть мир. Я сильная и смелая.
Здесь я нужна им только для фестивалей.
Я дежурю всю ночь, чтобы показать дорогу кому-нибудь, кто заблудился.
Там где темно, там всегда кто-то сбивается с пути.
А если кто-то потерялся, значит вокруг него темно.
Так что я не просто так с тобою.

— Знаешь, я пожалуй совсем не гожусь в гиды. Я направляюсь в Одинокую Темницу, чтобы спасти своих друзей, и даже представить себе боюсь, какие еще неприятности ждут меня впереди.

Обещаю, что не подведу тебя.
Меня зовут Мерца. Возьми меня с собой.
Во тьме тебе будет легче со мной.
Я обманула лапти и принесла тебе солнцерин,
И это самое ничтожное из того, что я могу сделать.
Сто одиннадцать лет уже многого стоят.

Сентябрь сбросила жакет и платье расторопными движениями. Она взглянула на свои туфельки, — такие красивые, черные и блестящие, — и, медленно сняв их тоже, поставила на песок, после чего продолжила ими любоваться. Довольно долго она не отводила от них глаз; затем подошла, схватила сначала одну, швырнула в море, потом повторила то же самое с другой. Они утонули не сразу.

— Так-то лучше, — пробормотала Сентябрь и улыбнулась девочке-абажуру. — Знаешь, Мерца, я совсем забыла передать Леопарду привет от ее брата, Пантеры…

Девочка оттолкнула плот от берега и запрыгнула следом. Мерца последовала за ней, тут же обогнала и поплыла невысоко над кораблем, как крохотная осенняя луна.

ГЛАВА 18
Одинокая Темница

в которой наконец Сентябрь добирается до дна мира, и неожиданно оказывается долгожданной гостьей.

Грозы и ураганы водили сапфирово синий хоровод вокруг Одинокой Темницы. Не сторонящиеся друг друга и не чуждые друг другу, они постоянно устраивали массовые мероприятия; так, наступление летней жары отмечалось оголтелыми плясками, а приход осени — продолжительными котильонами. Свадьбы бурь, похороны бурь и крестины бурь всегда с радостью принимали в качестве гостей шторма, которым хватало силы и порывистости ветра добраться до нужного места. Жизни более счастливой, чем в этом обществе, нигде не существовало. Никто из бурь и гроз никогда не мечтал о далеких странах и чужих землях; никто из штормов не грезил о транс-океанической экспедиции. Словно прикованные ко дну мира, они жили здесь, не задаваясь вопросами, отчего так получилось, — просто потому, что здесь они жили всегда; и их предки и прапредки утаптывали эти же земли. И с самого начала мира, когда весь континент содрогнулся под пятой первоначального шторма, танцы не стихали здесь.

Всё таинственное существует, чтобы оказаться явленным. Но я, Дорогой Читатель, хитрый и безнравственный рассказчик, так что следуй за мной вглубь, ориентируясь на отсвет моего фонарика и стук моей кирки.

Единственное течение Опасного и Несговорчивого Моря, приспособив для движения множество желобов и гротов в основании Одинокой Темницы, вырывалось наружу с другой стороны ужасающих, огромных башен и оттуда поворачивало в обратный путь вокруг рожка Королевства Фей. Циркуляция воды не прекращалась ни на мгновение, и именно от этого и вздымались здесь ураганы и шторма, — как поднимается облачко пыли за быстро бегущим по грязной дороге человеком. Так было, и так будет. Так поднялась и возвысилась и Одинокая Темница, (которая на самом деле не всегда была темницей), в результате дыхания древнего, убеленного сединами чудовища, жившего здесь еще до того, как появилось Королевство Фей. Напоминая не то дракона, не то рыбу, не то горный ручеек, она жила глубоко в

земной тверди. Вдыхая, она высасывала из камня хрустальные капли, а выдыхала уже полыхавшие красным стеклянные пузыри; они громоздились друг на друга беспорядочной кучей, но холодное плещущееся море остужало их, наделяя крепостью и массивностью. Это единственное, что создала за свою жизнь старуха, поскольку известно, что всё время она спит. Возможно, потому что она излишне огромна и невероятно стара, и ничего другого, кроме дыхания, у нее не получается. Но и сейчас, если отвлекаться и коситься по сторонам, можно заметить мерцающие среди волн фрагменты ее дыхания, сферические и красные как лампы на причалах.

Сентябрь их видела. Но совершенно не догадывалась, что же это такое, (в этом, конечно, главный недостаток героини по сравнению с рассказчиком), — в ее глазах лишь нечто вспыхивало красным и потухало, вспыхивало и опять потухало. В беснующемся водовороте шторма, девочка изо всех сил сжимала гаечный ключ и пыталась направить корабль к мерцающим огням. Холодный дождь заливал лицо и глаза, не давая ни дышать ни смотреть. Кожа практически посинела и давно уже потеряла чувствительность; мышцы ныли и удержаться на курсе становилось всё труднее. Единственной помощью была Мерца, которая героически сопротивлялась ветру, бросавшему её из стороны в сторону, и двигалась невысоко над Сентябрь, — всего лишь бледно-оранжевым крохотным шариком в таком плотном, насыщенном мраком вихре. Неожиданно сверкнула молния, и на мгновение всё вокруг стало прозрачно ясным. Сентябрь подняла голову и увидела огромные трещины в своем оранжевом парусе, — белые, как и всё вокруг. Налетевший порыв ветра прикончил платье, разорвав на клочки, оторвав рукава и сдернув его с мачты. Отчаянный крик Сентябрь шторм проглотил, как сладость. Других сладостей он не мог знать в жизни.

Свет исчез, и во мгле Сентябрь разглядела крупные золотистые буквы, заполнившие все намокшее тело Мерцы:

ГЛЯДИ!

Рождаемые ровным глубоким мерцанием красного огня тени заполняли всё обозримое пространство; они были примерно одного размера, они слипались вместе или расталкивались внутри рокочущего вихря. Сентябрь утирала с лица и глаз воду, надеясь понять, что же хотела сказать подруга-фонарик, — и неожиданно заметила, что большая часть фиолетово-серых теней начинает возникать внутри обширной густой черной тени, которая разрасталась прямо на глазах. Она возносилась высоко вверх, неструктурированными огромными округлостями

напоминая снизу ожиревшие формы Гаргантюа, однако ближе к вершине походя на неотесанные купола. Крохотные бледные огоньки в вышине напоминали оконца в башнях. Когда снова ударила молния, Сентябрь увидела мох и зелено-сиреневые водоросли, покрывшие уже всю поверхность непосредственно над морем. Растительность вытягивала остроконечные языки вверх, к главным куполам башни, — которые были чисты и стеклянны и в которых преломлялись, сверкая, фиолетовые косы урагана.

Но не успел белый свет схлынуть, как плот, пронзительно заскрипев, раскололся надвое. Заостренный стеклянный валун, на который он наскочил, расшвырял скипетры по сторонам. Сентябрь с ужасом обнаружила, что еще бы сантиметр, и он распорол бы ей ногу. Но всё обошлось, и неожиданно девочку почувствовала, что довольно еще и тем, что волосы (коротко остриженные теперь, намокшие, но едва прикрывающие лоб) не мешают ей видеть и смотреть по сторонам. Она вытащила зеленый жакет из уцелевшей части плота и поспешила надеть его. Теперь, когда платье было порвано и совсем не пригодно, жакет хотел обнять Сентябрь вдвое крепче, унять ее дрожь, согреть ее, снять усталость и напряжение борьбы со штормом. Когда Сентябрь туго затянула пояс, зеленый жакет незамедлительно принялся расти, немного вширь и в длину, и совсем скоро сделался как платье. Он не сделался шерстяным, но излучал тепло, как только был способен. Вытащив из плота Ложку, верой и правдой служившей ее в качестве мачты, она на ковбойский манер заткнула ее за пояс с другого бока, — и вместе с гаечным ключом это были теперь ее надежные оружия.

Мерца протянула Сентябрь длинную бледно-зеленую руку, и, взявшись за нее, девочка принялась карабкаться вверх по замшелым покатым стеклянным валунам Одинокой Темницы.

Седая старуха, которая не была ни драконом, ни рыбой, ни горным ручьём, глубоко-глубоко внизу размеренно вдыхала и выдыхала, вдыхала и выдыхала.

— Мерца! — прошептала Сентябрь, — Слетай, пожалуйста, к самой верхушке башни и посмотри, ждут ли меня еще красный виверн и ультрамариновый Марид.

Мерца, запылав чуть ярче обычного, стремглав, словно стрела, полетела вверх, скоро исчезнув во мраке ревущего урагана. Сентябрь опустила глаза и приткнулась к очередной нелепой выпуклости. Она лежала, не двигаясь, чтобы не соскользнуть по лишайнику и водорослям вниз. Ей не хотелось думать о том, что можно воспользоваться дверями. В тюрьмах есть ворота, но, разумеется, есть и стражники, — здесь, в Одинокой Темнице ворота были стиснуты железными скобами.

«Чтобы не рвались наружу» — догадалась Сентябрь, глядя на блеск железа при вспышках молний, — «оно же непереносимо для них».

По обеим сторонам ворот сидели два синих льва. Звезды ярко сияли на кончиках хвостов и в гривах, которые развевались, медленно разбиваясь на пряди и закручиваясь, словно находились под водой. Львы спали, как обычно; но это не успокоило Сентябрь, потому что ее друзей они похитили, не то, что не моргнув, даже не открыв глаз, и с нею одною они тоже церемониться не станут.

Вступать со львами в бой было безрассудно, — ведь каждый из них был размером с дом! Если уж Дол не смог одолеть их, то что уж и говорить о ее шансах. Сентябрь исступленно изобретала план, оценивая имеющийся у нее арсенал: Ложку, Гаечный Ключ и насквозь мокрый жакет. «Вот еще незадача, Ложка-то не моя. Мне наверное не следует на нее рассчитывать. Тем более, что я смыслю в ведьмовской науке? За все время даже не попросила ее пирог мне сделать. С шариком мороженного на верхушке в серединке».

Однако Ложка захватила все ее мысли. Она словно пульсировала внутри головы. Она словно знала, что делать. Сентябрь осторожно огляделась вокруг и приметила поблизости, в маленьком углубленье лужицу. Подползя поближе, она опустила в холодную воду руку и нащупала на стеклянных стенках немногим меньше десятка мидий. Вместе с грязью и мертвыми ламинариями получится суп, разве нет? Не придавая значения тому, что окажется в ладони, девочка поскребла по валунам, на которых лежала, и вскоре в ее супе, — который она готовила как смелая, опытная ведьма, знающая *точно*, что за чем следует, — оказались кусочки мха и лишайника и маленькие крупицы еще какой-то мерзости. Сентябрь вытащила из-за пояса Ложку, опустила ее в крохотную котловинку и принялась мешать суп против часовой стрелки, (ох и дурная это примета).

— Пожалуйста, — прошептала она, сильно зажмурившись, словно загадывала желание, — Покажи мне будущее, в котором я уже миновала ворота, и то, как я это сделала.

Долгое время грязная вода в лужице оставалась, как и была: темной и вонючей. Ураган, глядя на девочку, безудержно смеялся, бросая по сторонам молнии одну за другой, — но она продолжила мешать. Ложка описывала круги быстрее, а Сентябрь недоумевала, неужели есть что иное, что следует делать ведьме. Она вспомнила также, что на ней нет шляпы. И что одета она не с иголочки, так что результата, наверняка, не выйдет. «*Мы должны одеваться прилично, иначе будущее не воспримет нас всерьез*», —

так говорила До Скорого. Значит котловинке с супом было видней; тем более, что на девочке не было даже обуви.

Вода подернулась рябью и потом начала медленно дрожать. «О, ну давай же!» лихорадочно подгоняла её девочка. На поверхности замерцала нечеткая картинка, — это было уменьшенное изображение железных ворот, крепких и единых, с маленькими львами, сидевшими по обеим сторонам, — то и дело ее перечеркивали тонкие белые полосы, как в кинолентах с истершейся пленкой. Львы на самом деле были не синие, а какого-то грязно-зеленого плесневелого оттенка. К ним приближалось что-то зеленое и невероятно маленькое. Позади этого крохотного и зеленого плыло круглое пятнышко света, еще более мелких размеров. Вдвоем (а Сентябрь узнала себя и Мерцу) они шли к воротам как будто напролом. То, что было ею, достало что-то, что скрывал зеленый плащ, и высоко подняло над головой. Не прошло и секунды, как львы улеглись перед маленьким зеленым существом и накрыли глаза лапами.

— Гаечный Ключ! — догадалась Сентябрь, — Они его узнали! Еще бы им не узнать, ведь это же меч Королевы Мэллоу! Хоть она и пропала, а кошачья преданность еще жива в них.

И в этот момент, пикируя сверху, с высот залитой дождем башни, появилась Мерца. Фонарик пристроился невдалеке от Сентябрь и, прикрывшись с двух сторон валунами, высветил на мокрой истрепавшейся обивке бледно-золотистые буквы:

> Твои друзья за решеткой на самой верхушке башни.
> Тот который красный, по-моему, присмерти.

— Дол! Я уже здесь! Я уже иду! — прошептала Сентябрь.

Вдвоём Сентябрь и Мерца приблизились к воротам. Девочка изо всех сил старалась казаться такой же смелой и самоуверенной, как крохотная болотно-зеленая версия себя самой, которую она видела в лужице. Конечно, если бы она не потела, не задыхалась, стараясь удержать сердце в груди, и не думала о своем Вивертеке, — то сходство оказалось бы просто поразительным. Глядя на львов, которыми теперь казались ей куда большими (по сравнению с прошлым разом, когда она увидела их впервые), Сентябрь размышляла, действительно ли они живут у самой границы пробуждения? Могут ли они проснуться вообще? На их веках горели маленькие звезды, выстроившись в ряд; может быть, они просыпаются и наоборот становятся ласковыми и добрыми? Она достала из-за пояса медный гаечный ключ. Продолжали сверкать молнии, и ключ блестел в них по-особому; однако Сентябрь ждала, что вот-вот подымется огромная синяя лапа и смахнет ее, как пылинку, со

стеклянной скалы. Но львы улеглись перед нею, поочередно, сначала тот, который слева, потом тот, который справа. Оба накрыли лапами глаза.

Сентябрь подбежала к воротам, шлепая босыми ногами по лужам, толкнула створки вперед и проскользнула внутрь. За ней проскользнула Мерца. А за ней уже три громоподобных хлопка, один за одним, очень ритмично: «бумс!»-«хлоп!»-«ба-бах!».

Внутри Одинокой Темницы от полыхавшего огня было тепло и уютно. Только схватившееся поленья задорно трещали в большом белом камине; свечи, оправленные в замысловатые серебряные канделябры, горели по нескольку штук на каждой из стен. Снаружи сверкали, как крупные бриллианты, капли дождя. Воздух призрачно отливал здоровым чуть розоватым румянцем. Свирепого ливня не было слышно совсем, и облака, бурлившие влагой, переливавшиеся фиолетовым, голубым и бледно золотым, создавали на стеклянных стенах башни умиротворяющее подобие живописи. Не менее красочным, (а в нем, казалось, были все цвета, что имелись на свете) был толстый ковер, целиком покрывавший пол в огромной зале.

В дальнем ее углу с шумом распахнулась дверь. Застигнутая этим врасплох, Сентябрь приготовилась дать отпор, если таинственный незнакомец пожелает напасть первым. Ради Дола и Субботы, от которых теперь ее отделял всего-навсего один подъем по лестнице вверх.

Стеклянная разноцветная зала наполнилась радостным смехом, и маленькая девочка выскочила из двери, и подобно крохотному белому облачку в своем свободном белом платьице, побежала навстречу гостье. Золотистые кудри, развевавшиеся на ходу под изысканой шляпой, ударили Сентябрь по плечам, когда, остановившись, девочка обняла ее, как с давних пор пропадавшую, но наконец нашедшуюся сестренку.

— Сентябрь, ты жива! — кричала девочка от радости, — Как же здорово, что ты пришла, наконец. И гляди-ка, ни единой царапинки!

Чуть отодвинувшись от Сентябрь, Маркиза ласково и заботливо поднесла обе руки к ее лицу, приподнимая ладонями подбородок.

— Какое веселье мы сейчас закатим!

— Веселье? — вскрикнула разъяренно Сентябрь. Капли дождя всё еще стекали по лицу с волос, и она еще полностью не оправилась от холода. — *Веселье*? После того, как ты украла моих друзей и натравила на меня Цукумогами! Из-за тебя я сломала ногу и чуть-было не умерла, а потом чуть-было не окоченела в этом ужасном шторме! И ты — *обманщица*! Я на самом деле

могла успеть за семь дней доставить тебе гаечный ключ, но из-за тебя теперь Долу нужна помощь, и мне нужно торопиться, и по-твоему это — *весело*?

Злость на Маркизу захлестнула Сентябрь. Прежде, чем она смогла понять, что творит ее правая рука, девочка с размаху влепила Маркизе пощечину. Слушая вопли Сентябрь, Маркиза не улыбалась, но теперь засмеялась опять. Ее волосы стали бледно-лазуревыми, а красный отпечаток ладони рдел на ее щеке.

— Ну еще бы, конечно я обманула тебя. Ради чего мне поступать иначе? Ты бы принесла мне мечь, как достойнейшая из рыцарей, случись всё по-твоему, — однако что мне было делать с этой диковинной штукой? Я бессильна что-либо делать им, даже просто прикасаться. Мне нужна была именно ты со своим преданным клинком. Именно здесь.

— Но тогда зачем приказывать этому хламу убить меня?

Маркиза наклонила голову немного вбок, её шляпа забавно покачнулась, вовсе не думая сваливаться.

— Пойми, Сентябрь, ведь главное, чтобы ты не подозревала, что за всем этим стою я. Чтобы ты действовала своими силами, чтобы ты понимала всё время, что другого пути нет. После того, как каждый говорил тебе, какое же я жестокое и бессовестное чудовище, мне ни к чему было доказывать тебе обратное. Но теперь ты сама знаешь, насколько опасна бывает жизнь в Королевстве Фей. Сколько времени нужно этим милым созданиям, этому крошечному чудаковатому народу, чтобы повернуть всё с ног на голову и уничтожить тебя. Разве ты согласилась бы изначально понять это. Делать то, что делаю я. На самом деле, это не я жестокая и порочная здесь. Это они. А я наоборот внутри ужасно добрая, Сентябрь.

— Но я бы согласилась. — негромко ответила Сентябрь, глядя в сияющие голубые глаза Маркизы. — Ради спасения друзей. Сделала бы всё, что ты попросишь.

— Да не в этом дело, — с сожалением вздохнув, сказала Маркиза. — При чем тут спасение друзей? Поверь мне, Сентябрь, я всё это самым тщательным образом продумала. В сравнении с проделанным объемом подсчетов, твоя душа покажется пустозвоном. Напомни-ка, что обычно говорят все злодеи, когда история подходит к концу? Как же мы похожи, даже больше, чем ты думаешь. Так кажется, — она взяла руку Сентябрь и нежно поцеловала. — Да, это так. Мы просто как две капли! Я никогда не желала тебе зла; наоборот, мне хотелось защищать и оберегать тебя, как когда-то мне хотелось, чтобы так же поступали со мной. Пойдем со мной к окну, Сентябрь. Взглянем вместе. Это не так трудно. Назовем это «шоу веры».

Сентябрь не отняла руки и позволила подвести себя к одной из стеклянных стен. За нею, беспокойно пылая, туда же подплыла Мерца. Внизу, у стен башни бушевало море. Брызги и пена разлетались во все стороны. Маркиза вытянула вперед руку, — и море успокоилось во мгновение ока, и начался отлив. Подобно распустившемуся ирису, в фиолетово-серых тучах появился круг чистого неба, густо обсыпанного звездами. Появилась половинка луны. А внизу отступившее море открыло огромные каменные колеса, наполовину подтопленные водой. Они поворачивались, отсчитывая определенный интервал. *Тик*. Колеса имели крупные квадратные зубья, которыми зацеплялись друг за друга. Они были похожи на шестеренки. Огромные и древние. *Тик*. Неумолимые в своем ходу, поворачивающие друг друга. *Тик*.

— Что это за штуковина? — спросила Сентябрь.

— Привод Мира. Мы находимся в потайном месте, Сентябрь, внутри сердца Королевства Фей. Отсюда берет начало единственное течение Опасного и Несговорчивого Моря, и здесь же оно заканчивается. И не только оно. Не только.

Маркиза вновь подняла руку, и море отступило еще. Отлив обнажил другие шестеренки, железные, аккуратно и добротно выкованные. Каменные и железные зацеплялись воедино.

— Мы с тобой там, где твой мир смыкается с нашим. Где всего мгновение мир людей и мир фей существует как единое целое. Благодаря этому месту у населения появляется возможность перемещаться из одного мира в другой. Да — случайно, и да — неведомыми путями. Ты знаешь, прикосновение к железу забирает у фей силу, — поэтому они не могут обрушиться на ваш мир и поработить его. То же самое для людей и камней. Но некоторым, единицам, переходы удаются. Если бы не этот короткий поцелуй между камнем и железом, миры бы разошлись навсегда и существовали бы, не зная друг о друге. И никто бы никогда не смог почувствовать себя в мире, как в ловушке: ни в твоем, ни в моем. Детей бы не подменяли на гоблинов, или, что гораздо хуже, вообще бы оставляли кроватки пустыми, повергая матерей в глубокую скорбь. Никто бы никогда не терялся, не сбивался с пути.

— Вот это…

— Ты понимаешь? Понимаешь, что ты должна сделать.

— Но я не хочу.

— Но надо, потому что это разумно. Возьми Материн Меч, Сентябрь. Ты единственная девочка в Королевстве Фей, кому ларец позволил вытащить гаечный ключ. Единственная, чья мама любит копаться в моторах и двигателях. Как только ты рассказала мне о ней, я сразу, сразу почувствовала, что нам необходимо

встретиться именно здесь, где оканчивается всё. Расторгни миры, Сентябрь. Разъедини их, — чтобы больше никто не посмел перетаскивать через границу несчастных, потерявшихся детей и оставлять их в мире одних, совсем без друзей.

ГЛАВА 19
Часы

в которой открывается всё.

— Как ни крути, но гаечный ключ маловат для этого, — сказала Сентябрь

— Да пойми же ты, — ответила Маркиза, — это не гаечный ключ.

Она пыталась звучать убедительно и авторитетно, и ее волосы окрасились в серо-фиолетовый оттенок, совсем как у шторма:

— Это меч. Очень древний. Он будет таким, как ты пожелаешь. Каким он нужен тебе.

— Но, получается… Больше не будет приключений. Получается, феи исчезнут из моего мира, и никто больше не расскажет интересную историю о них. И откуда люди смогут узнать, как выглядит виверн? Получается, сказки исчезнут совсем. Ведь они откуда-то появляются, так.

— Исчезнут, точно. Ни одна фея больше не подольет сливок в пиво, не сворует ребенка, не высосет душу. И люди перестанут колобродить по Королевству Фей; ковры и полы не надо будет мыть после них, да и за законы можно быть спокойной.

— Получается, что домой я тоже не вернусь.

— Да, и именно ради этого мне пришлось вести тебя сюда такой долгой дорогой. Теперь ты знаешь, как на самом деле выглядит Королевство Фей. И я прошу тебя о жертве, Сентябрь, — непосильной и великой, сама знаю, — во имя всех детей, которые сюда могли бы прийти. — Волосы Маркизы преобразились, став глубокого синего оттенка. — Хотя, честно говоря, не думаю, что это будет тяжело. Ты ведь даже не помахала на прощание отцу, который теперь занят убиванием людей в очередной ужасной битве! Да и о маме ты не особо волновалась! Что для тебя дом? Ничего. Тебе и возвращаться туда не хочется на самом деле. А здесь — я. Я прикажу освободить твоих друзей, и мы будем играть вместе, веселиться и плясать прямо под носом у урагана. Знаешь сколько я знаю разных игр!

Неделю назад, возможно, услышав подобные слова о маме и папе, Сентябрь бы расплакалась, — но сейчас глаза ее были сухи, как пересохшие колодцы. Она отвечала твердо:

— Конечно, не попрощаться с родителями было невежливо с моей стороны. Но это не означает, что я к ним так отношусь, и готова поставить на всем крест прямо сейчас и прямо здесь. И потом, разве не ужасно лишить любого ребенка возможности увидеть то, что увидела я? Оседлать виверна или прокатиться на лисапеде или встретить ведьму.

— Я так и думала, что ты это скажешь, — ответила Маркиза немного оторопело, отчего ее волосы стали снежно белыми. — Ты ничем не отличаешься от обычного ребенка, такая же бессердечная и эгоистичная. У меня действительно есть, что сказать тебе. Может, ты постараешься это выслушать?

Тотчас же появился Яго. Пантера Свирепых Штормов, мурлыча, встал покорно у ног Маркизы.

Когда она обхватила Сентябрь и усадила в ониксовое дело, та почувствовала, что в теплом зале ее тело наконец согрелось, а кожа разгладилась. Маркиза, усевшись в седло сзади, обняла ее, однако Сентябрь представились Зеленый Ветер и Леопард, какими бы они могли оказаться монархами Королевства.

Она тебя обманет

— Да я знаю, — вздохнув, пробормотала Сентябрь подруге. — Но иначе Суббота не увидит солнца. И Дол тоже.

Мне сто одиннадцать лет.
Я уже долго живу на свете. Я знаю, что она…

Пронзительно свистя, в воздухе мелькнула серебряная стрела, и Мерца рухнула на пол, пронзенная насквозь, сияя двумя огромными ранами в бумажной обшивке. Сентябрь ошеломленно подпрыгнула в седле и повернулась назад. Маркиза отточенным движением убрала лук за спину; секретное оружие исчезло из виду, словно струйка пара.

— Какие же нудные все эти долгожители, правда? Лишь бы не давать другим веселиться! Вечно талдычат о давно минувших днях!

Яго, грациозно оттолкнувшись, взмыл в воздух, не дав Сентябрь сказать и слова в ответ. Они полетели к вершине, к башням Одинокой Темницы. Бумажный фонарик, точнее её обрывки, осталась беспомощно лежать на многоцветном ковре. Длинная зеленоватая рука, залитая кровью, протянулась было вверх в надежде ухватиться за Сентябрь (или быть ею подхваченной), секунду-другую она тряслась в воздухе, но после обмякла и повалилась вниз.

Часы были повсюду, куда бы Сентябрь ни взглянула. Ей,

Маркизе и Яго было невероятно тесно в маленькой комнатке под самым сводом башни, среди всевозможных циферблатов, больших и маленьких, среди непрекращающегося, размеренного, как сердцебиение, тиканья. Каких часов тут только не было: и маленькие прикроватные будильнички, и швейцарские домики, с золотой кукушкой внутри, и карманные, подвешенные на стены за цепочки и лежащие открытыми на столах, и громадные маятниковые часы, не меньше шкафа размером, со стеклянной дверью, и совсем маленькие песочные часы, и даже несколько солнечных. Каждый экземпляр был помечен продолговатой оловянной табличкой, с выгравированными на ней буквами имен и фамилий, которые ни о чем не говорили Сентябрь.

— Вот самое тайное и не менее печальное место в Королевстве, Сентябрь. Все часы здесь отмеряют время каждому ребенку, попадающему в Королевство. Когда стрелки сойдутся на двенадцати, это будет означать, что ребёнок будет отправлен дома, — хочет он этого или нет! Некоторые часы идут невероятно быстро, какому-нибудь мальчишке достает времени повеселиться в Королевстве не дольше часа, словно он увидел волшебный сон. Некоторые наоборот идут очень медленно, так что какие-нибудь девочки проводят в Королевстве всю свою жизнь, год за годом, до тех пор, пока часы не выбьют ее вон, домой, где ей останется только боль потери и нескончаемый плач по этому. Знать как идут твои часы невозможно. Но поверь мне, они идут гораздо быстрее, чем ты думаешь.

Маркиза аккуратно повернулась в сторону, наклонилась вперед, и, сияя красными волосами завидного яблочного оттенка, взяла в руки маленькие часики, — циферблат был вырезан в цельной крупной молочно-розовой жемчужине, и золотые стрелки на нем застыли в двух делениях от полуночи. Она стерла пыль с оловянной таблички и показала имя девочке: «*Сентябрь*».

— Вот, — сказала Маркиза похожим на удар колокола голосом, — видишь, как мало времени у тебя осталось. Как раз на то, чтобы слетать со мною и Яго к подножию башни и сделать то, что я прошу. Иначе через десять минут ты очутишься дома, а твои друзья останутся здесь со мною. Могу тебя заверить, что они почувствуют всю мощь моей обиды. Так что не упрямься! Всего-то повернуть разок гаечный ключ. А потом хоть укатайся на лисапедах со своими друзьями! Хоть объешься ледяных лимонов!

Сентябрь, не думая, взяла часы из рук Маркизы и положила жемчужину в удобную, как колыбелька, ладонь руки; второй рукой она прикоснулась к циферблату, вероятно, надеясь изменить положение стрелок. Усталость, — вот всё что она чувствовала. Как хотелось спать! И проснуться, и по-обычному

спуститься в кухню и выпить горячего какао, и потом подняться обратно и снова лечь спать! Но спать, зная, что с Долом и Субботой всё в порядке. О Мерце она пыталась не думать. Чудесное всё-таки место Королевство Фей. Жить бы здесь вечно, — разве не об этом мечтает каждый ребенок? И она сама в том числе, часто сидя перед окном вечером, — разве не о невероятных полетах она мечтала, не о незабываемом вкусе Куличайкового Яйца, не о вдохновляющих знакомствах с феями? Глаза Сентябрь закрылись. В темноте, на фоне плотного черного экрана век возник силуэт мамы, — она сидела на краешке ее кровати и тихо плакала. Потом возникло пустое место, где она могла бы оставить записку. Потом она сама, ухватившаяся за мех Леопарда двумя руками, не махнувшая рукой на прощание.

Резко открыв глаза, она увидела маленькую табличку «*Сентябрь*». Маркиза отвлеклась тоже, глядя на не смотрящее лицо девочки, так что теперь Сентябрь смогла незаметно исследовать оловянные таблички других часов. У всех вид примерно одинаков; такой, например, «*Грегори Антонио Белланжи*», или «*Харриет Мари Сигрейв*», или «*Диана Пенелопа Кинкоч*». Сентябрь удивилась, почему ее табличка содержала всего одно имя. Не находя ответа, (и остро ощущая возможность какого-то подвоха), она наклонилась над циферблатом и подковырнула ногтем самый уголок таблички. Были бы целы ее волосы, они бы хорошо скрыли то, что она делает.

— Что это ты делаешь? — спросила Маркиза отрывисто.

Сентябрь проигнорировала диалог, лишь глубже просовывая ноготь под плоский кусочек металла, — и с легким щелчком, (а потом и с звонким дребезжанием по полу) табличка отскочила.

«Мод Элизабет Смити», было выбито на позеленевшей от времени оловянной поверхности.

— Вот значит какие настоящие имена, — восторженно прошептала Сентябрь. — Вот значит что произносят родители, когда ты раз не спускаешься к ужину, потом еще раз, слыша свое обычное имя. *Поэтому* приходится бежать по лестнице сломя голову. Правильно когда-то сказала Лия, у настоящих имен есть власть. Это и Зеленый ветер говорил. Хранить в тайне свое настоящее имя. И я, вроде, никому и не говорила. — Она подняла голову и увидела спокойные круглые глаза Яго, вперившееся в нее. Вдруг он покосился на Маркизу, и тотчас же Сентябрь поняла. Всё сразу. Каждый стык паззла и каждую нить в узоре. — Это твои часы! — она махнула ими перед лицом Маркизы. — Часы, которые не ходят!

Внезапно ставшие черными волосы Маркизы выдали ее ярость. Ее лицо зарделось, а Яго негромко взвыл. Но спустя

несколько мгновений, Маркиза печально вздохнула и сняла шляпу, накрыв ею крышу домика с кукушкой. Обеими руками она расчесала волосы, — пряди стали естественного, белесого оттенка. Она огладила свой наряд также двумя руками, — и он превратился в желто-серое платье, с кружевной отделкой ворота, которое носят дочери фермеров.

— Это ты мне снилась! — воскликнула Сентябрь.

— Мы похожи, Сентябрь. Хоть ты и упрямишься это принять, но мы практически одно и то же. Мне тоже было одиннадцать когда-то, и я носила это платье, и на нашей ферме мы выращивали больше томатов, чем где-либо во всём Онтарио. У нас были акры помидорных плантаций. Но богатыми мы не были, потому что отец пропивал практически всю выручку. Моя мама была швеёй, ставила заплатки и что-то ремонтировала почти всей округе. Она умерла, когда мне было восемь, и я унаследовала всю ее клиентуру. Так я могла хоть как то прокормить себя. Мне даже получилось скопить на выходное платье, которое я надевала всё раз, на праздник сбора урожая. И я всегда пахла помидорами, — ужасный, ужасный запах. Но к счастью, в один из дней, в обычный день, когда мое терпение дрожало на пределе от этого запаха, от этих нагруженных мулов и от этой рутины, я заперлась на чердаке и не отзывалась на крики отца, до тех пор, пока он не бросил поиски и не отправился в поле один. О какой чудесный это был день! Я ковырялась в разных старых штуках, которые были спрятаны там моей мамой и мамой ее мамы. Думаю, ты догадываешься, что произошло дальше. Там стояла какая-то старинная тумба, старая скатерть накрывала ее целиком. Я приподняла ее и открыла дверцу, и меня просто поразило, как же темно было внутри, за дверцей, так что я просто не могла не забраться внутрь. И как только я поместилась вся, дверь захлопнулась! Не видно было ничего, но я могла идти, и я шла, — долго-долго, пока не взошло снова солнце. Кругом была такая яркая зеленая трава и в ней росли такие красивые красные цветы, что просто дух захватывало! И совсем рядом сидел Леопард. Такой большой, какой может быть только жизнь. — Маркиза вот-вот могла расплакаться, — Понимаешь Сентябрь? Я *наткнулась* на Королевство Фей. Я не представляла даже, что мне делать. А ветер негромко и сладко шептал мне что-то в ухо, и всё вокруг было таким красивым, и нигде не видно было даже кустика помидоров. Я даже подумать не могла, что где-то запустились часы. Столько всего я испытала, Сентябрь! Столько приключений! Я подросла немного и больше не выглядела невзрачной крохой, — и знаешь как я была этому рада! Один молодой волшебник со смешными ушами, как у волка, который впервые

меня видел, пустил меня в свою библиотеку. Представляешь, Сентябрь?! Сколько я всего узнала! Я, простая дочка фермера, могла сидеть весь день и только читать книги! Неописуемое, невыносимое удовольствие, скажу я тебе. А волшебник, не унимаясь, спрашивал мое имя; день за днем, подходил и задавал один и тот же вопрос, — но что я могла ему ответить? Мод — такое примитивное и корявое имя по сравнению с именами тех, кого я успела узнать. И знаешь, однажды, он позвал меня помочь ему в оранжерее, и там показал, как правильно, без особых потерь выкопать корень одного удивительного растения, из которого, если его правильно сварить, а затем загустить и подсластить, могут получиться прекрасные ириски, всё волшебство которых отразится на волосах, и они смогут принимать какой-угодно цвет. — Заливаясь слезами, Маркиза протянула дрожащую руку, словно кукла. — Я взяла его за руку и сказала: «*Зови меня Мэллоу*».

От неожиданности Сентябрь открыла рот.

— И знаешь, Сентябрь, дни потянулись, как во сне. Не понятно как у меня появился Меч, и я свергла Короля Златоуста со всей его армией туч и облаков. Я стала Королевой. Забота и мудрость были моими основами правления. Я вышла замуж за волшебника, и мы счастливо зажили вместе. Королевство расцветало, а я в то же время совершенно забыла, как выглядят и как пахнут помидоры. Леопард всегда был рядом со мной и всегда был весел и игрив. Дни шли, и я обнаружила, что внутри меня зреет ребенок, но я не спешила сообщить об этом своему волшебнику. Это был секрет, который сгущал мои сны, когда я, лежа на лужайке перед домом, клала голову на мягкие лапы Леопарда.

— Я сейчас вспоминаю всё это, втайне надеясь услышать тиканье моих часов. Последнее тик-так перед полуночью, когда меня вышвырнуло из Королевства домой. Как будто я была никем в нем. Я проснулась, как была: внутри тумбы, обнимая руками колени. Ощущения, что прошла уйма времени, не было вообще. Мой дом, пропахший помидорами, только он. Ни Леопарда, ни волшебника, ни ребенка. Мне снова было одиннадцать, внизу орал вернувшийся с работы отец, и я ко всему прочему была ужасно голодна. Я практически чувствовала, как от отца пахнет ликером, — и в то же время чувствовала всю радость, всю насыщенность моего бытия в Королевстве Фей. И конечно, ужас потери! Вот так, во мгновение ока, за последний удар часов! Я уверена, Сентябрь, ты способна понять эту несправедливость. Ну а тогда, сидя в тумбе, я просто закричала. Я попыталась проломить деревянную стенку и вернуться обратно, заходясь в

воплях, словно умирающая. Естественно, отец отыскал меня и устроил мне настоящую взбучку, чтобы я впредь не пряталась и не отлынивала от работы; не могу забыть вкус крови на губах.

Маркиза опустилась на колени, а Яго, присев рядом с хозяйкой, положил голову ей на плечо.

— Но… Как же тебе удалось вернуться? — мягко спросила Сентябрь.

— Вернуться? — повторила она и замолчала. — Да я выгрызала этот путь, Сентябрь. Если бы мне не открылся путь, я бы поломала мир, как заклинивший ящик с игрушкой. Не осталось ничего на чердаке, что я бы не перещупала и не исследовала. И каждый раз разочаровывалась, будь это тумба или шкатулка от драгоценностей или коробка с письмами. Я читала газеты, как заведенная, выбирая статьи о пропавших детях, и, если такие находились, умоляла отца отвезти меня в тот город и в то место, откуда эти дети пропадали. Разумеется, он был глух к моим просьбам. Снова женившись, он отправил меня в школу, — чтобы я не путалась у него под ногами. Но так было даже лучше, — потому что и я его меньше видела! Моя новая школа помещалась в старинном здании, с полуразрушенными стенами и запыленными углами; если бы всё происходило в книжке, лучшего способа маскировки ворот в Королевство придумать нельзя было. И вот однажды утром, спеша на урок геометрии, я поднялась по ступенькам крыльца, но вместо парадных дверей школы оказалась внутри ослепляющего золотого сияния, которое источали солнце и небывалых размеров пшеничное поле. Я была опять дома, пусть этот переход дался мне очень тяжело: у меня потекла кровь из носа, и я чуть не упала в обморок. Но путь есть путь, — каким бы незаконным и болезненным он не оказался.

— Но как? — спросила Сентябрь, одновременно изнывая и боясь разгадки.

— Часы, Сентябрь. Часы — самое главное. Они всему судья. Мне нужен был верный человек внутри Королевства. Кто-то кроме мужа или Леопарда, для кого преданность мне была бы выше любого закона, гуще крови и прозрачнее границы, — не важно кто он, хоть кот, хоть человек: кто-то вышедший из моих рук, любящий меня, для кого разлука со мной элементарно невыносима.

— Лия!

— Да, она, мой несчастный голем, именно она пробралась сюда, невзирая на то, что местная вода практически смылила, истончив, ее тело. Она сразилась с охранниками, этими двумя медведе-подобными глыбами, и расчистила себе путь в эту маленькую комнатку. Она отвела стрелки моих часов назад, и они

снова пошли, — ну а я, схваченная второпях за загривок, оказалась здесь. Тогда, конечно, я об этом даже не догадывалась. И прошло много времени, прежде чем я добралась сама до этой комнаты и обнаружила здесь её скользкие следы. И в этот раз я просто остановила свои часы, чтобы больше никогда они не посмели отправить меня домой. Мой дом был здесь; и я снова чувствовала себя ребенком. Поскольку время здесь явление загадочное, мое отсутствие, длившееся всего год по привычному мне календарю, привело к тому, что все, кого я знала или кто знал меня, либо умерли либо очень постарели. Никто не помнил, как я выглядела, когда была одиннадцатилетней девочкой. Им я говорила, что убила ее. Это была моя месть, — с разрубленным троном и изорванными знаменами.

— Но зачем? Ты ведь могла снова разумно править и быть любимой! Может тогда просто вышло время, отведенное на свержение Короля Златоуста и восстановление Королевства…

— Я не игрушка, Сентябрь! — оборвала ее Маркиза, презрительно нахмурившись. Она опять расчесала волосы двумя руками, окрасив их в глубокий, как ночь, черный цвет. Потом провела двумя руками вдоль своего простого платья, не просто перешив его, но и добавив кружевных вставок и шелковых перевязок и бриллиантовых подвесок. Она надела снова шляпу и вытерла от слез глаза. — Я не позволю Королевству бросать меня, словно ему надоело играться со мной! Раз уж оно имеет право красть у меня жизнь, то почему не могу я?! Я знаю, какова жизнь, что нужно для ее течения, что делает ее настоящей, — всё это я захватила с собой из дома: налоги, таможня, кодекс и Опаловый Список. Если уж они не поленились обрушить меня в мой человеческий мир, я, в свою очередь, не поленюсь обрушить на них мой человеческий мир. Пусть знают! Я сковала цепями их крылья. Я приручила львов пресекать их попытки протеста. Я сделала Королевство *милейшим* местом для детей, которые попадают сюда ради веселья, я сделала его *безопасным*. Чтобы у каждого попавшего сюда ребенка была бы жизнь не менее счастливая, нежели была моя! Понимаешь, Сентябрь? *Разве есть смысл возвращаться?* Нету. И мы это вдвоем можем починить. Расторгни шестеренки. Сделай благо нам обеим. Пусть это место никогда больше не причинит вреда тому, кого дома ждут лишь помидоры и кулаки отца!

У Сентябрь шла голова кругом. Ей казалось какое-то время назад, что больше она не сможет плакать, но история Маркизы выворачивала душу наизнанку, — и слезы текли горячим ручьями, одновременно жалостливые и горькие и пугающие. Рядом тихо скулил Яго, оплакивая Мэллоу, в одном лице Маркизу

Королевства Фей.

— Мне так жаль, Мэллоу…

— Не смей называть меня так, — крикнула Маркиза.

— Ну, Мод, если хочешь. Мне правда жаль.

— Ты здесь, чтобы показать мне, насколько я слаба?

— Нет.

— Хорошо. Теперь ступай и сделай то, что я прошу. Иначе я приволоку сюда твоих друзей и объявлю для Яго великолепную пирушку. Думаю твой мясистый красный друг придется ему по вкусу.

Яго едва заметно, по-кошачьему ухмыльнулся.

Сентябрь стояла, избегая пристального взгляда Маркизы, сосредоточившись на маленьких жемчужных часах, покоившихся в ее ладони. Жизнь, — безграничная и непредсказуемая, — сияла перед ней, однако утекала сквозь пальцы недвусмысленным заключением, что она опять, (к своему ужасу, к нелепости мира) окажется потерянным, заблудшим ребенком. Мысль, а точнее череда образов, не приводили к четкому ясному выводу. Сентябрь, пока Маркиза, (несчастная разбитая Мод, старающаяся разбить и всё Королевство в отместку) свернулась в клубок внутри самой себя, как змея, перевернула часики тыльной стороной кверху, поддела крышку ногтем и открыла отсек с пружинами завода. Сентябрь сразу поняла, что перед ее глазами; а разве иначе она способна бы оказалась хотеть домой, вспоминать о доме во всех подробностях?

Она сразу обнаружила пружину, завод которой был остановлен. После того, что она проделывала с двигателями, часы казались сущей ерундой, и она ни на мгновение не сомневалось, что всё получится. *Даже если я окажусь королевой*, подумала девочка, *я ни за что не отдам приказа заковать цепями крылышки Дола.*

Она вытащила из-за пояса гаечный ключ. Совсем не думая, что он слишком большой и не подходящий, она ткнула им в маленькую жемчужинку.

— Он будет таким, каким я хочу, чтобы он был, — едва слышно пробормотала она.

Ключ вздохнул. Он начал словно таять в руках Сентябрь, как тает сосулька в нагретый весенним солнцем день, пока не превратился в крохотный ювелирный ключ, каким пользуются часовщики в своих мастерских. Время и неожиданность были теперь на стороне Сентябрь; Маркиза не успела даже рта открыть, когда она поднесла рожкообразное окончание ключа к колесику в часовом механизме и повернула его.

— Да как ты смеешь!? — завопила она. Отточенным

движением она погладила Яго по спине, но он всего лишь поднял большие изумрудные глаза на нее.

— Мэллоу, — прошептал он, — нет больше сил.

— Ну как же так! Я не должна покинуть это место! — схватив Сентябрь за руку, закричала Маркиза

— Не смей прикасаться ко мне! — ответила резко девочка, — Ты совсем не такая, как я!

— И ты думаешь, что Королевство полюбит тебя? — Истерично улыбаясь, словно грозя смехом, как ножом, сказала Маркиза, — Только потому, что ты — хорошая девочка, а я — плохая? Да ему плевать и на тебя и на меня. Оно никого не любит. У него нет сердца, а есть только время. И когда оно закончится, тебя бесцеремонно вышвырнут, как меня когда-то

Сентябрь, не отпуская гаечного ключа (за который они двое сейчас боролись), молча и согласно кивнула. Свободную руку она запустила туда же, в крошечный механизм, отчаянно стараясь сдвинуть с места колесико часового хода. Другие колеса механизма, хоть и не щерили на нее зубы, изрядно исцарапали ей палец и залили всё вокруг кровью.

— Нет! Нет! Я не позволю тебе! Я не хочу домой! — сквозь плач, вскрикивала Маркиза.

И вдруг она сделала что-то невообразимое.

Она сдалась. Покинула поле битвы. Отступила на шаг назад, — такой большой, что даже невозможно соотнести его с размерами крохотной комнаты. За ее спиной сверкнула молния, осветив многочисленные струи дождя, скатывавшиеся по стеклянному куполу.

— Я не позволю! Ни тебе, ни Королевству. Ни один из вас не выиграет! — Она сложила обе руки на груди. — Всею мощью магии, оставшейся во мне. Давай, заводи часы, пусть моя жизнь снова потечет. Но я знаю секрет, который ты не знаешь. Потому что я прочитала сказок гораздо больше, чем ты. Гораздо больше. Я не злодей в этой истории. Не темный повелитель. Я здесь принцесса. Благородная Дева Украденного Царства. Ты можешь вспомнить хоть одну принцессу, чья неприкосновенность была бы разрушена? Я — нет. Я собираюсь уснуть. На сто лет, на тысячу, мне всё равно. Мои враги сами изничтожат друг друга, а потом солнце взойдет, сгорая от желания увидеть вновь любимое, невинное лицо.

Маркиза рухнула на пол. Как скошенный цветок, буквально, настолько быстро, что никто не мог понять, почему она вдруг оказалась лежащей на полу.

Сентябрь повернула ключом колесико механизма. Стрелка нерешительно сдвинулась с места, но потом побежала вперед, все

быстрее и быстрее.

А потом маленькую комнату разворотил звон будильника.

ГЛАВА 20
Суббота желает

в которой побег удается, устраивается бой без правил, и появляется незнакомка.

— Померла? — прошептал Яго.

Он наклонил свою огромную черную голову так низко, что мог коснуться тела Маркизы в любой момент. Не больно, немного игриво Пантера Свирепых Штормов цапнул хозяйку за подбородок. Однако она как лежала с закрытыми глазами, глубоко и размеренно дыша, так и осталась.

— Похоже, нет… — ответила Сентябрь с опаской.

— Мой долг увезти ее куда-нибудь. Где тихо. Традиций, я думаю, нарушать не стоит, и я подыщу для нее подходящий гроб.

— А она не отправится разве домой… вскоре? Часы-то пошли.

— Я не эксперт в этих вопросах. Может быть, она уже вернулась. Может быть, видит во сне отца и помидорные плантации. Надеюсь, что нет. — раскатисто мяукнув, Пантера замолк ненадолго. — Я любил ее. Когда она спала, она была так похожа на Мэллоу. Я смотрел на неё и думал «*однажды она проснется, и всё будет как прежде, и мы вместе поедим вкусных пирогов и посмеемся над какими-нибудь глупостями*».

Где-то в Одинокой Темнице что-то рухнуло. Эхо прокатилось по всей башне, и Яго, услышав его, скорее растерялся, чем удивился.

— Большая часть этого мира держалась благодаря ее воле. Теперь, определенно всё начнет рассыпаться. Даже интересно, как мы станем выглядеть в ближайшем будущем? Без неё-то.

— Яго, пожалуйста, помоги мне добраться до моих друзей и освободить их!

— О, значит, одному из нас не терпится попасть в счастливый финал истории. — Не видящим, остекленевшим взглядом, Яго исследовал бесконечность пространства. — Она кормила меня рыбой. — прошептал он. — А еще черничным муссом.

— Надеюсь, раздельно, — сказала Сентябрь, залезая в седло. Она думала, что ее слова заставят улыбнуться Пантеру Свирепых Штормов, но он молча напряг лапы, оттолкнулся и взмыл вверх. Резкое движение смахнуло из глаз невероятно большую каплю слезы, которое, упав со щеки, окатило обездвиженное, холодное

тело его хозяйки.

— Суббота!…

Марид лежал на полу небольшой камеры со связанными за спиной руками и с кляпом во рту. Следы львиных укусов на его теле разбухли и почернели, глаза заметно ввалились.

— Проснись, Суббота!…

Мальчик застонал во сне. Позади него в стене башни появилась извилистая трещина. Еще не глубокая, но вот-вот готовая обвалить стену.

— Суббота! — Сентябрь закричала. Она схватила гаечный ключ, как меч, — и он опять вырос в ее руке, — и изо всех сил рубанула им по стеклянной заплесневелой двери камеры. Проход был открыт. Мелкие осколки рассыпались по полу вокруг. Сентябрь ворвалась внутрь и рабочей частью ключа развинтила наручники, а потом вытащила изо рта Субботы кляп. Медленно, устало он приоткрыл глаза.

— Сентябрь! — хрипло пробормотал он.

— Ты сможешь идти? Нам надо скорее смываться отсюда! Темница рушится!

— Ничего с ней не сделается. Дракон ее заново отстроит..

— О чем ты? Мы на самом верху, мы точно убьемся!

— Ну на самом деле она вовсе не дракон, а…

— Суббота! Очнись! Сосредоточься на моих словах! Где Дол?

Невысоко подняв руку, Марид махнул в сторону соседней камеры. Яго заглянул туда.

— По-моему этого уже не расшевелить. Очень плохо выглядит.

Сентябрь аккуратно уложила Субботу на пол и затем бросилась в камеру к Долу. Огромное скрючившееся малиновое тело Вивертеки лежало в углу, не издавая ни звука. Чешуйки его кожи были усеяны ужасного вида зелеными ранами, которые не переставали кровоточить. Его милое лицо было перепачкано неприятным бирюзовым налетом высохших слез.

— Дол, пожалуйста! Нет, нет, нет, не вздумай быть мертвым!

— А что плохого? — пробормотал Яго. — Определенно, это распространенный поступок среди друзей. Я думаю, в этом есть практическая основа дружбы.

Еще раз рубанув с плеча гаечным ключом, Сентябрь расколола еще одну дверь. Сдвинуть же с места чудовище не получалось вообще. Недалеко снаружи откололась и обрушилась в бушующее море верхушка соседнего с башней купола.

— Яго, мне не сдвинуть его с места!

— Думаю, да.

— Помоги же мне!

— Я не всемогущий. Я умею летать, но на этом мои умения заканчиваются.

Потолок камеры рассекла глубокая трещина, и в следующее мгновение мелкий острый стеклянный дождь обрушился на Сентябрь. Вслед за этим хлынули струи холодного обычного дождя.

— Помоги мне, прошу! — взмолилась Сентябрь.

— Попроси другого. — промурлыкал огромный кот. — Кто всемогущий. Ну, по крайней мере недалек от этого.

Не сообразив сразу, о ком были слова Пантеры, Сентябрь рассеяно заморгала, но вскоре быстро вскочила и, боясь порезать ногу, медленно пошла в соседнюю камеру.

— Суббота! Суббота, проснись!

— Скорее всего, она рыба, но тоже не… — едва слышно бормотал Марид.

— А ну дерись со мной! — истерично засмеявшись, испугавшись своих собственных слов, вскрикнула Сентябрь.

— Что? Дракон презирает драки… а я… даже мышь не положу на лопатки…

— Тем лучше! Значит, я разделаюсь с тобой в два счета.

Суббота трусливо съежился.

— Ты что, не понимаешь? Я могу загадать желание, и мы все выберемся отсюда! Но для этого тебе нужно схватиться со мной. *Ты же сам мне это говорил*. Марид, поверженный в честном бою, может исполнить любое желание.

По мере того, как до Субботы доходили слова девочки, его ультрамариновое лицо то темнело, то светлело. Наконец, немного трясясь, он поднялся.

— Я плохо стою на ногах, — предупредил он.

— Я знаю, — прошептала Сентябрь.

Очередная трещина поползла по стеклянной стене камеры. Бойцы испуганно посмотрели в ее сторону, но почти тотчас же Сентябрь набросилась на Марида, рассчитывая выиграть преимущество за счет неожиданности. Её колено прошло в нескольких сантиметрах от живота. Суббота в последнее мгновение проворно увернулся, шагнув в сторону. Она попыталась напрыгнуть сзади, но ловкий Марид схватил ее, прижав руки плотно к телу, и припечатал к стеклянной стене, которая тотчас развалилось на кусочки. Холодный ночной воздух обжег ноздри. Бойцы повались вниз вслед за обломками и осколками. Они приземлились нескольким этажами ниже, мелкая стеклянная крошка продолжала обсыпать их, словно прозрачный снег. Весь удар падения Суббота принял на себя, но неожиданно, внутри прочного кольца девочкиной хватки, он почувствовал, как

напряглись его мускулы. Это пробудилось желание. Кровь Марида, бушующая и сверкающая, как море, оживила его. Теперь, невзирая на все порезы, ушибы и слабость, и на то, что от него требовалось оказаться повергнутым, он чувствовал в теле пламя борьбы и необходимость взять верх в поединке. Глаза Марида сверкнули, он развел руки в стороны и сильно и резко ударил кулаками девочку по обоим бокам. Она вскрикнула. Через мгновение хватка ослабла. Суббота отпихнул ее от себя и проворно вскочил на ноги. Он зарычал. Губы скривились в страшной ухмылке. Он был неузнаваем. Видя замешательство Сентябрь, он рванулся к стеклянной ступенчатой кладке и побежал вверх, как по лестнице. Сентябрь опомнилась и бросилась в погоню. Почти догнав Субботу, она прыгнула вперед, хватая его за ноги и сбивая с ног. В ту же секунду она уселась сверху и принялась кулаками отбивать ультрамариновые мускулы спины мальчика, закрыв при этом глаза, думая, что так будет менее больно от понимания того, что она делает с дорогим ей существом. Суббота стонал от боли, но нашел силы перевернуться, схватил Сентябрь за волосы и стащил с себя. Девочка завизжала, но через мгновение снова накинулась на Марида. Ее ногти царапали ему кожу, пока она подыскивала удобное положение тела для прочного захвата, но Суббота снова ударил ее кулаком в живот, отскочил в сторону и снова зарычал. Он чувствовал себя, как рассвирепевший шакал, и видел Сентябрь такой же, немного замешавшейся только и почти побитой, так что решил не останавливаться. Он наскочил на девочку, но их двоих стеклянная кладка не выдержала и, треснув, раскололась. Они снова полетели вниз и на этот раз приземлились на пол в большой зале, который также был стеклянным и хрупким, и также треснул и рассыпался на кусочки. Падение продолжилось. Этаж за этажом они пробивали собой стеклянные полы, пока скалистая порода основания не остановила их. Суббота и в этот раз оказался снизу, застонав от ужасной боли. Сентябрь мягко перекатилась в сторону.

— Ты цел?

Марид не ответил, лишь вытянул руку, пытаясь схватить девочку за волосы. Его глаза уже не сверкали, они были мутны и пугающе темны от силы желания, укрепляющейся в нем. Сентябрь увернулась и, навалившись на Субботу, обвила его руками. Она старалась изо всех сил, но и Суббота тоже не собирался уступать. Сцепившаяся пара вертелась с боку на бок и перекатывалась с места на места, тяжело дыша и периодически вскрикивая. Стараясь не разжимать рук, удержать Марида прочной хваткой, Сентябрь внезапно поняла, что если бы мальчик был здоров и

бодр, она бы даже минуты не продержалась против него. Она была под ним, ее подбородок упирался ему в шею, — и она укусила его. Неожиданная боль наполнила брыкавшееся тело Марида, встряхнув его целиком. Он вырвался из рук, но ударился о полуразрушенную стену и повалился на пол. Сентябрь увидела, что этот камень, на котором лежал изнуренный, заливаемый дождем Суббота, был одной из тех самых Шестерёнок Мира. Перед глазами понеслись воспоминания о долгом разговоре с Маркизой. Сентябрь чуть было не отвлеклась. Она снова набросилась на мальчика и встретив его сопротивление, повалилась с камня вниз, увлекая его за собой. «еще немного» подумала она — «еще немного ниже». Она больше не пыталась наносить удары, хотя боль в тех местах, по которым бил ее Суббота, обжигала очень сильно и раздражающе. Она просто перекатывала мальчика ближе к краю площадки, чтобы его собственная тяжесть увлекала его вниз, к новому падению, к новой боли. Так без остановок и пауз они скатывались по невообразимому огромному многоступенчатому механизму, с уступа на уступ, — пока наконец это не случилось.

Свалившись с шестеренки Королевства фей на железное зубчатое колесо ее мира, Суббота взвыл, агонизируя. Металл был ядовит, кожа покрылась ужасными крупными волдырями ожогов, ничуть не утоляемых холодом бесновавшихся струй штормового ливня. Марид пытался оттолкнуться руками, но это принесло еще больше боли. Он не прекращал выть и задыхался от боли. Сентябрь слезла с него и села рядом; ей хотелось обнять его, унять его невыносимую боль, — но вместо этого, быстро отдышавшись, она набросилась на Субботу, ударив его кулаками и справа и слева.

— Сдавайся! — закричала она, громче, чем вой продолжавшейся бури.

Суббота от ярости и бессилия закричал так, что Сентябрь захотелось заткнуть уши руками. Но она сдержала себя и еще сильнее вдавила плечи мальчика в ядовитую поверхность шестеренки. И Суббота обмяк в ее руках, — нечто исторглось из его тела, и мальчик перестал кричать.

— Сдаюсь, Сентябрь.

Мускулы Сентябрь расслабились, и она повалилась на тело мальчика. Холодный дождь обжигал ноги, руки и голову. Она положила ладонь на глаза мальчика и прошептала:

— Хочу, чтобы мы все до единого немедленно оказались где-нибудь в другом месте, где тепло и безопасно, много солнца и еды. Все, включая Дола и Мерцу чтобы были здоровы и не тронуты и цельны.

Она слезла с Марида, протянула руку и помогла ему подняться. Дождь стегал их сильнее и сильнее, однако они не замечали его. Они стояли, держась за руки, и улыбались.

— Привет! — неожиданно прозвучал детский голосок.

Сентябрь резко оглянулась назад и действительно увидела ребенка. Она стояла на каменной шестеренке, высоко над ними и часто моргала, избавляясь от дождя, залеплявшего глаза. У нее была синяя кожа, но не такого ультрамаринового оттенка, как у Субботы, и длинные густые темные волосы ниспадали на плечи. На левой щеке у нее была родинка. Сентябрь заметила, что и ступня у девочка была довольно большая. Ребенок спокойно смотрел на них, но вдруг, неожиданно улыбнулся и крикнул.

— А теперь найдите меня!

Суббота, потрясенный увиденным, взглянул на Сентябрь. Но она, очевидно, не поняла, что произошло.

А потом они исчезли. Вдвоем. Быстрые, как мысль.

ГЛАВА 21
Ты видела её?

в которой жизнь наполняется светлыми пятнами, но время всё так же неумолимо.

Сияние солнца было настолько ярким и плотным, что крупные пшеничные колосья отбрасывали друг на друга чуть розоватые тени. Все поле походило на мириады тонких накалившихся проволочек. Голубое небо возможно было рассмотреть только в густой тени деревьев.

Именно там, под защитой развесистой кроны, в которой желто-оранжевым блестели круглые плоды, лежали на мягкой траве четыре разных существа. Казалось со стороны, что они спят. Одно из них, девочка в зеленом жакете, лежала на животе, поджав руки к груди, свободно раскинув босые ноги. Её длинные темные волосы лежали крупной копной вокруг одного из плечей, а лицо было повернуто в сторону, где лежал мальчик, — розовое румяное и умиротворенное. Мальчик лежал на боку, поджав колени к груди, его ультрамариновая кожа была гладкая, на ней не было ни ожогов, ни царапин, ни черно-фиолетовых синяков, — только замысловатые черные ниточки, складывавшиеся в узоры и походившие на татуировки. Тонкие густые черные волосы были аккуратно собраны вместе на макушке и смотаны в подобие ракушки. Недалеко в стороне от детей размеренно сопел внушительных размеров красный виверн. Целые, крепкие чешуйки на его теле вздымались в такт дыханию. Рядом с кончиком его длинного хвоста, слабо сияя, прикорнул оранжевый бумажный фонарик.

Девочка проснулась первой. Она села, одновременно зевая, потягиваясь и приводя в порядок прическу, — но только лишь пальцы коснулись волос, воспоминания затопили глаза и мысли. Маркиза и Одинокая Темница и Ужасный Шторм. Сентябрь посмотрела на мирно спящего Субботу. Она снова легла на траву, повернулась на бок, так чтобы мальчик не видел ее, и заплакала, — не сдержано, но и не громко. С каждой слезинкой пережитый ужас обретал четкость и пронзительность, вынуждая плакать еще и еще, принося воспоминания о море, о розовой, как фломастер рыбе, о печали Королевы Мэллоу, о тоскующем и вредном Яго.

Когда слезы наконец закончились, Сентябрь повернулась к спине мальчика и нежно, одними кончиками пальцев, коснулась ее.

— Суббота, — прошептала она, вытирая глаза. — Кажется, сработало.

Он медленно открыл глаза.

— Почему мои волосы снова длинные? — спросила девочка, разбирая руками пряди.

Суббота перекатился на другой бок и посмотрел на нее.

— Ты же пожелала, чтобы все были не тронуты, — ответил он мягко.

Сентябрь подползла к красной громадине Дола. Надежда сжимала ее сердце и сдавливала легкие. Девочка нежно погладила виверна по широкой скуле, легко пощекотала нос.

— Дол, проснись пожалуйста. Давай, не тяни.

Большой, как декоративное блюдо, бирюзовый глаз открылся и окинул девочку взглядом.

— Я что-то пропустил? — спросил Отадолэ и зевнул, широко раскрыв пасть, просто несоизмеримо большую, чем рост стоящей возле него девочки.

Завизжав от восторга, Сентябрь ухватилась обеими руками за блестящий черный нос Вивертеки.

— Мерца! Милая, ты тоже вернулась!

Бумагу можно потом заклеить.

Сентябрь обняла фонарик, хотя сделать это было неудобно, и выглядело нелепо. Из фонарика в ответ появились длинные угловатые бледно-зеленые руки, которые обвили Сентябрь за шею, — но мгновение спустя вдруг исчезли: как будто Мерца стеснялась их, как будто они были их общим секретом, только их и ничьим больше. Вторя улыбке девочки, Мерца заморгала, как рождественский огонек.

— Прривееееет! — донесся свысока ласково рокочущий голос. Все четверо задрали голову и увидели большого Леопарда, лавирующего в незримых потоках воздуха, с Зеленым Ветром собственной персоной, восседавшим в седле, уперев в стремена ноги в зеленых унтах, его зелено-золотистые волосы развевались в разные стороны.

Сентябрь показалось, что она вот-вот лопнет от счастья, — от всех неисчисляемых объятий, от кошачьего облизывания, от того как головокружительно меняется ситуация и обстановка.

— Но тебе же запрещено здесь появляться! Как ты умудрился просочиться?

Зеленый ветер хмыхнул игриво.

— Правила Маркизы больше не актуальны! Никакая цепь не сдержит моего стремления к тебе, мой маленький каштанчик. К тому же, я с подарками!

Зеленый Ветер расстегнул и сбросил свой зеленый плащ, расстелив его на траве. В то же мгновение, на его поверхности появились множество аппетитных зеленых яств: шарики фисташкового мороженного, кубики мятного мармелада, несколько яблок и еще больше оливок, круглый пирог со шпинатом и продолговатая чиабата, замешанная вместе с петрушкой, укропом и тимьяном. Последними из рукавов появилась россыпь крупных зеленых корнеплодов редьки.

Все были охвачены восторгом и предвкушением пирушки, — одна только Леопард нервно переминалась с лапы на лапу.

— А мой брат не пошел с вами? — проскулила она. — Я его не вижу среди вас.

Сентябрь пристыженно покраснела, мгновенно забыв о празднике.

— О нем ты ничего не говорила в своем желании, — прошептал сочувственно Суббота.

Леопард мяукнула, громко и жалобно, словно котенок, не нашедший своего приятеля по играм.

— Ну да ладно. Всё равно бы он вернулся к ней, я уверена, хотя Мэллоу любили мы оба. Какую бы роль она не играла или играет, она остается собой всегда. Зато в шторм лучше брата нет защитника.

— Она всего лишь спит, — медленно произнесла Сентябрь. — Она проснется когда-то, да, Грин?

— Никто не может сказать точно, — вздохнул Зеленый Ветер. — Спящие Девы к сожалению приманивают к себе желающих поцеловать их. Но это лишь наблюдение чисто гипотетическое в своей основе. Тебе не стоит думать об этом. На какое-то время ты в безопасности. Какой смысл очернять сегодня послезавтрашними печалями или скорбями?

Думая о том, что сказал Зеленый Ветер, Сентябрь машинально перекатывала из ладони в ладонь яблоко, которое очень, очень сильно напоминало ей жемчужину. Она хотела спросить у Грина самое главное, что ее действительно волновало, но правильные слова подбирались с неохотой.

— Грин, — дрожащим голосом начала она. — Я знаю, что Маркиза не показала мне мои часы. Тогда… где же они? Сколько времени мне осталось?

Зеленый Ветер рассмеялся. Крона дерева громко зашумела, ветки затряслись и несколько плодов упало на землю.

— Милая, у тебя их нету! Маркиза знала об этом, поэтому

хотела обмануть тебя, подсунув свои. Часы есть у тех, кто Наткнулся. В этом их трагедия. В судьбах других тоже немало трагизма, но он не такой. Подменыши не могут уйти, не попросив помощи. Ну а Зачарованные… — Зеленый Ветер вытащил из кармана кителя песочные часы. Бордово красные песчинки, цвета вина, лежали горстью в нижней колбе. Подставка часов была сделана из эбенового дерева и к ней также была прикреплена оловянная табличка. «*Септемба Морнинг Бэлл*» было выгравировано на ней.

Верхняя колбочка часов была практически пуста.

— Там еще есть песок, — указал Суббота.

— Ты прав. Но у Зачарованных своё огорчение. Особенное. Близкое к отчаянию. Тем, кто Наткнулся, не положено остаться. Зачарованным уготовано не покинуть Королевство.

— Что? — воскликнула Сентябрь.

— Сентябрь, ты помнишь свою любимую толстую оранжевую книжку, полную сказок и старинных легенд и историй? Помнишь историю об одной девочке, которая спустилась в подземелье и провела там всю зиму, так что в ее отсутствие мир иссох от скорби и печали, покрылся снегом и льдом? Ведь ее удерживали под землей всего шесть съеденных зернышек граната. И домой она могла вернуться только с наступлением весны.

— Помню. — медленно выдохнула Сентябрь.

— Это и значит быть Зачарованной. Когда упадет последняя песчинка, ты отправишься домой, как когда-то бедняжка Мэллоу. Но как только наступит Весна, ты вернешься снова, а часы перевернутся и время потечет снова. И всё будет совсем не так, как было. Всё начнется с чистого листа. Ты теперь скована с нами воедино. Но ни здесь, ни дома твоя жизнь не будет цельной. Быть Зачарованной, значит не иметь возможность уйти и не иметь возможность остаться. Королевство всегда примет тебя радушно, и я безумно рад тому, что ты так себя зарекомендовала, даже не смотря на то, что я беспардонно скрыл от тебя правду, когда пригласил сюда. Но я уверен, что предупреждал тебя не есть ничего. Так что, если надумаешь подавать апелляцию, думаю, ничего не выгорит тебе от этого.

Сентябрь засмеялась.

— Ну да, предупреждал.

Она подумала, каково будет маме обнаруживать каждую весну ее исчезновение. Но тут же ей вспомнился рассказ Маркизы. Разве не говорила она того, что домашний мир ничуть не изменился в ее отсутствие, словно она никуда и не пропадала? Может быть, ее мама не будет скучать по ней. Может всё будет как долгий приключенческий сон.

Отадолэ согнул свою длинную шеи и аккуратно толкнул головой девочку в плечо.

— Когда придет весна, мы сможем встретиться в Муниципальной Библиотеке. Я расскажу тебе столько всего, сколько узнаю к этому времени! Ты будешь восхищаться моим умом, любить меня и гордиться мною!

— Дол, милый, да я и так люблю тебя!

— Каждый способен любить сильнее, — промурчал стеснительно Вивертека.

Внезапно, мысли Сентябрь перескочили в другую область, которую она всегда с печалью и сожалением наблюдала, но думать сосредоточенно об этом избегала.

— Грин! Раз уж законы Маркизы больше не действуют, может, стоит расковать Долу крылья!

— Определенно, стоит!

Сентябрь подбежала к большому бронзовому замку, сковывавшему длинную цепь, несколько раз обмотанную вокруг тела виверна. Ни одно из звеньев не потускнело и не покрылось ржавчиной.

— Эх, если бы я знала, как открыть его! — со вздохом пробормотала она. — Никудышный из меня оказывается вор!

Не тяжело, думаю, представить, как этот простой жалостливый вздох, вспорхнул ввысь, окутанный плотным облаком золотого пшеничного сияния. В прозрачной синеве неба его видно было издалека, словно бакен на спокойных, но переменчивых волнах воздуха. И это невероятное парение положило конец изнуряющему поиску, который день за днем не давал покоя Драгоценному Ключику. Неописуемый крик восторга, который он издал, действительно невозможно передать ни одним сочетанием звуков и слогов. Гораздо проще охарактеризовать скорость, с которой он помчался в объятия Сентябрь.

Отделившись от мерцающего силуэта солнца, Ключик летел, как маленькая комета. Ближе к земле, в тени деревьев и зелени листвы он был похож на светлячка. Не сбиваясь с курса, он опускался ниже и ниже, как раз к тому месту, где ждала его девочка, — к скважине большого бронзового замка. Его прибытие было встречено общим вздохом сюрприза и удивления, а потом, когда он блеснул, повернувшись, в замке, еще продолжительным воплем очарования и восхищения. Дужка замка выпала из гнезда, цепи повалились на землю. Отадолэ впервые с того далекого дня, когда он был еще маленькой ящеркой под маминым присмотром, распустил крылья.

Тень, немного гуще и больше, чем от дерева, накрыла всех, когда виверн принялся бить крыльями воздух, разминая мускулы.

Через секунду-другую он взлетел. Слезы капали вниз с его морды, он восторженно и сдавленно дышал.

— Ты знала, что я умею летать, Сентябрь? Ведь я лечу! Лечу! — выпуская струи пламени в воздух, Вивертека поднимался выше и выше.

— Ну конечно, знала, милый Дол! — наблюдая за пируэтами в воздухе, которые исполнял ее друг, прошептала Сентябрь.

— Ты все время следовал за мной? — удивленно спросила Сентябрь Ключик, который теперь легко узнала: именно он помог ее разгадать головоломку мира.

Ключик повернулся в замке, снова не без удовольствия сверкнув в плотных жарких солнечных лучах.

— Но это же просто невообразимо!

Ключику показалось, что эта восторженная чистая нота в голосе девочки исторгнет из него жизнь. Это чувство повторилось, когда девочка вытащила его из замка, — Она прикасалась к нему своими пальцами!

— Сможешь сделать то, что я попрошу?

Какой это был лишний, неуместный совершенно вопрос. Ну конечно, он сможет.

— Полетай и раскуй все замки, на ком бы ты их не встретил. Облети всё Королевство. Принеси желанную весть каждому, кто ходил по земле, умея летать. Когда всё будет сделано, думаю, наступит уже весна, и я снова вернусь сюда, и вот тогда мы уже никогда не разлучимся. Ты будешь кататься на лацкане моего жакета, мы будем вместе смеяться, гуляя под луной, и будем ходить на парады, где все будут смотреть только на нас.

Ключик поклонился девочке, — естественно, нигде не перегнувшись. После этого он взмыл в воздух и полетел, сверкая как маленькая искорка.

— Что ж, время практически вышло, — деликатно напомнил Зеленый Ветер. Бордовые песчинок оставалось не так уж и много в верхней колбе.

— Теперь я понимаю, — уныло пробормотала Сентябрь.

— Что? — спросил Суббота.

— Что означала надпись на руке указателя. Что значит, потерять сердце. Возвращаясь домой, я оставлю его здесь, и думаю, оно вряд ли когда-нибудь там застучит снова.

— Я сберегу его для тебя в целости, — прошептал суббота, поражаясь, насколько храбро звучат эти простые слова.

— Ты не забудешь отыскать До Скорого и передать ей Ложку, а, Грин?

— Ну конечно, моя скворушка.

— И обещай показать Мерце Пандемониум, Дол. И море и

лисапедов, и всё-всё-всё, что есть в мире.

— Как я могу обещать такое, — захохотал Вивертека. — А вдруг Библиотека не предоставит мне полноценного выходного для этого!

Мерца нисколько не расстроилась, закачавшись в воздухе, да и Сентябрь поняла, что Дол шутит.

Она повернулась к Субботе.

— Ты видела её? — озобоченно спросил Марид, пристально разглядывая Сентябрь глубокими темными глазами. — Нашу дочку. Там на верхней шестеренке. Видела, да?

— Что? — изумленно переспросила Сентябрь. Но в следующее мгновение ее уже не было в тени деревьев недалеко от пшеничного поля, простиравшегося на многие мили во все стороны. Она исчезла внезапно и мгновенно, словно пламя задутой свечи.

ГЛАВА 22
«Зачарованный» значит «не остающийся нигде».

в которой Сентябрь возвращается домой.

Вода в мойке давно уже остыла, хлопья мыльной пены полопались и улетучились, так что розовые цветы на желтых чайных чашках не навевали никаких ассоциаций. Их просто надо было вымыть, пока мама не вернулась с завода. Немного холодно было стоять босиком на деревянном полу. Сентябрь обернулась и увидела под подоконником одинокую черную туфельку; рядом с ней радостно тявкая, возилась крохотная собачка. Сентябрь подняла глаза вверх и увидела привычные еще бледные красноватые отблески на стекле окна. Вечер, еще нерешительный, подкрадывался к ее маленькому дому. Скоро он плотно прильнет к окнам своим черно-синим телом и будет знать все, чем заняты жильцы.

— Ой, вот-вот ведь вернется мама! — неожиданно опомнилась девочка. — Как же действительно рада я буду увидеть ее!

Она подбежала к плите и поставила греться чайник. Потом порезала кружочками апельсин, разложила их на небольшой чистой тарелке и поставила на стол. Потом открыла окно и вдохнула полной грудью.

В кладовке девочка нашла шерстяной плед и, поудобней кутаясь в него, устроилась в большом, уже довольно ветхом отцовском кресле. Оно стояло прямо напротив входной двери, так что мама, вернувшись домой, первым делом смогла бы увидеть свое дитя, с которым ничего страшного не случилось. Глаза девочки слипались, и сопротивляться этому было бесполезно. Сентябрь рада была проспать целое столетье.

— Интересно, чем же на самом деле занимаются феи? — спросила она полушепотом у собачки, елозившей возле кресла. Почувствовав, что на нее обратили внимание, она оставила в покое хвост, улеглась, положив голову на лапы, и стала смотреть на хозяйку. — Когда я вернусь, первым делом спрошу об этом Дола! Думаю, за год он дочитает энциклопедию до буквы «Ф». Через год я не собираюсь вести себя так безрассудно и оставлю

маме записку, чтобы не волновалась. И молока налью целью целый стакан и ставлю для неё.

Подтянув краешек пледа до самых щек, Сентябрь крепко уснула. Она не почувствовала даже, как вернувшаяся со смены, (которая выдалась в этот день длиннее обычной) мама перенесла ее в кровать.

Кроме того, что ее дочь цела, тепла и спит, чуть приоткрыв рот, она не заметила ничего. А кто бы заметил? После такой тяжелой, изнурительной смены на заводе. Возможно это даже и к нашему счастью, что уставшие мамы не способны разглядеть деталей, — иначе неизвестно какими бы скандалами обернулся вечер, случись Сентябрь объяснять вещи и пережитые трудности, для которых у нее совершенно не было необходимых слов. Всяким историям необходимо заканчиваться. Ради других историй, поджидающих в уголках последних страниц книги, манящих еще большими приключениями, балами и пирушками под пронизывающим лунным светом. Поджидающих там, где приходит снова весна.

Ведь на самом деле, тень мамы со спящей на руках дочерью, которая провожала их до самой лестницы на второй этаж, должна была бы топорщиться с одной стороны, там где свисали ноги Сентябрь, — однако тень была продолговатой и гладкой.